А. Дангулов С. Дангулов

LEGENDARY JOHN REED

Легендарный Джон Рид

Ten Days that Shok the World

by JOHN REED

ДЖОН РИД

Десять дней которые потрясли мир

Книга от начала
и до конца
документальна.
Жизнь Джона Рида
представлена в книге,
как отразили
ее документы,
если отнести к ним и все
автобиографическое,
что написано
самим Ридом.
В ней своеобразно
преломились и
некоторые разыскания,
к которым
имеют отношение
ее авторы.
Что же касается
комментариев,
то они не
посягают на суверенность
документа,
а имеют целью
обнаружить
его смысл,
утвердив
в данном смысле
главное:
формирование
Джона Рида,
человека
и революционера.
Так или иначе,
а документальное
существо книги
позволяет воссоздать
жизнь американского
журналиста
с возможной
достоверностью
и точностью.
По крайней мере
это было
целью замысла.

А. ДАНГУЛОВ

С. ДАНГУЛОВ

Легендарный Джон Рид

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
МОСКВА
1978

3КИ1(092)
Д17

Художник
Г. В. Дмитриев

Д $\frac{11301-100}{М-105(03)78}$ 66—78

Вместо предисловия

Имя Джона Рида — прогрессивного деятеля Америки, писателя и публициста хорошо известно во всем мире. Оно дорого нам, советским людям: Джон Рид был свидетелем и участником великих событий нашей революции и запечатлел их в своей бессмертной книге «Десять дней, которые потрясли мир». Рид — личность в высшей степени многогранная и яркая. Издавна она привлекала внимание литераторов. Ей посвящены обширные монографии, публицистические эссе, критические исследования. Становление Рида, человека и революционера,— тема этих работ, по крайней мере многих из них. Эта тема интересует и нас. Мы стремились так построить нашу книгу, чтобы перенести читателя в обстановку революционных событий, свидетелем которых был Рид.

Книги подобного жанра известны в нашей литературе — мы имеем в виду работы В. Вересаева «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни» — различие, пожалуй, заключается в том, что мы сочли возможным обратиться к комментарию. На наш взгляд, он подсказан особенностью материала и здесь необходим.

Жизнь Рида возникает в книге, как ее отразили документы, если отнести к ним и все автобиографическое, что написа-

но самим Ридом. В этой связи мы не обошли известных книг Рида «Десять дней, которые потрясли мир» и «Восставшая Мексика». Без этих книг такая работа была бы немыслима. Однако главное внимание мы обратили на документальные рассказы Рида, дневниковые заметки, письма, неизвестные и малоизвестные широкому читателю. Как заметит читатель, здесь достаточно полно использованы письма Рида Карлу Хови, а также документы из мексиканского архива Рида, в свое время переданные нам семьей редактора «Метрополитен» и ныне хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В книге воссозданы некоторые из дневниковых записей Рида, обнаруженных известным литературоведом А. И. Старцевым в США. В книге воспроизведены письма Рида Луизе Брайант, а также письма Брайант Риду, опубликованные в США. Читатель обратит внимание на очерки Рида, малоизвестные, напечатанные в «Метрополитен», «Мэссиз» и «Либерейтор»,— некоторые из них использованы в книге. В той мере, в какой поэзия Рида отвечала целям нашей работы, мы сочли возможным воссоздать отрывки и из ридовских стихов. Так или иначе, а автобиографические свидетельства занимают в нашей работе свое место.

Возможно полнее мы стремились представить здесь русскую тему. С того самого знаменитого письма Рида на бланке гостиницы «Метрополь», которое он послал Карлу Хови из Москвы 9 июля 1915 года, до статьи «Советская Россия сегодня», посвященной поездке в Клин, статьи, которую смерть оборвала на полуслове, тема революционной России занимала большое место в жизни и творчестве великого американца. Все автобиографическое, вплоть до стихотворения Рида, посвященного П. И. Чайковскому, и ридовского предисловия к роману И. С. Тургенева «Дым», мы старались воспроизвести здесь.

В книге использовано все наиболее важное, что написано в США о Джоне Риде. Здесь, наверно, свое большое значение приобретают работы Альберта Риса Вильямса, который в незабываемые октябрьские дни был рядом с Ридом. Наряду с его книгами «Сквозь русскую революцию», «Ленин — человек и его дело», «Советы», мы обратились к обстоятельной работе Вильямса «Путешествие в революцию», работе, которой автор посвятил последние годы жизни и которая вышла в свет уже после смерти Вильямса. К американским книгам о Риде, вышедшим в последние годы, следует отнести и монографию Карла Хови «Львенок», которая впервые вышла в СССР *.

* Карл Хови. «Львенок» М., «Художественная литература», 1969.

Много ценных свидетельств о Джоне Риде содержит книга Линкольна Стеффенса «Люди, которых он знал»; как известно, Стеффенс принимал близкое участие в судьбе Рида и его воспоминания существенно дополняют наше представление об авторе «Десяти дней».

В последние годы в США появились интересные работы видных прогрессивных публицистов, в частности Арта Шилдса и Джона Говарда Лоусона; в нашей работе мы воспользовались их свидетельствами, когда речь идет об оценке известных этапов в жизни Рида. Как всегда, много материала, чисто человеческого, дает мемуарная литература. Наряду со старыми книгами, такими, как «Книга Билла Хейвуда», воспоминания Уильяма Фостера, Элизабет Герли Флинн, мы обратили внимание на книги Тамары Хови «Джон Рид — свидетель революции», Р. А. Розенстоуна «Биография Джона Рида», а также книги Янга и Александера. Во всех этих работах мы находим яркие страницы о Риде.

Особое место в литературе о Риде занимает недавно вышедшая книга — биография Уокера и О'Коннора. Некоторые из положений, которые авторы развивают в этой книге, нам не кажутся убедительными, но нам представляется ценным фактический материал, которым воспользовались авторы, описывая годы детства и юности Рида,— известно, что здесь использованы не публиковавшиеся ранее материалы из архива Луизы Брайант.

Свой вклад в литературу о Риде внесли советские ученые и литераторы: И. И. Анисимов, А. Ф. Иващенко, Е. Я. Драбкина, А. И. Старцев, Б. А. Гиленсон, Т. К. Гладков и многие другие — к некоторым из этих работ мы адресуемся в нашей книге.

Книга, к которой предстоит обратиться читателю, возникала много лет. Смеем думать, что она стремилась объять многое, что известно о Риде. В ней своеобразно преломились и некоторые разыскания, к которым имеют отношения авторы настоящей работы. Природа жанра книги такова, что приоритет отдается документу. Что же касается комментариев, то они не посягают на суверенность документа, а имеют целью обнаружить его смысл, утвердив в данном случае главное: формирование Рида, человека и революционера. Так или иначе, а документальное существо книги позволяет воссоздать жизнь Рида с возможной достоверностью и точностью. По крайней мере это было целью замысла.

В книге воспроизведены фрагменты текстов, опубликованные и неопубликованные, которые перевели Э. А. Бочкарева,

Г. Н. Ерофеева, Л. В. Ларичева, Т. И. Козловская, В. А. Неделин, Е. С. Пестковская, С. А. Раскина, А. А. Ромм, Я. М. Черняк, И. М. Шрайбер. В переводе поэтических текстов участвовали И. Гурова, Б. Слуцкий. Благодарим всех.

В заключение мы хотели почтительно отметить совет и помощь наших американских и английских друзей: жены Альберта Риса Вильямса — Люситы Вильямс, жены Линкольна Стеффенса — Эллы Уинтер, семьи Карла Хови — Тамары Хови и Ли Голда, а также Арта Шилдса, Джозефа Норта, Джона Говарда Лоусона, Джерома Дэвиса, Уолтера Лоунфелса, Джеймса Олдриджа.

Авторы

Джон Рид умер в возрасте 33 лет, и его короткий, но блистательный жизненный путь стал легендой, тайну которой пытались разгадать многие. Известны были его произведения, но что за человек был он сам? Почему случилось так, что мальчик, родившийся в богатой и привилегированной семье, выросши, отвернулся от материальных благ, которыми мог бы наслаждаться, и в столь полной мере стал жить жизнью угнетенных?.. Каким образом из окруженного чрезмерной заботой ребенка, хилого телом и слабого духом, вырос человек, смело скакавший под градом пуль и не боявшийся тюрем, куда попадал не раз за свою полную приключений жизнь? Каким образом мальчик, среди предков которого числились в основном прожженные бизнесмены... стал одним из самых выдающихся литературных талантов своего времени?

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

В Портленде, на Кедровом холме

По моему вольиому детству на широком Западе,
По мощной прекрасной реке, сетям, плотам,
Кораблям с индейскими командами, плывущими с заката,
По китайским кварталам, волнуемым таинственными гонгами,
По голубому гремучему Тихому океану, трубящему вечернюю зорю...
По милям желтой пшеницы, бурлящей в Чинуке,
По бескрайним фруктовым садам в разгаре цветения,
По золото-зеленым апельсиновым рощам
и нависшим над ними снежным вершинам...
По наглым городам, выскочившим из невезенья,
Хвастая и скандаля, смолоду и сдуру...
Я узнаю тебя, Америка!

Джон Рид. «Америка 1918»

Джон Рид родился 20 октября 1887 года...

В родном городе Рида, Портленде, в штате Орегон, ничто не напоминало о Диком Западе скотоводов. Напротив, здесь старались, чтобы все было чинно и «утонченно», следуя в этом примеру восточных штатов. Семья Рида и ближайшее ее окружение великолепно гармонируют с этим фоном и обрамлением. И сам Рид взращен и воспитан по всем правилам эпохи, которую называют Викторианской.

Карл Хови. «Львенок»

Викторианская эпоха своеобычно преломилась в истории Соединенных Штатов. Для Штатов она означала индустриальное обновление, стремительный рост городов. Она стала периодом бурного формирования промышленности и концентрации капитала. Причиной этому явились такие важнейшие события в истории страны, как Гражданская война 1861—1865 годов, уничтожившая рабство и провозгласившая буржуазные отношения, принятие в 1862 году гомстед-акта, утвердившего фермерский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, быстрое развитие промышленности, широкое внедрение лучших образцов мировой техники, приток богатейших иммигрантов из Европы. Значительному экономическому развитию страны также способствовало железнодорожное строительство, которое сыграло важную роль в индустриальном становлении Штатов.

Разорившиеся фермеры, ветераны Гражданской войны, мелкие предприниматели, оказавшиеся в затруднительном положении, устремились на запад. Здесь же сосредоточилось большое количество переселенцев из Европы, которые ехали сюда, завербованные железнодорожными и промышленными компаниями в надежде на лучшую жизнь.

В школе Джон Рид слыл незаурядным рассказчиком всяких небылиц. Впрочем, когда он утверждал, что родился в замке, это была истина, которую ни один из тогдашних обитателей города Портленда в штате Орегон не смог бы опровергнуть. Если даже они не видели собственными глазами, так уж, конечно, слышали о сером особняке в стиле французского шато, который стоял на вершине самого высокого холма в городе среди садов и великолепного парка. Этот дом принадлежал бабушке Джона — Шарлотте Грин и назывался «Седар Хилл» — «Кедровый холм».

Там 20 октября 1887 г. Шарлотта Грин с гордостью объявила о рождении внука. На церемонии крестин в епископальной церкви Святой Троицы с ее избранным приходом младенец был наречен Джоном Сайласом Ридом. Из церкви молодые родители вернулись с ним в «Кедровый холм» к миссис Грин, где Джон провел первые девять лет своей жизни.

Обширное имение было замечательным местом для игр маленького мальчика. В саду была большая оранжерея, где рос виноград, а по парку бродили ручные олени. В конюшнях стояли породистые лошади, которых запрягали в красивые коляски, вывезенные Генри Грином, покойным дедом Джона Рида, из-за океана. Перед домом простиралась широкая лужайка, где бабушка устраивала в летние вечера роскошные приемы. На елях, окаймлявших лужайку, укреплялись газовые рожки, и их колеблющийся свет озарял танцующие пары.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Если иметь в виду социальное происхождение и воспитание, то Рид был скорее великолепно подготовлен для защиты статус-кво, чем для нападок на него...

Его отцом был Чарльз Джером Рид — которого для краткости называли «Чи Джей», молодой человек из северной ча-

сти штата Нью-Йорк, приехавший на тихоокеанский северо-запад за несколько лет до этого в качестве торгового представителя фирмы, производящей сельскохозяйственный инвентарь. За несколько лет, прожитых в Портленде, за ним установилась репутация человека остроумного и энергичного.

Мать Рида, Маргарет, была дочерью Генри Д. Грина, одного из самых блестящих представителей местного общества, и Шарлотты Джонс Грин, внучки Христиана Уильмердинга, немецкого купца из Нью-Йорка, чьи потомки породнились с некоторыми наиболее известными семьями на Западе.

В краткой автобиографии, написанной незадолго перед тридцатилетием, Джон Рид писал: «Все, что осталось мне от деда,— это его величественный рост, длинные, тонкие пальцы и изысканность манер». Генри Д. Грин умер во время деловой поездки в Нью-Йорк за два года до рождения Джона. К этому времени дед достиг уровня материального благополучия, не меньшего, чем любой другой преуспевающий житель города, но этого ему, очевидно, было мало...

Вместе с братом Джоном Грин перебрался в Портленд (Орегон) в начале 60-х годов прошлого века и там основал Портлендскую газовую компанию. Следующим шагом была покупка городского водопровода... Через несколько лет они основали Портлендский чугуноплавильный завод в Освего, на Тихоокеанском побережье, который впоследствии слился с Орегонской сталелитейной компанией...

Дед Джона по матери Генри родился в 1825 году в Томрлинск Каунти, штат Нью-Йорк. Спустя двадцать восемь лет он присоединяется к брату и Х. С. Леонарду, его компаньону в последующих предприятиях в Астории (Орегон). Там Джон Грин и его компаньон создали единственное торговое предприятие, которое могло соперничать с «Хадчон бай компани» в устье реки Колумбия. Пример, которому следовали Грины в торговле с индейцами, выменивая у них меха, был подан американской меховой компанией Джона Джейкоба... Пользуясь тем, что индейцам не известна истинная цена мехов, компания, выменивая меха, грубо обманывала индейцев... Накопив достаточно денег, братья Грин оставили торговое предприятие в Астории и перевели дела в Портленд, где они и стали магнатами газа, воды и металла молодого города. Семь лет спустя, в 1873 году Генри Д. Грин был уже достаточно богат, чтобы купить недвижимость в начале улицы Би

и потратить по тем временам внушительную сумму в двадцать восемь тысяч долларов на сооружение шато на солнечном склоне Седар Хилла...

Д. Уокер, Р. О'Коннор. «Биография Джона Рида»

Быть внуком такого человека, как Генри Грин, уже само по себе значило немало. Никогда не отличавшаяся умеренностью пресса бесстрашного Запада сравнивала Генри Грина с Алкивиадом, с этим богатейшим и обаятельнейшим, самым беспутным и популярным из сынов древних Афин,— вот как почитали деда Джона Рида, первого среди граждан Портленда в Орегоне, когда его уже не было на свете. Обогнув в пятидесятых годах прошлого века мыс Горн, он высадился с первыми поселенцами на северном побережье и затем прочно обосновался в новом городе на берегах Уилламетт. Введение в Портленде в эксплуатацию трех таких жизненно важных отраслей городского хозяйства, как газификация, водопровод, железоделательный завод,— от начала до конца его рук дело. Когда Портленд уже обжили как следует и грязи на улицах не стало, Генри Грин отстроил всем на удивление особняк на Седар Хилл.

Шумно и весело праздновали на Седар Хилл появление на свет Джона Рида. Крестили младенца в церкви Троицы, самой красивой и богатой в Портленде, где собирались сливки местного общества.

Карл Хови. «Львенок»

Автор «Львенка» Карл Хови, которого мы будем в дальнейшем неоднократно цитировать, был одним из первых редакторов «Метрополитен». Трудно переоценить его роль в творческом становлении Рида, журналиста и писателя. Первые шаги Рида-писателя, автора книг «Восставшая Мексика» и «На восточном фронте», делались под руководством Хови. Однако кто такой Карл Хови? После окончания Гарвардского университета он стал журналистом, обратив свои интересы к литературе, к литературной жизни Америки. Уже в качестве редактора «Метрополитен», Хови выступал за подлинную художественную литературу, основанную на классической традиции и реалистических началах. Именно здесь, в «Метрополитен», произошло знакомство Рида с Хови. Хови сумел разглядеть в Риде задат-

ки будущего таланта и принял живое участие в судьбе Рида. Он стал для молодого литератора чем-то вроде наставника и учителя. Книга Карла Хови «Львенок», повесть о мужании Рида, писателя и человека,— свидетельство человека, который был близок Риду.

Однако вернемся к жизни Рида, к его семье, кругу его близких...

Джон Рид родился... в доме бабушки... Это был большой дом и, пожалуй, наиболее претенциозный из всех, каким мог похвастаться Портленд... Седар Хилл стал достопримечательностью города, как говорили люди, это был настоящий французский замок, с правильными садами, конюшнями, теплицами, стеклянными оранжереями и виноградниками.

Замок в Седар Хилле служил знаком высокого положения, занимаемого Генри Грином среди других первых поселенцев Портленда. Грина нельзя было бы отнести к самым первым поселенцам, потому что город был основан в 1845 году, а основы его будущего процветания были заложены в начале пятидесятых годов Генри У. Корбеттом, Генри Фейлингом, Уильямом С. Леддом и Симеоном Г. Ридом. Это они строили пароходные линии, банки и железные дороги. Но Грин имел в этом свою долю дохода и свою долю славы.

Весь Портленд гордился Седар Хиллом, так же как и его хозяином.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становлеине революционера»

Его бабушка... родилась в штате Нью-Йорк. Она была внучкой Христиана Уильмердинга, немецкого купца, чьи потомки вступали в брак с богатейшими семьями Востока США. Шарлотта Джоунс Грин могла также гордиться своими двоюродными братьями Пейнами, Фильдами и Уильмердингами, как и успехами своего мужа в освоении Портленда. Ее обе дочери получили образование в школе Нью-Йорк Сити, а она была первой дамой в Портленде, у которой была карета с кучером и ливрейным лакеем.

Джон Рид родился, что он впоследствии осознал, в привилегированной семье. Хотя у отца бывали и неудачи материального характера, не было случая, чтобы Джек испытывал в юности лишения. Его отец и мать могли дать ему все, что мог получить тогда в Портленде сын состоятельных людей. Они также смогли развить в нем чувство, что он хорошо вос-

питан, уважаем и обеспечен лучше других. В семье Ридов желание быть богатыми и занимать высокое положение воспринималось как нечто должное. Но в то же время у них было развито чувство, что независимость нельзя променять ни на какие блага мира. У Джона Рида была бабушка, которая настойчиво вела тот образ жизни, который ее устраивал. Но более важным был пример отца, предпринимателя, и удачливого предпринимателя, который никогда не колебался говорить людям то, что он думает, прирожденного борца, хотя он и не нашел святого дела, за которое следовало бы бороться. В семье были традиции подчинений, но были и традиции сопротивления. Так в поколении Джека его младший брат Гарри стал конформистом, а Джек стал мятежником. «Гарри — овечка,— сказала как-то госпожа Грин,— а Джек — лев. Я предпочитаю львов».

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Его детство, однако, наложит как положительный, так и отрицательный отпечаток на его будущее формирование как зрелого человека. Он навсегда останется романтиком, жаждущим познать неизвестное, в нем всегда будет что-то рыцарское и даже донкихотское. Он навсегда останется чувствительным к страданиям других и легко ранимым сам. Он будет пытаться скрывать эту чувствительность, причем иногда это будет ему так хорошо удаваться, что многие будут считать его грубым, однако эта чувствительность останется и будет оказывать сильное влияние на всю его жизнь. Эта чувствительность сочеталась с состраданием. Ничто и никогда не могло заставить его... изменить свое убеждение. Ему никогда не угрожало самодовольство, никогда сомнение не переходило в бессердечность.

Итак, зимой 1904 года он расхаживал по улицам Портленда, мальчик, вызывающий симпатию, ставший теперь высоким. Он был хорошо одет и аккуратен, разве только за исключением волос, таких непослушных. Его лицо оформилось, стало чуть-чуть продолговатым, верхняя часть лица была необычайно симметрична: хороший высокий лоб; зеленовато-карие, хорошо посаженные глаза, которые могли становиться дружески-участливыми, любознательными, напряженными, небольшой шрам в уголке одного из глаз, полученный в результате несчастного случая, происшедшего во время плавания, прямой и правильный нос. Однако нижняя часть лица была асимметричной: рот был большим и неправильным, подбородок — тяжелым и, казалось, не принадлежал остальному

лицу. Но в шестнадцать лет, пока щеки не вытянулись, были видны, казалось, только красивые глаза и лоб, и мальчик казался своеобразно красивым.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Мальчик любил Портленд. Среди американских городов была своя иерархия. У каждого города был свой знак, характерный. Таким знаком для Портленда был Седар Хилл, по склонам которого раскинулась усадьба родителей Джона Рида. Говорят, что Америка не знала династического феодализма и в этом ее сила. Но американские буржуа во многом подражали не столько европейским буржуа, сколько феодалам. Жизнь на Кедровом холме в Портленде была тому примером, вернее, внешние признаки этой жизни. Именно, внешние. На самом деле на холме обосновались в тот период буржуа, да к тому же американские буржуа, а это значит — деятельно практичные и целеустремленные. Первой заботой стариков Ридов было приумножение капитала. На холме царил культ бизнеса. Предки Рида умели считать деньги. Так или иначе, а среди тех, кого принято было называть отцами города, Риды занимали едва ли не первое место. И они были обязаны этим не фешенебельности и блеску поместья на Седар Хилл, безупречным линиям старого дома, аллеям правильного парка, совершенству многочисленных служб поместья, а тому, что совершал капитал Ридов, находясь в постоянном кругообороте, обретая все большую мощь и действенность. Стоит ли говорить, что в самом строе жизни на Седар Хилл было много такого, что должно было льстить наследнику Ридов, будь он чуть-чуть тщеславнее. Надо было обладать силой ума и характера Джона Рида, его способностью к независимому мышлению, чтобы благам Седар Хилла предпочесть страду и терни революционера. Впрочем, началу конфликта между семьей Рида и отцами Портленда, которые держали в своих руках могущество города, положил не Рид, а знаменитый Чи Джей, отец революционера, богатая натура которого наиболее полно отразила многое из того, что было свойственно Джону Риду.

Отец, мать

Отец был настоящим борцом, одним из первых вошел в небольшую группу политических деятелей, которые позднее, вступив в прогрессивную партию, выражали новые общественные идеалы средних слоев американского населения. Язвительный и остроумный, он презирал глупость, трусость, низость и нажил себе много врагов.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Отец и был в его глазах рыцарем без страха и упрека.

Карл Ховн. «Львенок»

Отец Джека был моим другом. Человек блестящих данных, в высшей степени остроумный, он был душой одного из ведущих клубов Портленда. Клуб ненавидел Рида, а Рид смело парировал эту ненависть, сражая ее своим остроумием. Он обладал острым языком, так же, как и Джек. Такова уж была их порода.

Фрэнсис Хини приехал в Орегон для расследования мошеннических сделок с лесом. Вместе с Уильямом Бёрнсом он искал доказательств: каким образом лес попадает в частные руки. Подозрение распространилось на людей, занимающих высокие посты в штате Орегон, а эти люди, вместе с тем, управляли и правовой машиной штата... Хини попросил Рида — отца Джека — быть судебным исполнителем и, таким образом, проследить, чтобы списки присяжных были составлены честно. Рид рассмеялся. Он понимал, что это для него значило, но он взялся за дело и довел его до конца. Так как в процессе этого дела были осужденные, то вспыхнула ненависть.

Однажды, через несколько лет после скандала с лесом, Рид пригласил меня в свой клуб. Он провел меня в главный зал к центральному столику, где завтракали те, кого мой спутник называл «компанией». Был полуденный час, и почти вся «компания» была в сборе. «Они здесь»,— сказал мне Рид, но так, что они слышали. «Именно они заполучили лес и старались заполучить меня. А вон во главе стола свободный стул, это мое место. Здесь я сидел и в течение многих лет отбивал их атаки, вначале удовольствия ради, а затем, в течение месяцев, уже совершенно серьезно: но весело, всегда весело... Потом я оставил это место, сказав, что никогда сюда не вернусь, и добавив, что я хотел бы увидеть, у кого из них хватит духа решиться занять и удержать его. Я слышал, а теперь

рад видеть, что он все еще свободен, мой пустующий стул»,— добавил мой друг Рид.

Таким был отец Джека Рида: высокий, красивый, дерзкий и остроумный, а затем уязвленный человек с горьким остроумием.

Линкольн Стеффенс. «Люди, которых он знал»

Отец Джона Рида, Чарльз Джером Рид, был нью-йоркцем и приехал в Портленд как представитель процветающей нью-йоркской фирмы хозяйственных машин, чтобы содействовать продаже ее продукции на северо-западе страны. Он и сам был состоятельным человеком и пользовался популярностью, во многом благодаря своему остроумию. Его забавные рассказы оживляли скучные деловые завтраки в Арлингтонском клубе, куда допускались лишь избранные, и вскоре он стал его председателем.

Мать Джона Маргарет Рид, занятая многочисленными светскими обязанностями, оставляла Джона на попечение няни, но все же не упускала из виду своего хрупкого сына. Подобно бабушке, она тоже поощряла любознательность мальчика и выбрала для этого способ, повлиявший на все его будущее: она научила его читать и ввела в мир книг.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Моя мать, которая поддерживала все мои начинания, научила меня читать. Не помню, сколько лет мне было, но я с головой погрузился в чтение книг. История стала моей страстью. Не менее горячее восхищение вызывали и Марк Твен, Билл Най, «Лорна Дунш» Блекмора, полный словарь Уэбстера, арабские сказки «Тысяча и одна ночь» и легенды о рыцарях Круглого стола. Что казалось непонятным, восполнялось воображением...

. . . .

Мы никогда не догадывались и лишь позже узнали, что отец и мать во всем себе отказывали, всегда давая нам больше, чем мы просили. И в тот день, когда брат окончил университет, отец заболел, не выдержав страшного напряжения, и умер несколько лет спустя. Отец всегда был для нас мудрым, добрым другом.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Как все, начал со стихов

В детстве я много болел. До шестнадцати лет я ни разу не чувствовал себя вполне здоровым. Начало моей сознательной жизни — это сплошной хаос чувств: безотчетного восхищения прекрасным, которое изливалось в бесчисленных стихотворениях; ощущение страха, нежности, боли. Затем пришла пора бурных переживаний.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Оглядываясь назад, он думал, что во всем его детстве было что-то фантастическое: заплетенные косички (в доме были слуги-китайцы), гонги, развевающиеся украшения из красной бумаги и очаровательный замок бабушки с танцами, которые устраивались под освещенными деревьями; карета, запряженная породистыми лошадьми с ливрейным лакеем. Затем был дядя Рей, интересовавшийся кофейными плантациями в Южной Америке, который привозил домой странные рассказы о революциях, сражениях и сокровищах. Однажды он рассказывал, как он возглавил революцию на Гватемале, которая победила и сделала его государственным секретарем. Первыми шагами, которые он предпринял, став государственным секретарем, было: присвоение фондов государственной казны и большой бал, устроенный на эти средства; вторым шагом: объявление войны Германии, потому что, учась в колледже, он провалился по немецкому языку.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

У меня был дядя, весьма романтическая личность, участник революционных событий на кофейных плантациях в Южной Америке. Временами он неожиданно появлялся у нас в доме, бородатый и как бы насквозь прожженный солнцем, разговаривая на смешанном наречии. Однажды прошел слух, что он возглавил революционный переворот в Гватемале. Позднее он уехал добровольцем на испанский фронт на Филиппинах. История о том, как дядя стал королем Гуама, все еще рассказывается с веселыми прибаутками старожилами Орегона.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Маленький Джон мог сколько угодно бродить по обширному поместью, но ему не разрешалось общаться с теми, кого в семье не считали равными себе, и, возможно, именно этот

запрет пробудил у него интерес к людям, которые жили в Портленде за рекой Уилламетт.

Но удовлетворить свой интерес в ту пору он не мог, и не удивительно, что долгие дни, проведенные в одиночестве за железной решеткой имения бабушки, побудили его взяться за перо. В его воображении рождались романтические рыцарские сюжеты, которые он записывал торопливыми каракулями. Сочинял он и пьесы, которые, став постарше, разыгрывал на чердаке вместе со своим младшим братом Гарри. Наконец он написал шуточную историю Соединенных Штатов. В каком-то отношении это был самый важный труд Джона Рида, ибо, сочиняя его, он решил — как позднее вспоминал в своей незаконченной автобиографии «Почти тридцать» — посвятить жизнь тому, чтобы стать «великим поэтом и писателем».

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Единственное, что Джону Риду внушили в раннем детстве,— это то, что он принадлежал к одному из «первых семейств». Первые девять лет своей жизни он прожил с родителями в шато бабушки. Миссис Грин весело проводила годы своего вдовства; она тратила капитал, оставшийся после мужа, на приемы и путешествия до тех пор, пока через двадцать лет она не растратила все...

Несмотря на легкость и веселость жизни в Седар Хилле, Джон вспоминал свои детские годы как унылые и тоскливые из-за «болезни и физической слабости»... В девять лет он решил, что будет писателем, и начал сочинять «Комическую историю Соединенных Штатов» в стиле сатирика Билла Найя.

Примерно в это время его родители переехали из Седар Хилла в небольшой домик, а позднее в пансион. Риды решили расстаться с беспорядочным хозяйством миссис Грин во время паники 1893 года и в годы депрессии, которые последовали за ней, но Джон вспоминал, что его родители восприняли ухудшение финансового положения с легким сердцем.

Д. Уокер, Р. О'Коннор. «Биография Джона Рида»

Для своего возраста Рид был мал ростом, к тому же не очень здоров. Поэтому он не мог принимать участия в играх, происходивших вне школы. Да и по темпераменту он не подходил для занятий спортом. Но когда игра велась по правилам, которые составил сам Джек, он был незаменим. Джек часто предводительствовал, когда играли в лесу за городом в войну с индейцами или в охоту на медведей. Чем больше игра открывала возможностей для воображения, тем больше она

ему нравилась, а у него было смелое воображение. После первого ознакомления с римской историей он был вдохновлен идеей устроить пиршество в императорском стиле. Положив подушки вокруг стола, он пригласил друзей. Они возлежали вокруг стола, который был уставлен яствами.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Несколько лет учебы пробудили во мне жажду знаний, но впоследствии программа школы мало меня интересовала. Я всегда был, мягко выражаясь, равнодушным учеником, если не считать таких предметов, как элементарная химия и английская поэзия, которая давала пищу для моего воображения. Да и почему меня должна была интересовать идиотская система образования нашего времени? Она истребляла в учениках всякую любознательность, всякий интерес к окружающей жизни и начиняла их мертвыми техническими формулами. Я забыл большинство из того, что мне навязала школа. Зато все, что я действительно знаю, почерпнуто из книг, которые я имел счастье читать в свободные часы.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Отец и мать послали его вместе с братом учиться в Портлендскую академию, частную школу с хорошей репутацией. Первые два или три года школа захватила его, потому что там он многому научился и узнал из того, что он хотел узнать, но затем стало скучно, и уже только необычные вещи и редкие учителя вызывали интерес Джона Рида. Он был достаточно способен, чтобы справляться с учебой, но его не беспокоило, какие отметки он получает. Позднее его удивляло, как он смог вынести рутину школьного образования.

...Он был полон решимости стать писателем и никогда не хотел быть кем-либо еще. Ничто его так не интересовало, как издание газет; в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет у него уже сложились свои теории относительно издания, финансирования и рекламы. Он стал писать стихи и почтительно смотрел на полковника Чарльза Эрскина Скотта Вуда, с сыновьями которого он играл, потому что Вуд был поэтом.

Летом, когда ему было пятнадцать лет, он и еще четыре мальчика отправились в поход. Они провели больше недели, исследуя остров, стреляя кроликов и куропаток, купались, удили рыбу, плавали на лодке по реке. Двум мальчикам пришлось уехать раньше времени... Оставшиеся трое отправились

дальше на лодке по реке. «Был сильный ветер, почти шторм,— писал Рид.— Каждую минуту мы боялись, что нас перевернет. Когда я натягивал канат, он лопнул, и я сильно ударился о стенку кубрика».

На следующий день его спина продолжала болеть, и он чувствовал себя совсем плохо. Приехала мать на день раньше, чем ее ожидали, и он был рад ей. «Она объяснила мою болезнь тем, что мы пили речную воду, которая была тем более опасна, что мы находились в низовьях реки, и настояла на возвращении. Так закончилась наша памятная прогулка и закончил свое существование наш веселый лагерь пятерых».

Постепенно он все больше и больше сближался с товарищами по школе. Он редко принимал участие в бейсболе или футболе, но плавал он отлично. Все лето он ходил на пляж на реку Уилламетт и заплывал дальше всех остальных мальчиков, прыгал с большой высоты и нырял, выделывая в воде трюки, какие те дети делать не могли. Но его сближение с остальными ребятами было облегчено и тем, что физической доблести уже не придавалось первостепенное значение. Он и Гарри устроили на мансарде театр, и всегда находились мальчики, которым хотелось прийти к ним и принять участие в постановке пьес, сочиненных Джеком. Он был одновременно писателем, режиссером и, разумеется, антрепренером, тщательно подсчитывающим доходы своего предприятия. На спектакли часто приходили родители актеров и приводили с собой друзей. Однажды пришел человек, заинтересовавшийся театром с профессиональной точки зрения; он нашел, что и пьеса, и актеры могли бы быть занимательны и для публичных выступлений. Мальчики были увлечены возможностью разбогатеть, а папам и мамам пришлось их разубеждать.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Морристаун и «Морристониан»

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я уехал на восток, поступил в закрытую школу в Нью-Джерси...

Джон Рид. «Почти тридцать»

Чи Джей Рид... был полон решимости, чтобы его дети получили образование в Гарварде, но для поступления в колледж им нужно было кончить респектабельную подготовительную школу. Он и г-жа Рид выбрали Морристаун в Нью-Джерси, школу, насчитывающую 50—60 учеников, довольно дорогую и немного претенциозную.

Джек Рид, сгорающий от любознательности и рвения к достижению успеха, сразу же проникся атмосферой школы. «Распорядок жизни школьной общины заинтересовал меня,— писал он позднее.— На меня произвели впечатление традиционные обычаи и сознание достоинства, школьный патриотизм и чувство давно устоявшейся цивилизации». Рид, ни в коей мере не чувствующий себя уверенным с мальчиками даже в родном Портленде, очень легко мог замкнуться в одиночестве, в сознании собственной неполноценности... Мальчики в школе не обладали особенно блестящими способностями к учебе и не были особенно одаренными спортсменами, но они принадлежали к одному обществу, а Риду и прежде была противна роль постороннего наблюдателя.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

В один прекрасный день шестнадцатилетний юноша очутился за три тысячи миль от родного дома, у гостеприимного парадного школы, в Морристауне, штат Нью-Джерси. Событие озадачило и его и школу. Расположенная в красивой загородной местности и прилагающая все усилия, чтобы выглядеть именно так, как, по ее представлениям, положено настоящей английской школе, школа специализировалась на выпуске маленьких джентльменов. Наш парнишка взирал на нее с опаской и в то же время затаив дух. Здесь, возможно, и начнется его жизнь.

Карл Хови. «Львенок»

Футбол и озорство — все это было очень хорошо, но Рид не чувствовал себя счастливым, если он не писал. В школе издавался ежемесячный журнал «Морристониан», в который он тотчас же внес свой вклад. Однако ему хотелось не больше не меньше, как иметь свой собственный журнал. Когда-то в школе была юмористическая газета, но она была закрыта, потому что ее юмор носил слишком личный характер. Рид возродил ее издание, тоненькой, маленькой газетки, выходящей два раза в месяц, газета называлась «Петух». Она старалась избежать намеков на личности, и это ей удалось настолько,

что она просуществовала год, но это было ее главным достижением. Двенадцать выпусков было достаточно, чтобы на следующий год газета прекратила свое существование.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Народу в школе было немного, и жили дружно. Еще важнее было то, что школа, не жалея трудов, натаскивала своих питомцев к суровому вступительному экзамену в Гарвард. И благодаря руководству Батлера, Вудсона и Брауна — все трое старые гарвардцы одного выпуска,— в ней не теряли времени даром.

Зеленый юнец из Орегона оказался хорошим футболистом и бегуном и затмил всех писавших в школьном журнале, был славным товарищем, и его любили — короче говоря, он стал верховодить и потому слегка задавался. А уж повалять дурака и на всякие проделки мастак был первостатейный.

Не обременив себя излишней ученостью в школе, переходит он в Гарвард.

Карл Хови. «Львенок»

В своих стихах, не более оригинальных, чем и следовало ожидать, он старался рассказать о своей внутренней жизни, рассказать о нахлынувших надеждах, смутных желаниях, молниеносном отчаянии, о той жизни, которая происходила под покровом деятельной общественной жизни школьника. Он стремился быть оригинальным в изображении бури и заканчивал ее описание такими словами:

Я атом в этом мире могущества и ночи,
Стою один.

Он писал о скрипке:

Рыдая в безмолвии ночи,
Как маленький плачущий ребенок,
То весело запоет, то засмеется,
Ее смех, как звон серебряных колокольчиков,
Звенящих в Раю.
Затем она замирает и покидает нас,
Чего-то желая в ночи.

Он получил премию Скрибнера за лучшее сочинение на историческую тему. Он начал встречаться с девочками и сам считал себя «сердцеедом». «Занятый, счастливый, имея много друзей, я почувствовал в себе уверенность. Не прилагая на то усилий, я нашел себя».

Его стихи носят чисто личный характер, и только два или три выходят за эти рамки. Одна из его поэм, названная «Сумерки», выражает тоску по Западу:

Ветер поломал и понес мощные сосны,
Растущие на склоне горы Шаста,
Он взбудоражил поверхность Тихого океана,
Швыряя его воды о скалы Тилламука;
И он подул в снежных просторах горы Худ,
Он принес горький холод, и понесся, и завыл
Через прерии, высоко громоздя и кружа
Громадные белые лавины снега.
. . . .
И хотя горький ветер
Насквозь пронизывает всю мою собравшуюся в комок
плоть,
Мне кажется, я вижу на фоне неба
Гор белых каскад;
И величественно сквозь могучую бурю
Безбрежная Колумбия навсегда
Погружается в море.

Есть еще довольно необычная поэма, посвященная Теннисону:

Певец царственного Артура,
Бессмертная песнь, которая не умирает,
Я пал мучеником твоей правды,
Правда с уст, которые не солгут.
Дай мне твое вдохновенье,
Пусть твоя душа поглотит мою душу,
Пока в сладостном созерцании
Я не смогу пропеть мою душу в стихах.

Веселый лагерь пятерых вызвал к жизни первый очерк Рида. Возможно, очерк о путешествии по притоку Колумбии был для Рида явлением интуитивным. Несмотря на то что этот путевой очерк был лишь дальним предшественником первой книги Рида, в нем странным образом отразились характерные черты ридовской прозы: ее близость природе и пейзажу, ее стремление к воссозданию колоритных характеров, ее живописность и одновременно документальность. Так или иначе, а перед нами было первое произведение Джона Рида, в котором при желании можно было рассмотреть черты будущей личности человека и писателя. Давно известно, что вдохновение может родить удачу, но удачу, у которой может и не быть продолжения. Дело даже не в том, в какой мере человек уверовал в свой дар, много важнее, в какой степени человек поверил

себе, как личности. Наверное, шестнадцать лет — это тот самый возраст, когда эта вера возникает. Ридовские шестнадцать пришлись на Морристаун, можно сказать, что колледж Морристаун был добр к Риду. Колледж дал возможность Риду проявить себя, а, следовательно, обрести уверенность. Нет, дело, разумеется, не в том, что товарищи Рида были людьми неспособными. Школьный коллектив явление настолько крупное и многообразное, что однозначные определения здесь рискованны. Рид жаждал деятельности, он хотел проявить всячески и энергию и способности. Конечно же, премия Скрибнера за сочинение и известное умение, которое явил Рид при редактировании юмористического журнала, могут не иметь отношения к сочинению стихов, но дело обстояло как раз наоборот: именно премия и редакторство укрепили в юном Риде веру в себя и немало способствовали его престижу, как поэта. Конечно же, стихи его были сбивчивы по мысли и зыбки по форме, но читатель, которому они были адресованы, прощал это. Читатель был добр к доморощенному поэту и пел Риду хвалу, когда он вещал:

Правда с уст, которые не солгут,
Дай мне твое вдохновенье...

Короче, становление личности прямо соответствовало становлению поэта и сделало возможной самую мечту о Гарварде... Для Рида велик был авторитет Гарварда. «Если я сумею победить Гарвард,— утверждал он,— мне ничего не страшно».

Гарвард — мука мужанья и одиночества

По моей светлой юности в золотых городах Востока...
Гарвард... мука мужанья, экстаз расцветанья,
Трепет от книг, трепет дружбы, культ героев,
Яд танцев, ураган высокой музыки,
Восторг расточенья, первое сознанье своей силы...

Буйиые ночи в Бостоие, битвы с полисмеиами...
Зимиие купаиья иа «Л» стрит, когда разбиваешь лед,
Просто чтобы встряхиуть крепкое тело...
И огромиый стадион, вздымающий свои тысячи,
Скаидируя похвалы или грохоча песии,
Когда Гарвард забил гол Йелю... И по этому, по этому
Я узиаю тебя, Америка!

Джон Рид. «Америка 1918»

В сентябре 1906 года Джон Рид поступил в Гарвард. Гарвард, Кембридж, Бостон — все это звучало романтично для мальчика из Орегона...

День или два спустя после открытия колледжа он подошел к Бобу Хэллоуэллу.

— Я слышал, что ты рисуешь,— сказал он.— Почему бы нам не создать книгу о Гарварде? Я напишу текст, а ты иллюстрируешь эту книгу?

— Но,— возразил Хэллоуэлл,— мы ничего еще об этом месте не знаем.

— Ну и черт с ним,— ответил Рид.— Работая над книгой, мы узнаем.

Гарвард был старейшим, самым большим, богатейшим и, по общему мнению, величайшим университетом Соединенных Штатов. Во главе университета с момента его подъема и до его полного расцвета стоял Чарльз Элиот, которому было семьдесят два года, когда Рид поступил в колледж, и, прежде чем Рид окончил колледж, Чарльз Элиот уже вышел в отставку. За сорок лет, пока Элиот оставался его президентом, Гарвард превратился из провинциального колледжа, едва насчитывающего тысячу студентов, во всемирно известный университет, где на одном только факультете училось пятьсот студентов, с колледжами, насчитывающими более двух тысяч студентов, и специальными профессиональными учебными заведениями с шестнадцатью тысячами учеников. Капиталовложения университета выросли от двух до двадцати двух миллионов, а годовые расходы от одной четверти миллиона до двух с половиной миллионов.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Рид поступает в колледж осенью 1906 года и кончает его в 1910-м. Это было особенной удачей — время высочайшего расцвета Гарварда, наступившего после почти сорокалетнего восхождения к вершинам гуманитарного образования в истинно либеральных традициях, проделанного под водительством великого президента Гарварда Чарльза Элиота. Страшно изу-

веченное шрамом лицо этого высокого, изящного, чопорного бостонца, на которого его питомцы взирали, как на небожителя, казалось саркастическим и высокомерно неприступным, но никто бы не смог сделать для них больше, чем он... Элиот восстановил факультативную систему. При Элиоте после вводного курса студенту предоставлялось решать самостоятельно, какими предметами он намерен заняться. А какие исключительные силы привлечены были к преподаванию! Поистине неоценимым для всей студенческой братии был уже самый факт живого общения с Джеймсом Ройсом, Сантаяной и Палмером на философском факультете, с Киттреджем, Уэлделлом и Коуплендом, читавшими английскую филологию, с такими историками, как Чаннинг и Харт, с экономистом Тоссигом, с блестящими специалистами по точным и естественным наукам. Самая отпетая бездарность и та не могла не быть хотя бы слегка задетой за живое и не забыть на время о том грубом меркантилизме и яростной конкуренции, которые царили в мире, не получившим доступа в Гарвард. А для людей истинно талантливых все это было просто даром небес.

Гарвардское избранное общество приняло его в штыки. Кто он, что он, собственно, за птица, этот шумливый и неотесанный парень с Запада? И оттого, что все надежды его растаяли, как мираж, он впадает в глубочайшее уныние, которое пройдет не сразу. Он вновь пережил те же муки, что и мальчишкой, в Портленде, где ему довелось столько выстрадать от пренебрежения ровесников. Но на этот раз он не спешит замкнуться в себе. Напротив — развивает бешеную деятельность: пусть знают, с кем имеют дело.

Карл Хови. «Львенок»

В Гарварде я проводил дни почти в полном одиночестве, с трудом постигая университетские обычаи. На моем курсе училось более семисот студентов. Я был потрясен огромными масштабами этого центра, его величественной историей и традициями. Но был отчаянно одинок.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Долго не раздумывая, он выбрал латынь, английскую литературу, элементарный курс французского и немецкого языков, историю и философию. Но не было ничего в бесцветной рутине занятий первокурсников, что бы могло захватить его воображение; и вскоре он понял, как мало труда надо затра-

чивать, чтобы получать проходные баллы. В классах он завязывал знакомства и даже, может быть, прогуливался с новыми знакомыми во дворе колледжа, но они никогда не приглашали его к себе в комнаты, и часто едва узнавали, встречаясь на каком-либо студенческом сборище. Так, многие из них, казалось, были знакомы по подготовительной школе, школе Святого Марка... Они знали друг друга, а также студентов старших курсов, у которых они воспринимали нечто такое, что относилось к традициям колледжа. И их несколько смущала пылкая сердечность Рида. Если бы они сами хотели принять его в свою среду, то они сами бы нашли путь, как это сделать; так или иначе, а Рид предпочитал самому вперед не бросаться.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Как ни в чем не бывало, словно это не его отшили, Рид напрашивается на любые поручения и нередко отличается при их исполнении. Он пишет тексты для музыкальных постановок, строчит вирши на злободневные темы, неистощимо поставляет шутки в «Лампун», и журнал буквально затоплен легким юмором этого студентика. Здесь ему удается стать незаменимым. Его вынуждены принять. Двери общества открываются перед ним — не настежь, но все-таки и не щелочкой. И постепенно он добивается всего, к чему стремился.

Остается упомянуть лишь о том сногсшибательном успехе, которым он пользовался как дирижер болельщиков за университетскую команду на футбольных матчах. Как правило, на этой должности преуспевают молодцы, не отличающиеся ничем, кроме тупости и беззастенчивости — знай себе молоти руками по воздуху да скачи без устали. Рид довел исполнение этой дикой роли до гениальности. Позднее Липпмэн описал это зрелище в своем очерке для «Нью рипаблик». «Никогда еще у этого сборища на футбольных матчах не появлялось такого запевалы и дирижера. Больше всего поражала его просто беспримерная наглость: встанет, бывало, перед толпой в несколько тысяч студентов и давай показывать — и ведь не постыдится ни капельки,— как именно нужно орать, чтобы ободрять своих на поле. А если его указания выполнялись не так, то честил толпу, поносил ее последними словами и глумился над ней. Но всегда увлекал». Задатки лицедея были в нем очень сильны от природы, и без того не обидевшей его своими дарами.

Карл Хови. «Львенок»

Два раза, когда велась открытая борьба за звание редактора университетской ежедневной газеты и помощника руководителя спортивной команды, называлась и моя кандидатура. Но аристократы бросали мне черные шары. Я никогда не был популярен среди аристократов, и меня не выбирали в клубы, но я работал в газете, стал руководителем музыкальных кружков, капитаном команды по водному поло и организатором целого ряда студенческих мероприятий на последнем курсе. Чем больше я узнавал аристократов университета, тем больше их холодная жестокость и тупость отталкивали меня.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Аристократы бросали мне черные шары... Тон в Гарварде задавали представители привилегированной Америки, для которых юноша с дальнего Запада был бы не больше, как выскочкой. Семья Ридов была знатной в Портленде, но не в Гарварде. Слава, завоеванная в Гарварде, сопутствовала человеку всю жизнь. Однако и поражение, обретенное в Гарварде, не покидало бы человека до гробовой доски. Сначала было похоже на то, что Риду не завоевать Гарварда. Гарвардом правила не столь многочисленная, но своенравная каста тех, кто принадлежал к привилегированной Америке. Деспотия этого клана была полной, она вторгалась во все сферы жизни Гарварда достаточно безапелляционно, навязывая свое мнение.

Клан считал Рида недостаточно знатным, а по этой причине и талантливым. Рид вступил в единоборство с кланом. Он возлагал известные надежды на свои способности пловца, футболиста, дирижера нестройным, но многоголосым хором гарвардских болельщиков, призванных помочь родной команде на своем и чужом полях. Как ни многообразны тут были таланты Рида, не это явилось его главным коньком. Не помогли ему тут успехи в латыни, английской литературе, в элементарном курсе французского и немецкого языков. Рид обращается к искусству острословия, в котором клан привилегированных традиционно силен и выказывает талант немалый. Его каламбуры, нередко точные, бьющие наповал, грубо игнорируются. Деспотичный клан их не слышит, не хочет слышать. Тогда Рид подряжается в юмористический гарвардский журнал на

> амплуа присяжного версификатора и придает своим остротам форму четверостиший и восьмистиший. Невозмутимый лик Гарварда изобразил нечто похожее на улыбку — брония оказалась не столь всесильной.
>
> И все-таки в ридовские времена верх брал в Гарварде мятежный дух. Возникали различные клубы и союзы, такие, например, как Социалистический клуб, Гарвардская мужская лига борьбы за избирательные права женщин, Клуб по борьбе за единый земельный налог и многие другие. Деятельность всех этих организаций была направлена в основном против старых общественных устоев. Так, например, Социалистический клуб участвовал в муниципальных выборах, предлагая законодательному собранию штата Массачусетс законопроекты, предусматривающие известные реформы в законодательстве штата. Члены клуба требовали от преподавателей чтения курса лекций по социализму.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, какой я был «нытик». ...Впрочем, у меня, конечно, были причины для недовольства, ибо незадолго до того я потерпел поражение на конкурсе менеджеров. Меня победил влиятельный человек, не сделавший и половины того, что сделал я, а потом, в довершение ко всему, пришло извещение, и в нем сообщалось, что мне назначен испытательный срок ввиду небрежного отношения к работе. О, как я возненавидел декана и всех остальных!

«Вот какие у меня дела,— с горечью сказал я Бродскому, жившему тут же в общежитии, напротив меня.— Мне нечем похвастаться, кроме как этим извещением и полугодом работы впустую».

Бродский мудро кивнул лохматой головой: «Я знал, что из этого выйдет... Я тебе говорил — работу получит парень с Маунт Обери-стрит».

Я был молод и тяжко разочарован, добрых два часа сетовал на свои злоключения, пытаясь отвести душу... потом я, по-видимому, умолк, ибо внезапно, в наступившей тишине, услышал, как на башенных часах пробило два. Не проронив ни слова, Бродский тихонько встал и начал надевать пальто... «Куда ты идешь?» — спросил я... «На собрание одного клуба... Пойдешь со мной?»

Мы вышли через ворота Джонстон Гэйт... Шаркающей походкой Бродский прошел мимо кооператива и распахнул па-

радную дверь соседнего дома, довольно странного на вид; мы стали подниматься по нескончаемой лестнице. На самом верху... Бродский постучал пять раз, щелкнул замок, и дверь перед нами бесшумно отворилась. Мы очутились в совершенно темном помещении. Затем, с каким-то зловещим стуком дверь за нами закрылась, и комната внезапно озарилась ярким светом... Несколько мужчин... сидели за длинным столом... и очень серьезно потягивали из рюмок зеленоватую жидкость. Тут был разный народ — китаец, негр, двое или трое со славянскими чертами лица и Мерримэн, которого я хорошо помнил — его исключили из колледжа, когда я еще был первокурсником. Но всех их отличал один и тот же диковатый вид.

Негр встал со своего стула и, скорчив устрашающую гримасу, резким движением поднес мне стакан. «Пей!» — приказал он. Дрожащими руками я взял стакан и осушил его. Жидкость была сладковато-горькой и густой, но не лишенной приятного вкуса, и когда «пары» проникли в мой непривычный к спиртному мозг, я осмелел, и по всему телу разлилось блаженное тепло... а эти люди казались мне какими-то родными и странным образом причастными к моей судьбе. Затем, словно во сне, я услышал тихий голос Бродского: «Расскажи им про конкурс менеджеров». Я сразу же заговорил о своих неудачах, красноречиво и горячо обвиняя Атлетическую ассоциацию, колледж и декана. Еще никогда я не говорил с таким блеском, и когда я кончил, аудитория разразилась свирепыми криками одобрения.

Затем, один за другим, все они поднимались с места и рассказывали о своих мытарствах и претензиях к администрации, и после каждого выступления мы с нарастающим ожесточением вопили об «отмщении».

Наконец, встал негр и движением могучей руки разом утихомирил разбушевавшееся собрание. «Сейчас ты находишься,— обратился он ко мне,— среди членов организации «Красная рука». Они борются за равноправие и желают помочь ликвидировать деспотизм... Ты с нами?» В сумасшедшем раже я рявкнул: «Да!»

Джон Рид. «Гарвард»

...Самой важной из новых группировок был Социалистический клуб, организованный девятью выпускниками в марте 1908 года. В преамбуле к его уставу говорилось: «Широко распространено мнение, что нынешнее состояние общества по самой своей сути несовершенно и что должна быть найдена основа для перестройки». Посвятив себя изучению социа-

2 Заказ 370

лизма и всех других реформистских программ, преследующих цель лучшего и более органичного развития общества, клуб быстро привлек к себе тридцать членов и еще с полсотни людей, время от времени проявлявших к нему интерес, однако его влияние было бо́льшим, чем его численность. Вскоре основное ядро стало для всего университета притчей во языцех. Начались мятежные настроения, критика, дискуссии. Будучи первыми по части всяких публикаций, возглавляя дискуссионные кружки, религиозные организации и политические клубы, молодые радикалы сделали социализм темой непрерывных разговоров. Заинтересованные в изменении мира гораздо больше, чем в одном лишь его постижении, лидеры клуба разработали платформу для Кембриджской социалистической партии, затем представили на обсуждение ассамблеи штата Массачусетс проект нового законодательства. Они обвиняли университет за слишком скудную (ниже прожиточного минимума) оплату сотрудников, а журнал «Кримсон» — за неточное описание жизни и интересов студентов. После того как Липпмэн на страницах гарвардского издания «Иллюстрейтед» раскритиковал руководство экономического факультета за его взгляд на марксизм как на сухую теорию, а не «что-то живое, существующее среди нас», студенты добились включения в программу курса социализма. Одновременно несколько профессоров стали вводить в свои лекции текущие материалы экономического, социального и политического характера.

Во время последних двух лет пребывания Рида в колледже Социалистический клуб вырос в могучую силу. Его члены выступали на страницах университетской прессы с обвинениями и контробвинениями по проблемам образования, помогали оживлять работу различных политических клубов и захиревших дискуссионных обществ, создали множество новых организаций — Социально-политический клуб, Клуб по борьбе за единый земельный налог, Гарвардскую мужскую лигу борьбы за избирательные права женщин, Анархистский клуб. Поддерживаемые горсткой профессоров и преподавателей, презрительно отвергаемые или игнорируемые другими, внушающие страх части администрации и открыто атакуемые журналами старшекурсников, эти радикалы зашли слишком далеко, и со временем попечители Гарварда наложили вето на некоторые их программы, поскольку, мол, «аудитории университета нельзя использовать для упорной и систематической пропаганды спорных вопросов современных социальных, политических или религиозных тем».

Радикалов поприжали года через два после того, как Рид

окончил университет, примерно тогда, когда он опубликовал пространную статью, в которой превозносил их как инициаторов «гарвардского ренессанса». Джек никогда не примыкал к Социалистическому клубу и лишь изредка участвовал в его мероприятиях. Он не утруждал себя объяснениями этой своей явной незаинтересованности. Но если вспомнить его наклонности и вкусы, то понять ее нетрудно. Дискуссии о социальных проблемах проходили живо, интересно, захватывающе. Но не менее увлекательными были футбольные матчи, уикэнды, встречи в пивных барах, танцы или бесконечные редакционные совещания. Политические и экономические вопросы, конечно, казались важными, но Джеку больше нравилось учиться писать стихи, пьесы и короткие рассказы. Кроме того, где-то в сознании Рида таилась и такая мысль: хоть все это и производит фурор, однако же «не вносит видимых перемен в облик гарвардского общества, а его главные представители — клубмены и спортсмены,— возможно, никогда и не слышали об этом». И если много лет спустя он заявил, будто благодаря упомянутому «ренессансу» сумел понять, что «в этом скучном мире есть нечто более волнующее, нежели любые дела в колледже», то тут он оказался, как говорят, крепок задним умом и не более того. Однако покуда Джек оставался студентом, Гарвард был его миром, и ничто другое не было для него столь же интересно или важно.

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

Коупи: умение находить в книгах энергию и красоту

Его работы были также приняты и редакторами Гарвардского ежемесячника, который представлял другую гарвардскую традицию, традицию серьезного литературного искания... Ежемесячник ничего не утверждал, кроме как право за первокурсниками быть настолько зрелыми, насколько они были в состоянии... Рид опубликовал самое лучшее из того, что он к этому времени написал — короткий, романтический, поэтический рассказ «Гуляка» и лучшее из его стихов — сонет «Джинневер».

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Предельно загруженный всевозможными обязанностями и делами, клубными заботами и спортивными соревнованиями, Рид, будучи уже на предпоследнем курсе колледжа, наконец-то обрел учителя, сумевшего заронить искорку в его душу. То был Чарльз Таунсенд Коупленд — один из самых примечательных деятелей Гарварда. Невысокий ростом и с колючим характером, Коупи — так его называли все — не числился ученым, он годами нигде не печатался... Метод Коупленда был единственным в своем роде. По словам Уолтера Липпмэна, этот человек «действовал, исходя из предположения, что преподавать — это не значит свысока передавать свои знания безымянной толпе, записывающей твои слова. Нет, преподавание — это глубоко личная встреча двух индивидов...» Свой сжатый курс литературного сочинительства Коупи читал студентам у себя на дому. Каждое «заседание» превращалось в форменный спектакль. Разыгрывая из себя самодержца, изредка бросая слегка непристойные реплики, углубляясь в темы, к писательству никакого отношения не имеющие, в ответ на высказывания студентов он попеременно реагировал то с гневом или с иронией, то с ужасом или с симпатией. О чем бы ни заходила речь, Коупленд всегда был во всеоружии, всегда «мог сострить... или сказать нечто такое, что вдохновляло на учение». Безжалостный критик студенческих творений, он просто заходился от восторга, когда попадалась хорошая работа. Для гарвардских «писателей» похвала из уст Коупи была наивысшей наградой.

Немало этих похвал досталось на долю Рида. Тщедушный и болезненный, пытаясь как бы прикрыть свои недуги острым языком, Коупленд восхищался открытостью и здоровым видом Джека не меньше, чем его прозой. Довольно скоро Рид стал членом коуплендовского «кружка привилегированных», которые после занятий остаются в его комнате, которые гуляют с ним по двору, которые по весне, в предвечерние часы, сидят с ним на скамье под вязами. А он обращается с ними, как с братьями; иные из них готовы делиться любыми своими невзгодами именно с ним, а не с членами семьи. Он же всегда готов дать совет, утешить, посмеяться. Когда слова учителя толкали на поиск приключений и героики в современном мире, Рид становился особенно внимательным учеником. Впоследствии, помимо Чи Джея, Джек назовет только двух людей, «которые внушили веру в самого себя, желание работать и не делать ничего недостойного». Первым из них был Коупленд.

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

На формирование моих взглядов к концу учебы в университете особенно сильно повлияли два фактора. Один из них — знакомство с профессором Коуплендом, который, читая нам лекции по английской литературе, пробудил в подрастающем поколении умение находить в книгах энергию и красоту, находить их в окружающем нас мире и участвовать в творчестве.

Другой фактор, за неимением лучшего термина, я бы назвал проявлением духа нового времени.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Но прежде чем распроститься с колледжем, остановимся на одном факте, имевшем для Рида большое значение. Речь идет о его доверительной дружбе с чудаковатым, очень маленьким человечком, резко выделявшимся среди преподавателей колледжа на фоне общей академической рутины и казенщины. Как правило, юнцы, поступающие в колледж, не вызывают у преподавательского состава особой к себе симпатии и оставляют его равнодушным к непочатому богатству человеческого материала, который буквально сам в руки просится. Если кто и знает, чем она дышит, эта молодежь, то, уж конечно, не преподаватель, и задумываться ему над этим себе дороже станет. Застраховать себя от этой недостойной слабости можно, избрав одну из трех линий поведения: взяв в обращении с учениками тон заботливого опекуна; или подкупая их выдержкой и терпением; или подавляя их злой насмешливостью и пренебрежением. И только истинным педагогам, педагогам милостью божией, дано претворить в жизнь лучшие из открывающихся на этом поприще возможностей. Об одной из них мы и говорим здесь.

Чарльз Таунсенд Коупленд, в прошлом — театральный критик, подвизавшийся в одной из бостонских газет, завсегдатай кафе и баров, где запросто можно отвести душу в непринужденной беседе, но человек страшно требовательный во всем, что касалось английской литературы, и особенно английской литературы XVIII века, ясность, рационализм и отточенный, строгий стиль которой так вошли в самую его плоть и кровь, что не оставили и воспоминания о детстве в поселке лесорубов в низовьях реки Сент Круа, откуда он был родом и где вырос; Коупи — под этим любовным дружеским фамильярным прозвищем его знало несколько поколений гарвардских студентов — был именно таким счастливым исключением из общего правила. Людям этой породы не свойственно напускать на себя профессорскую важность, чего за ним и не во-

дилось,— он словно сошел со страниц романов Лоуренса или Хаксли: непомерно крупная голова, отчего небольшое туловище казалось еще меньше, особая, захватывающая своим артистизмом манера говорить; поразительная легкость, с которой все мгновенно схватывается на лету и выставляется, стоит ему только захотеть, в неожиданно смешном виде. Интерес его к каждому был явным, но если вы теряли для него интерес, он и не подумал бы скрывать это от вас. Каждую осень сотни новых лиц, появляясь здесь, неприкаянно слонялись под высокими кембриджскими вязами, рассеянные и в то же время встревоженные. По большей части говорящие об одиночестве. Был ли здесь хоть один, кто не знал его в свое время? Что молодость их всепокоряюща, не отрицал никто. И именно это свойство юности, вызывающее у многих раздражение, вдохновляло Коупленда, возбуждало в нем горячее сочувствие. И потому страсть к литературе, преданность ей одной почти безраздельная сочетались у него с товарищеским отношением к студентам, с которыми он водил дружбу и на лекциях, и в свободное от занятий время.

Держался он с ними запросто, чем располагал к себе. И в результате даже самые завзятые тупицы, которым прямо на роду написано не интересоваться ничем, кроме спорта и нарядов, привлеченные на лекции Коупленда только популярностью профессора, оказывались захваченными юмором и простотой его манеры чтения и общения с аудиторией.

Какие только дары не сыпались на счастливчика, которого Коупленд принимался потчевать самым экстрактом мысли, культуры, книжной премудрости и любви к жизни. Довелось оказаться таким другом Коупленда и Джеку, в самую беспорядочную и безалаберную пору его развития, и эта дружба не могла не оказать и на него большого влияния.

Карл Хови. «Львенок»

Коупленд выбирал учеников, которые могли справиться с английским, и вначале он не хотел брать Рида, потому что, как ему говорили, Рид был заносчив и беспокоен. Но Рид умолял Коупи разрешить посещать его лекции, обещая, что он будет себя хорошо вести, и, наконец, его приняли. Коупи скоро увидел, что парень одарен, и способствовал тому, чтобы эта одаренность проявилась. Рид был глубоко благодарен Коупи. Риду нравился этот маленький человек, нравился потому, что тот был человечен и, кажется, не скрывал своих человеческих слабостей от своих питомцев, потому что был великолепным актером, обладал способностью перевоплощения,

потому что он служил вызовом академическим традициям Гарварда и был за это наказан... Они стали друзьями, Коупи и Рид. Теперь Джек спокойно входил и выходил из комнаты Коупи на Холлс, 15, как входил и выходил бы из комнаты товарища-студента. Джек выполнял разные поручения Коупи и сопровождал его, когда тот выступал со своими знаменитыми чтениями. Джек поверял Коупи все сокровенное, будь то беды или мечты.

Коупи внушил ему уверенность в себе. Коупи знал, что каким бы ни было мнение гарвардских аристократов, Джону Риду был предназначен успех... Настал день, и Коупи увидел, что он был прав в своей вере. Рид был избран «Ибисом» журнала, что значило, что он становится в «Лампуне» вторым человеком. Правда, согласно традиции, «Ибисом» избирался художник, а президентом — писатель. В данном случае, нарушив порядок, редколлегия избирала президентом художника — Хэллоуэлла. Наверное, в этом сказался пережиток прежнего отношения к Риду. Но Рид, будучи другом Хэллоуэлла, не воспринял это как оскорбление и был удовлетворен своей долей власти и славы. Ему нравилась работа в «Лампуне». Для студентов колледжа журнал имел какую-то притягательную силу, хотя многие его издатели, когда выросли, немного стыдились его, что произошло и с Ридом. Он волновался о каждом выпуске, проводя целые ночи над гранками, торжественно раздумывая, какую из сатирических статей или какую карикатуру поместить, писал и переписывал редакционные статьи, сражался с коллегами и посылал экземпляры журнала своим родителям, тщательно отмечая, что принадлежит его перу.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Они создали Социалистический клуб, чтобы изучать и обсуждать все современные общественные и экономические теории. Клуб составил программу для Социалистической партии на городских выборах. Она содержала социальное законодательство, которое было введено впоследствии в законодательство штата Массачусетс. Члены общества писали статьи в университетские газеты, бросая вызов идеалам старшекурсников и порицая университет за то, что он не обеспечивает своим служащим прожиточного минимума.

Все это, конечно, не вносило существенных изменений в мировоззрение гарвардского общества, и вполне возможно, что члены наших университетских клубов и спортсмены, представлявшие нас за пределами университета, никогда не слы-

шали об этой политической деятельности. Но меня и многих других она заставила осознать, что в мрачной атмосфере внешнего мира происходит нечто более захватывающее и интересное, чем университетская жизнь. Это вызывало интерес к произведениям таких людей, как Герберт Уэллс, Грэхем Уоллес и им подобные. Одновременно это отвлекало от дилетантизма Оскара Уайльда, который был властителем дум целых поколений студентов, занимающихся литературой.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Активная деятельность — вот что, по-видимому, характеризовало Рида, но сам он считал себя по преимуществу писателем. Он был довольно плодовит: за четыре года напечатал двадцать с лишним стихотворений и девять рассказов, не считая множества редакционных статей, заметок, «колонок», юмористических зарисовок и небольших стихотворных материалов. Некоторые его пьесы ставятся на университетской сцене. Что же до неопубликованных и наполовину законченных работ, то ими забит целый сундук. Но вся эта продукция не свидетельствует о зрелости ее автора. Огромная загруженность вынуждает его писать почти все второпях; никогда у него нет времени на переписывание и правку. Бывает — шквалом нахлынут мысли, и он на лету схватывает какой-нибудь простой образ, ничуть не заботясь о его мотивировке. Да, Рид был писателем, но, конечно же, не художником.

В его литературном творчестве всего отчетливее проявляется самая суть его натуры, с наибольшей очевидностью проступает Рид-романтик. И хотя тематика его юмора звучит вполне злободневно, почти все остальное говорит о стремлении к какому-то фантастическому и странному миру. В сочинении о романе XVIII века он писал: «Таинственность присутствует в умах людей спокон веков», а его собственные произведения в значительной мере созвучны традиции романтики и ужасов, о которых он пишет в этом эссе. Поэзия Рида изобилует западными пейзажами, где есть пустыни, горы и леса, и все они словно бы «очеловечены» в своем одиночестве и взволнованности. Часто он изображает птиц и зверей, наделенных людскими чувствами и побуждениями: воинственно кричит чайка, обнажив свой «мерцающий панцирь», тоскливо повизгивает и взывает к своим братьям койот, сетуя на то, что

Умер день,
Исчезла добыча, а вокруг
Невидимый ужас...

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

В июне 1910 г. Джон Рид закончил Гарвардский университет. Его родители приезжали на торжественную церемонию. Джон Рид сидел на заполненном до отказа стадионе, слушая напутственные речи, но мечтами уносился далеко за пределы обвитых плющом стен колледжа. Он думал о совете своего любимого учителя Чарльза Таунсенда Коупленда, или попросту Коупи, как звали его студенты: своими глазами увидеть мир и написать о том, что он увидел.

Тамара Хови. «Свидетель революции»

К счастью, были люди, способные сказать Джону Риду то, что было необходимо ему сказать. Был Коупи, который повторял вновь и вновь, как важна писательская деятельность... и который никогда не позволял человеку забыть, что у него есть глаза. Был также Линкольн Стеффенс, к тому времени он еще не стал близким другом Рида. Стеффенс говорил Риду, что, вопреки мнению Джона, поэзию от журналистики не отделяет глубокая пропасть. «Все дело в том, как писатель себя выражает. От умения выразить себя зависит, будет ли это журналистика или литература». И был еще его старый друг из Портленда, Чарльз Эрскин Скотт Вуд, который взял на себя труд написать студенту старшего курса Гарварда длинное письмо о поэзии. Вуд сказал Риду, что поэзия должна стать новой: «Поэзия будущего не должна быть повторением прошлого, независимо от того, какой бы прекрасной по форме она ни была. Уитмен... ближе всех к американскому гению, ближе остальных к новому человеку». Это Вуд сказал ему, что поэзия не может жить без революционного духа: «Поэзия будущего не должна быть очерком на тему морали или экономическим трактатом, в ней должна пульсировать мысль современного человека. Если она наполнена волнующимся морем и влажным южным ветром наступающей весны, то она также должна быть наполнена волнующейся человеческой кровью, быть влажной от слез человеческих».

Раздумывая над этим, Рид покинул Гарвард. Как и в Морристауне, он оставил в Гарварде много заклятых врагов, которые в течение двадцати пяти лет будут говорить об его «эксцентричности и стремлении к известности» и назовут его «человеком, ищущим популярности, попирающим основы религии, государства и общества». «Его смерть,— скажут они,— была единственным хорошим делом, которое он сделал для Соединенных Штатов...» Но у него остались и друзья, которые верили и восхищались им так же сильно, как его враги проклинали его. Как и в Морристауне, к нему пришла уве-

ренность в себе. Но теперь эта уверенность в себе торжествовала над дискриминацией, разочарованием и поражением. Гарвард принес ему определенную пользу. Если же говорить о дурном влиянии Гарварда, то Рид пострадал от него меньше других гарвардцев. Гарвард не отнял у него энергию и надежду, не нанес ущерба его смелости, не заставил его стыдиться своей веселости или серьезности. И что самое важное, он не заставил его замкнуться, не преградил ему доступ к жизни.

Г. Хикс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

Получив диплом, он поехал к отцу обсудить свой план; он хотел поступить кем-нибудь на корабль, чтобы переплыть через Атлантику в Европу, а затем, подрабатывая чем придется — быть может, и гонорарами за путевые очерки,— объехать вокруг света. Отец выслушал этот романтический, сугубо непрактичный проект и тут же одобрил его. Таков был этот человек: ему не хотелось, чтобы сын сразу же со школьной скамьи сел за конторку, как пришлось сделать ему самому.

Тамара Хови. «Свидетель революции»

Какая горькая для родителей ирония заключена в самой роли, отведенной им на выпускных торжествах.

Имеющий уши да слышит! Старшие пребывают в блаженном тумане, а юные герои дня мужественно терпят это их последнее вторжение в свою личную жизнь, в твердой уверенности, что с завтрашнего же дня, когда они уже не будут ни от кого зависеть, с подобными глупостями будет покончено.

Рид позаботился, чтобы его успех, который в общем и целом был блестящим, несмотря на то, что не ему было поручено сказать слово от имени выпускников и не он читал торжественные стихи, родители узрели во всем великолепии...

И вот отец и мать Джека прибыли в Гарвард на торжество по случаю окончания университета. Этого события они не согласились бы пропустить ни за что на свете. В действительности же момент для отъезда Рида-старшего из родных мест был самым неподходящим. Положение его было трудным, крайне неблагоприятным для человека уже далеко не первой молодости, вынужденного начинать карьеру сначала.

Расследование спекуляций земельными участками было успешно доведено Хини и Ридом до конца, утвердив за Чи Джеем репутацию блестящего юриста и лишив его в Орегоне всех влиятельных друзей.

Карл Хови. «Львенок»

Тридцать лет спустя, двое людей, учившиеся на класс младше Рида, писали о нем: «Он, казалось, находил удовольствие,— сказал один из них,— высказывать свое превосходство над новенькими. Я как раз был таким новеньким, и поэтому мое мнение может оказаться предвзятым». «В школе было принято подшучивать над новичками,— сказал другой.— И Джек запомнился мне именно тем, что он был настроен очень дружелюбно ко мне, как к новенькому, и отказался принимать участие в каком-либо подшучивании». Задирался ли он или нет перед новыми учениками, но они его не забыли.

Г. Хнкс, Д. Стюарт. «Становление революционера»

«Пусть порезвится»,— такова была воля отца, тут же почтительно принятая к буквальному исполнению. В письме Линкольну Стеффенсу Чи Джей просил: «Устройте его на работу, пусть ко всему присмотрится, но пусть какое-то время не делает выбора, удержите его от опрометчивого признания какой-либо веры своею или определения своего призвания на деловом поприще или на службе, подобно мне. Пусть порезвится».

Карл Ховн. «Львенок»

Пусть порезвится! Есть правило в такой же мере древнее, в какой и неколебимое. Оно гласит: только тот порядок жизни справедлив, который не вступает в конфликт с человеком, исповедующим честность. Чи Джей не был революционером. От того, что было системой его взглядов, до мировоззрения революционера поистине дистанция огромного размера. Чи Джей не помышлял о потрясении устоев американской жизни, он был просто честным человеком. Говорят, скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Другом Чи Джея был знаменитый Линкольн Стеффенс, который в начальную пору своей жизни был близок американским либералам. Его имя известно еще как и одного из «разгребателей грязи», антиимпериалистических критиков, отстаивающих реформистские позиции. Хотя программа «разгребателей» и далека от идей рабочего класса, она все-таки содержала прогрессивные элементы, направленные на улучшение положения трудящихся. Стеффенс в ту пору не осмеливался поднять руку на капитализм, он лишь выступал за его преобразование, стремился пробудить совесть у амери-

канской буржуазии, призывая ее к добропорядочности и разуму, нравственному перерождению.

Тщетность своих усилий Стеффенс осознал постепенно. Этому во многом способствовали поездки в Россию и беседы с Лениным. Именно в это время у него появилось желание рассказать правду о советской республике. Рассказывая обо всем этом своим соотечественникам, Линкольн Стеффенс, естественно, думал о своей родине и социальных преобразованиях, в которых она нуждается. Но поездки в Россию и беседы с Лениным были за высокими перевалами лет, а сейчас был всего лишь год тринадцатый.

Очевидно, мировоззрение отца Рида было близко взглядам американских либералов, для которых веским предтечей был Авраам Линкольн. Но может быть, дело даже не в Аврааме Линкольне, а в простой честности. Чи Джей был совестливым человеком, бескомпромиссно совестливым, а одно это уже является достаточным препятствием к преуспеванию. Линкольн Стеффенс, вознамерившийся разгрести грязь Америки и положивший начало знаменитому движению «разгребателей грязи», не считал портлендские порядки худшими, чем те, которые заведены, например, на американском Юге или Востоке. Собственно система спекуляции и взяток была та же, что повсюду в Америке, разница только в том, что в Портленде спекулировали лесом, а в Джорджии хлопком. Чи Джей решился пойти войной против порядков, установленных в Портленде, войной против коррупции и оказался белой вороной, по которой был открыт огонь из всех дробовиков Портленда. Но вот что интересно: либерализм отца Рида, очевидно, был достаточно радикальный, а следовательно, и нравственный. Эта нравственная основа была столь сильна, что позволила Линкольну Стеффенсу сделать следующий шаг и стать коммунистом. Но что оказало влияние на становление взглядов Рида? Совестливость отца, его привередливая честность?

Итак, Рид узнал Стеффенса. Поначалу Рид чувствовал себя скованным. Но у Стеффенса было качество, которое заметно импонировало молодежи: в их лице он видел равных. Надо сказать, что для

Стеффенса это было действительно так: ему была интересна беседа с молодыми, она обогащала его. По этой причине Стеффенса увлек и Рид. Они много говорили о литературе и ее связи с жизнью, о силе искусства и его действенности. Их дружба, которая набирала силы с каждой беседой, несколько лет спустя переросла в преданность единой цели: проповедовать правду всего происходящего, объективно ее оценивая.

...Со Стеффенсом просто невозможно было поссориться: он бы только посмеялся и тут же объяснил вам, чем вы его смешите. Он не мог вызвать раздражения потому, что никогда ничего не навязывал, он хотел только одного — заставить вас смотреть и видеть. Рида он поощрял отведать на собственном опыте, какова она, жизнь.

Карл Хови. «Львенок»

«Я любил бродить вдоль доков Ист-Ривер»

...После его окончания * целый год путешествовал по Европе.

Джон Рид. «Почти тридцать»

После окончания университета Уолдо Пирс и я отправились в поисках неведомого за границу на грузовом судне «погонщиками быков». Уолдо не выдержал такой компании и, перемахнув через борт недалеко от Бостонского маяка, вплавь вернулся на берег. Позднее он отплыл на «Мавритании» в Ливерпуль. Тем временем я был арестован за его убийство, закован в кандалы и предстал перед адмиралтейским судом в Манчестере. Здесь, как раз вовремя, неожиданно явился Уолдо.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Рид познакомился с Пирсом, когда писал для гарвардского журнала «Лампун». Пирс, ставший впоследствии извест-

---

* Имеется в виду Гарвард.

ным художником, славился в университетском городке своими остроумными карикатурами. Сын богатых родителей, Пирс вполне мог позволить себе приобрести билет на какой-нибудь роскошный лайнер вроде «Мавритании», который со всеми удобствами и комфортом доставил бы его в Европу, где он собирался изучать искусство. Однако Рид, которому не терпелось испытать жизнь закаленных моряков — членов экипажа «Бостониен», сумел убедить его, что художнику совершенно необходимо познакомиться с неведомым ему миром. (Впрочем, после первого же дня, проведенного на «Бостониен», Пирс исчез с судна и предпочел все-таки отправиться в Европу на «Мавритании».)

Заботам Рида было поручено сто быков. Ему приходилось дважды в день приносить по ведру воды для каждого из своих подопечных и накладывать им сено — после этой работы у него все суставы ныли. Он стоял на вахте с восьми вечера до четырех утра. Когда на море поднималось волнение, быки в тесных загонах в трюме начинали неистово метаться. Проглотив две-три ложки несъедобного варева, он отставлял жестяную миску и, полумертвый от усталости, валился на койку. Но уснуть ему не удавалось: в кубрике стоял тяжелый дух от грязной мокрой одежды, его соседи пьяно ругались или оглушительно храпели.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Я один совершил долгое и утомительное путешествие пешком через всю Англию, работая на фермах и ночуя в стогах сена, и снова встретился с Пирсом в Лондоне. Затем мы шагали пешком до Довера и пытались ехать «зайцами» на пароходе через канал во Францию. В Кале нас арестовали. Мы прошли порознь пешком через северную часть Франции до Руана и Парижа и затем начали рискованное путешествие на машине через Турин к испанской границе и пересекли ее. Я продолжал поездку в Испанию один, и не без приключений. Зиму я провел в Париже, время от времени путешествовал по стране, чтобы набраться свежих впечатлений.

Джон Рид. «Почти тридцать»

В Ливерпуле Рид расстался с «Бостониен» и несколько недель странствовал по Англии. Все его имущество состояло из грубой одежды и пары башмаков на толстой подошве. Он направился к горам Уэлса, стараясь не пропустить ничего интересного на своем пути — будь то празднество в богатом по-

местье или крестьянская танцулька в маленькой деревушке. Он бродил до тех пор, пока не стер ноги в кровь, и тогда устроил себе передышку на день. В письме домой он рассказывал, как «люди приходили издалека посмотреть на сумасшедшего американца, который бродит пешком, когда можно спокойно ездить».

В середине августа Рид отправился в Лондон за Пирсом и оттуда они вместе отбыли в Париж.

Париж — город света, бесчисленных ярко освещенных кафе и сомнительных похождений, город искусства, красоты и любви — полностью оправдал в глазах Рида свою репутацию. В визитке и галстуке проводил он вечер в элегантном, обитом красным бархатом, ресторане «Максим» в компании гарвардских выпускников, а потом во все горло распевал вместе с ними на улице песенки из студенческих постановок. На другой вечер — в парусиновых брюках и рубашке «апаш» — отплясывал «яву» с хорошенькой барменшей в соседнем дансинге, украшенном цветными лампочками и серпантином. А на третий вечер сидел в твидовом костюме на званом обеде и обсуждал с гарвардским профессором Шофилдом — тот приехал в Париж прочесть курс лекций в Сорбонне — проблемы искусства и культуры Старого Света.

Рид отправился в Испанию, побывал в Толедо, Бургосе, Вальядолиде, Мадриде, а с наступлением осени сел на поезд и вернулся в Париж. В плохоньком номере дешевой гостиницы он принялся писать стихи и рассказы, но вскоре понял, что вряд ли сумеет заработать себе здесь на жизнь. По здравом размышлении он раздумал продолжать путешествие вокруг света и решил провести в Европе еще два месяца, а потом вернуться домой и там подыскать себе работу.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Летом 1911 года Джон Рид переехал в Гринвич Вилледж, где присоединился к трем друзьям, снимавшим квартиру на третьем этаже ветхого кирпичного дома под номером 42 на Вашингтон-сквер, неподалеку от пересечения с Макдугал-стрит. За квартиру друзья платили по 30 долларов в месяц. В ней были две комнаты с высокими потолками, широкими окнами, огромными каминами и водопровод с причудами: летом он частенько подавал кипяток, а зимой — ледяную воду. Подобно многим жилищам... дом был заселен в основном квартирантами нового типа — молодыми мужчинами и женщинами с неопределенными артистическими наклонностями. Грохочущим лабиринтам метрополиса они предпочитали ти-

хие извилистые улочки Гринвич Вилледжа. Сквозь листву деревьев просматривалась северная сторона с ее элегантными особняками, в которых жили состоятельные семьи. Но окна комнаты, в которой спал Джек, выходили на юго-восток. Отсюда был виден грязный двор большого дома, обитаемого итальянцами, где вечно громко плакали дети, пьяные рабочие били своих жен, и из каждого окна свисало цветастое белье — «куцая, простенькая фланель бедноты».

Все его товарищи по квартире были воспитанниками Гарварда — Роберт Эндрюз и Алан Осгул из «Лампуна» и Роберт Роджерс из «Мансли». Эндрюз, теперь подвизавшийся в рекламном отделе фирмы «Ламонт, Корлисс и К°», был вертогон и лентяй, тогда как здоровяк Роджерс, репортер бруклинской «Игл», неукоснительно поддерживал солидные традиции своей родной Новой Англии. Осгул смахивал на заправского денди. Он работал в банке, и по вечерам всегда был рад побродить по пляжам Стэйтен Айленд, поехать в Бовери или заглянуть в один из множества ночных клубов для рабочих, где царила грубоватая атмосфера и где Джек любил «пропитываться местным колоритом».

Прослыв весьма бойким местом, квартира четырех приятелей в доме номер 42 стала своего рода заезжим двором для других гарвардцев. Часто кто-то спал на полу — например, Алан Сигер, который с целой охапкой стихов пришел сюда из лесной хижины Нью Хэмпшира, держа путь на Манхэттен; или Джо Адамс — теперь у него инвестиционный банк в Чикаго; или Эдди Хант — ныне помощник декана в Кембридже; или брат Джека, Гарри, который при поездках в великий город обычно спускал все до последнего гроша.

Дни проходили в лихорадочной сутолоке. Утро начиналось с «жуткого трезвона» будильника и шальной беготни между кухней и ванной, когда вся четверка совершала туалет. Все оттесняли друг друга от умывальника, торопливо выпивали кофе и сломя голову устремлялись к метро. После восьми часов, иногда заполненных редакционными совещаниями, всякими интервью или правкой верстки в самую последнюю минуту, а порой совершенно праздных, когда можно было посидеть за долгим ланчем с обильными возлияниями, Джек возвращался домой и затевал позднюю дискуссию насчет предстоящего ужина. Выбор места трапезы обычно определялся тощими бумажниками друзей. Но, к счастью, поблизости было множество семейных ресторанов, принадлежавших итальянским семействам,— Пальери на Уэст элевенс (Западной одиннадцатой), Бертолотти — на Третьей, Мори — на Бликер-

стрит... После ужина, когда «красное вино плясало в наших ногах», подвыпившая компания, слегка пошатываясь, шла по тротуарам, где на верандах отдыхали бедняки, незлобиво задевала парочки, сидевшие на скамейках в сквере, громко хохотала и шутила. Вернувшись домой, друзья закуривали трубки и сигареты и при «окнах, открытых в ревущую ночь», начинали играть в карты, подтрунивать друг над другом, а иной раз кто-нибудь даже ухитрялся нацарапать лирическое стихотворение.

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

...В сентябре Линкольн Стеффенс — незадолго до того овдовевший — по настоянию Джека поселился в одной из квартир на втором этаже, и отношения между учителем и учеником переросли в дружбу. У Стеффенса, широко известного журналиста, были каштановые волосы, подстриженные челкой, и живые глаза, поблескивавшие за круглыми стеклами очков. Где он только не побывал, кого только не знал! Как ни странно, но вопреки своему веселому и неунывающему нраву, этот интеллектуал слегка устал от жизни, и энергичный, полный энтузиазма Рид как бы тонизировал его. В любое время дня или ночи Джек мог ворваться в его комнату, чтобы обсудить с ним свои последние приключения, потолковать о «самом удивительном на свете» — о пьесе, девушке, вышибале ресторана, компании кутил, певице из ночного бара. В ходе беседы затрагивался самый широкий диапазон тем — от политики до брака, от социализма до литературы. Соответственно менялось и умонастроение собеседников — они то хохотали, то становились серьезными, обменивались анекдотами, информацией, теориями и идеями. Влияние этого пожилого человека на Рида было огромно. Общение с ним приносило прозрение — «словно вспышки яркого света; похоже, что я смотрю и на себя, и на него, и на весь мир новыми глазами». Этому процессу сопутствовали подробности личного и творческого порядка. Когда Рид оставался с пустым карманом, он одалживал у Стеффенса деньги. Когда испытывал творческие затруднения или переживал какие-то неурядицы на работе, то опять же обращался к Стеффенсу, и тот терпеливо выслушивал его «до тех пор, покуда я сам, обласканный его теплом и пониманием, не находил нужного решения». Когда он влюблялся — а это с ним случалось часто,— Стеффенс приходил на помощь разумным советом: «Вы не влюблены, иначе вы не говорили бы: «Вот проклятие! Боюсь, я снова влюбляюсь!» Вы не любите и еще никогда не любили! Когда же вы

действительно полюбите, то сами будете знать об этом... Ждите настоящую любовь. Она стоит того...» Преемник Коупленда, Стеффенс был вторым человеком, внушившим Джеку нежелание «делать что-либо недостойное».

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

Я любил бродить по улицам — от парящих в вышине величественных башен деловой части города, вдоль доков Ист-Ривер, вдыхая аромат пряностей и любуясь быстроходными парусными судами, напоминавшими о далеком прошлом; через многолюдный Ист-Сайд, в границах которого разместилось множество чужеземных городков и на протяжении миль мелькали вереницы окутанных дымом тарахтящих жаровен уличных торговцев, придавая особое очарование убогим, запущенным улицам. Я проходил по неожиданно обрушивающимся на тебя шумом и гамом рынкам, где с подвешенных туш капала кровь, тускло поблескивала в свете факелов рыбья чешуя и дородные торговки громко расхваливали свои товары под грохочущими огромными мостами. Я прислушивался, как дрожали мосты от прилива и отлива людского потока, стремящегося на работу и с работы — на запад и на восток, юг и север.

Чудовищно огромный город непрерывно разрастался, как злокачественная опухоль.

Джон Рид. «Почти тридцать»

По возвращении из Европы Риду захотелось обосноваться в Гринвич Вилледже. Эти «джунгли» из узких извилистых улочек, расположенных вдали от величественных небоскребов Манхэттена, в двадцатых годах нашего века были пристанищем длинноволосых, бедных, но преданных искусству художников, поэтов и писателей, ютившихся в дешевых меблированных комнатах. Многие недавние его обитатели уже стали литературными знаменитостями: Стивен Крейн, Фрэнк Норрис, Вилла Кейтер и Теодор Драйзер. Рид хотел попасть в их число.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Привычное течение жизни Рида нарушила неожиданная телеграмма от матери, призывавшая его в Портленд: отец был при смерти. Рид любил отца, преклонялся перед ним. И пока длился тяжелый обряд прощания, печальное таинство ухода из жизни этого достойнейшего человека, который сумел добиться, благодаря ясности духа и твердости характера, все-

го, чего хотел, его потрясенному сыну то и дело приходили на ум мысли, от которых начинало щемить сердце. Отплатил ли он отцу хотя бы наполовину своей любовью за его великодушие? Знал ли отец, что его сын высоко ценил и никогда не забудет то мужество, с каким он противостоял человеческой вражде и подлости? В какой-то мере. На такие вопросы исчерпывающего ответа не найдешь. Рид-поэт пытался было совладать с этими мыслями...

Карл Хови. «Львенок»

> **Знал ли отец?** Если знал отец, то должен знать и его друг. Рид устремился к Линкольну Стеффенсу. Рид верил, что отныне Стеффенс становится для него в какой-то мере преемником отца. И Рид не ошибся: Стеффенс проявил живое участие в судьбе Рида — для начала он определил его в «Американ мэгэзин». Редакторы пока не очень интересовались талантами Рида. Действовало правило, для всех редакций одинаковое: журналист должен уметь делать все.

Рид разбирал почту, читал гранки, отвечал на письма, был на подхвате у редакторов, при этом платили ему самую малость — едва хватало на жизнь... Стеффенс издали наблюдал за Ридом: первая работа всегда кажется труднее, чем она есть на самом деле. Лицо Рида было искажено страданием — нельзя сказать, чтобы Стеффенс очень жалел Рида. Пот лился с Рида, что называется, в три ручья — это тоже было по душе Стеффенсу. Участливый Стеффенс вдруг сделался бессердечным. Он полагал, что Рид должен был пройти школу мужания — таковы были педагогические принципы Стеффенса... Главное, чтобы все это не прошло бесследно и одарило Рида тем бесценным, что есть задатки опыта. Мудрый Стеффенс пестовал Рида для большого дела — у Стеффенса была цель. Вот и получилось: Стеффенс привел Рида в «Американ мэгэзин», он привел его и в «Мэссиз».

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

Рид полюбил Нью-Йорк, хотя, наряду с величием, видел его безобразие — этим он был обязан удивительному человеку, который первым познакомил его с огромным городом. Линкольн Стеффенс, сорокачетырехлетний вдовец с мягкими манерами, был другом отца Джона Рида. Журналист по про-

фессии, он прославился как «разгребатель грязи» — его перо точно грабли извлекало на свет и выставляло напоказ политическую грязь из самых потайных углов.

Статьи Стеффенса и книга «Позор городов» вызывали восхищение у радикально настроенных людей, которые выступали против социальной несправедливости того времени: нечеловеческих условий труда на заводах и шахтах, нищеты, порождаемой постоянными экономическими кризисами, и униженного положения женщин, которые не имели права голоса — наравне с умалишенными и детьми.

Политические познания Рида, почерпнутые главным образом в колледже из речей в студенческом Социалистическом клубе, были обрывочны и случайны. Стеффенс вскоре заметил это и с готовностью помог Риду восполнить пробелы его образования — не только из дружбы к его отцу, но и потому, что сразу проникся симпатией к молодому человеку, полному жизнерадостности.

Он брал его с собой на собрания социалистов, анархистов, сторонников введения единого налога, профсоюзных руководителей и тех, кого Рид называл «схоластами-утопистами и мелочными доктринерами, цепляющимися за юбки Перемен». Он послал его в книжный магазин радикала Фрэнка Шойя со списком рекомендованной литературы. А главное, он советовал ему ходить по городу и самому его исследовать. Тут он проявил интуитивную мудрость, ибо Рид принадлежал к тем людям, которые больше узнают из собственного опыта, чем из чужих рассказов.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Стеффенс не только содействовал укреплению растущей социальной сознательности Рида, но и помог ему найти работу — сначала временную в газете «Нью-Йорк глоб», а затем место в штате журнала «Американ мэгэзин», который, кроме беллетристики, печатал разоблачительные статьи. Рид должен был исполнять всего лишь обязанности корректора и читать рукописи, но для начала и это было хорошо, и он был признателен Стеффенсу.

Однажды Риду предложили что-нибудь написать для нового раздела «Американ», озаглавленного «Интересные люди», и он посвятил восторженную статью Чарльзу Таунсенду Коупленду. Затем в сотрудничестве с писателем Джулианом Стритом он переработал рассказ, написанный под впечатлениями от плавания на судне для перевозки скота, который напечатал журнал «Сатердей ивнинг пост» под назва-

нием «За бортом». Другой его рассказ «Человек с берегов Сены» год пылился на полке редакционного шкафа, пока не появился в переработанном виде на страницах журнала «Сенчури». Затем журнал «Кольерс» печатает его редакционную статью «Иммигранты», а «Трэнд» — очерк «Невольная этика большого бизнеса». Артур Фут пишет музыку к его стихотворению «Странник по велению сердца».

Рид почувствовал себя профессиональным писателем, и в литературных кругах Нью-Йорка о нем уже стали говорить как о «восходящей звезде».

Перед ним вставала дилемма, решения которой вначале он не находил: с одной стороны, он хотел излагать собственные убеждения, не подчиняясь ничему, кроме интеллектуальной честности и верности своим идеалам художника, а с другой — ему надо было зарабатывать на жизнь. Однако вскоре он обнаружил, что не одинок: та же дилемма стояла перед другими писателями, которые уже нащупывали путь к ее разрешению, организовав собственный журнал под названием «Мэссиз».

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Журнал, созданный Ридом

Рид попал наконец в ту колею, в которой останется до конца своих дней. Он поступил редактором в «Мэссиз».

Карл Хови. «Львенок»

Журнал «Мэссиз» стал издаваться в начале 1911 года как орган, посвященный проблемам единства и солидарности в социалистическом движении, кроме того, он печатал разоблачительные статьи и произведения европейских писателей. Однако четко выраженного направления у журнала не было, а его финансовое положение оставалось весьма шатким. Рид узнал о «Мэссиз» осенью 1912 года...

В один прекрасный день Рид пришел в редакцию «Мэссиз» с рассказом «Там, где сердце» о горькой жизни девушки из дансинга. Другие журналы отказывались от этого рассказа — их не устраивал его бескомпромиссный реализм. «Мэссиз» сразу же взял его — а заодно и Рида: и как постоянного автора, и как штатного сотрудника журнала. Рид даже принял участие в составлении новой программы журнала...

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

«Мэссиз» и сгруппировавшиеся вокруг журнала литераторы и художники образовали своего рода школу, и Рид жадно внимал всему, чему в ней учили.

Карл Хови. «Львенок»

Каждое слово декларации отвечает подлинному характеру Рида,— полагает Хови. Наверно, чтобы понять Рида той поры, надо проникнуть в существо того, чем был тогда для Америки «Мэссиз». Журнал «Мэссиз» появился в 1911 году. Его основателем был некто Пит Влаг, голландец по происхождению. Популярность журналу далась не сразу и, как часто бывает, была связана с участием имен, уже известных читателю. В журнал, который уже успел завоевать репутацию скучного, приходит могучая кучка талантливых литераторов и художников. Среди них художник Арт Янг, известный по кличке «Американский Домье». Рисунки Янга отличались завидной наблюдательностью и остротой. Как надлежит художнику-сатирику, он был безбоязнен и пошел войной на пороки Америки. Видя, как хиреет журнал, Янг с присущим ему талантом, воодушевленно принялся укреплять «Мэссиз», завоевывая ему престиж и популярность.

Для сотрудников программа журнала была их собственной программой — журнал взывал к идеям социальной справедливости, это был в какой-то мере даже марксистский журнал. Рид был одним из тех, кому импонировали устремления «Мэссиз». Все, что он делал в журнале, отвечало его душевным порывам.

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

Влияние «Мэссиз» росло. Рид печатался на его страницах вместе со многими писателями и художниками того времени — с такими, как Джон Стоун, Арт Янг, Джордж Беллоуз, поэтами вроде Артуро Джованнетти, Луиса Антермейера и Гарри Кемпа. В журнале в течение многих лет печатались Карл Сэндберг, Шервуд Андерсон, Бертран Рассел, Вэчел Линдсей и Максим Горький.

Журнал «Мэссиз» не был в состоянии платить гонорары своим авторам, но Рид получал от работы в нем нечто более важное, чем деньги. Пусть ему приходилось зарабатывать на жизнь рассказами, написанными на потребу журналов, где

хорошо платили, зато он мог публиковать то, что хотел, на страницах «Мэссиз». И, что еще более важно, эта свобода пера, которую предлагал «Мэссиз», она открыла Риду новую сферу деятельности, всегда его манившую и ставшую теперь для него главной,— журналистику.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Война в Патерсоне

Как и Юджин *, Рид считал себя поэтом, но наряду со стихами он писал пьесы и рассказы. Как репортер, он поднял журналистику до уровня искусства и стал всемирно известным.

Первым его блестящим репортажем был репортаж о забастовке рабочих шелкопрядильной промышленности Патерсона весной 1913 года. Очень скоро он присоединился к забастовщикам и даже вместе с ними был посажен в тюрьму. Он учил их революционным песням, это он организовал шествие для подачи петиции в Мэдисон сквер-гардене.

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Однажды вечером Рида пригласили домой к Биллу Хейвуду. Хейвуд — «Большой Билл», как его называли многие тысячи трудящихся всей страны,— был социалистом, одним из основателей и руководителей профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира». Приглашенные расселись на полу, потому что в освещенной свечами комнате почти не было мебели.

Большой Билл говорил о событиях в Патерсоне — городе в штате Нью-Джерси, где около двадцати пяти тысяч рабочих шелкоткацких фабрик бастовали, требуя восьмичасового рабочего дня. Стачечников бросали в тюрьмы по ложным обвинениям, полицейские избивали дубинками даже женщин, а наемный охранник застрелил итальянского рабочего Модестино. Застрелил наемный охранник заводовладельцев. Но, как ни странно, о забастовке в Патерсоне в Нью-Йорке не знал почти никто — по вине печати, заявил Хейвуд. Газеты с самого начала заключали негласный договор с владельцами

* Речь идет об известном американском писателе Юджине О'Ниле.

патерсоновских шелкоткацких фабрик. Они не желали ничего печатать о забастовщиках, которые отчаянно нуждались в средствах и моральной поддержке.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

В Патерсоне, штат Нью-Джерси, разгорелась война, но война своеобразная. К насилию прибегает лишь одна сторона — владельцы фабрик. Их слуги — полицейские — избивают дубинками беззащитных мужчин и женщин, топчут лошадьми непослушных закону граждан. Их наймиты — вооруженные сыщики — расстреливают ни в чем не повинных людей. Принадлежащие владельцам фабрик газеты «Патерсон пресс» и «Патерсон колл» печатают подстрекательские статьи, призывают к преступлениям, к насильственным действиям против руководителей стачки. Их ставленник Керролл, главный судья города, выносит суровые приговоры мирным пикетчикам, арестованным во время полицейских облав. Полиция, печать, суд — все в бесконтрольном распоряжении хозяев фабрик.

Их противники — двадцать пять тысяч рабочих шелкоткацких фабрик. Из них в активной борьбе участвуют не более десяти тысяч. Единственное их оружие — линии пикетов.

Джон Рид. «Война в Патерсоне»

В Патерсоне вспыхнула стачка. Здесь я познакомился с Биллом Хейвудом, Элизабет Герли Флинн, Карло Треска и другими ее руководителями. Я приехал в Патерсон, чтобы информировать печать о стачке, и был по ошибке принят за забастовщика. Полиция избила меня и упрятала в тюрьму без предъявления какого-либо обвинения. В тюрьме я беседовал с жизнерадостным человеком, который бодро бросал вызов беззаконию и жестокости городских властей и шел в тюрьму со смехом и песней. В застенке я увидел ужасную картину: заключенных держали здесь многие месяцы без приговора суда, люди лишались рассудка и умирали. Звериная жестокость, болезни, грязь — всего этого хватало в тюрьме бедняков.

С тех пор я был свидетелем многих других стачек и писал о них. Большинство из них являли собой отчаянную борьбу за права, едва достаточные для жизни. Все, что я видел своими глазами, еще раз подтверждало мое первое представление о классовой борьбе и ее неизбежности. Я всем сердцем желал, чтобы пролетариат поднялся на борьбу и добился своих прав...

Джон Рид. «Почти тридцать»

В шесть часов утра моросил дождь. Мрачные и холодные улицы Патерсона были безлюдны. Но вот появилась группа — около двух десятков полицейских. Они медленно брели по улице с дубинками под мышкой. Мы обогнали их и направились к фабричному району. Затем мы стали нагонять идущих туда же рабочих.

С наступлением дня потеплело. Многие вышли из домов и стали расхаживать по улице, собираясь небольшими группами на углах. Они энергично жестикулировали, но разговаривали вполголоса, часто посматривая на боковые улочки.

Неожиданно появился полицейский, размахивая дубинкой.

«А-а-а...» — тихо прокатилось по толпе.

«...Освободите улицу! Немедленно расходитесь по домам, по домам! Не стойте здесь!» Все молча расступились перед ним, но вновь вернулись на прежнее место, как только он прошел. Появились еще полицейские. Грубо, с бранью, расталкивали они народ, но это ни к чему не приводило. Никто им не отвечал...

На тротуаре у фабричных зданий пикетчиков насчитывалось уже примерно четыреста человек... Под охраной двух сыщиков прошел рабочий, держа ведерко с завтраком... Двое молодых итальянцев, которые стояли прислонившись к фабричной ограде, выкрикнули насмешливую ирландскую угрозу: «Скэб, поди-ка сюда, я тебе голову оторву!» Полицейский грубо схватил парней за плечи. «Проваливайте к черту отсюда!» — закричал он, оттаскивая их к перекрестку и награждая их пинками. Толпа хранила молчание и никто не шелохнулся.

...Группами забастовщики патрулировали вдоль тротуаров. Никто уже не смеялся. В глазах у всех горела ненависть. Ведь забастовщики в большинстве своем были пылкие итальянцы, а полицейские — жестокие, тупые звери, которые вот уже девять недель оскорбляли и избивали их. И я подумал, надолго ли хватит терпения...

Перед крыльцом стоял полицейский. Звали его, как я узнал позже, Маккормик. Мне пришлось обойти его, чтобы подняться на ступеньки.

Вдруг он обернулся и грозно спросил хозяина дома: «Они все живут в этом доме?» Мужчина... отрицательно мотнул головой, указывая на меня.

— Тогда убирайся отсюда к дьяволу! — заорал полицейский, ткнув в меня дубинкой.

— Этот джентльмен разрешил мне стоять здесь. Дом принадлежит ему.

— Ничего не значит, делай, что я тебе приказываю. Убирайся отсюда, да поскорее, черт возьми!

— И не подумаю!.. Не желаю уходить ни с этой, ни с другой улицы. Если я нарушил закон, арестуйте меня.

Маккормик был ужасно смущен моим требованием...

— Ваш номер я заметил,— сказал я любезно,— не скажете ли вы теперь мне ваше имя?

— А я раскусил твой номер,— проревел он.— Ты арестован...

Меня втиснули в полицейский фургон и повезли под яростный звон колокола вдоль линии пикета. Мы ехали под крики «вон!» и иронические приветствия. Толпа с воодушевлением махала нам руками.

После допроса в главном управлении меня заперли в камеру. Она была около четырех футов в ширину и семь футов в длину, а потолок был всего на фут выше человеческого роста... В подобные камеры три дня назад бросили большую партию пикетчиков. Их сажали по восемь, девять человек в камеру и держали без пищи и воды по двадцать два часа сряду. Среди них была молодая девушка лет семнадцати, которая, идя во главе процессии рабочих, подошла вплотную к сержанту полиции и предложила ему арестовать их всех.

Несмотря на ужасные условия, усталость и жажду, эти заключенные не переставали весело что-то выкрикивать и петь весь день и всю ночь напролет.

Примерно через час наружная дверь с лязгом отворилась и полицейские втолкнули в коридор около сорока пикетчиков, смеявшихся и перебрасывавшихся шутками. Их заперли в камеры, по двое в каждую. Вскоре поднялся адский шум. Заключенные, не сговариваясь, разом приподнимали тяжелые железные койки и с грохотом ударяли ими о металлические стены. Это напоминало пальбу целой батареи...

Приближалось время судебного разбирательства у главного судьи города, но, очевидно, в управление сообщили, что в окружной тюрьме нет больше свободных мест, так как неожиданно появились полицейские и стали отворять двери камер. Забастовщики с радостными возгласами покинули тюрьму. Их голоса доносились до меня с улицы, откуда освобожденные, смешавшись с ожидавшей их у ворот тюрьмы толпой, направились обратно на линию пикетов.

Вскоре я предстал перед главным судьей Кэрроллом. У мистера Кэрролла было умное, жестокое, неумолимое лицо, как у большинства чиновников полицейского суда. Но он хуже большинства таких чиновников. Он приговаривает нищих к шести месяцам заключения в окружной тюрьме, не дав им сказать ни слова в свою защиту. Он также посылает маленьких детей туда, где они оказываются в обществе наркоманов и бродяг, людей с открытыми гноящимися язвами на теле. Он заключает их в окружную тюрьму, где не хватает спертого воздуха, где в похлебке плавают мухи и тараканы, а взрослые сходят с ума.

Мистер Кэрролл прочел обвинительный акт против меня. Затем мне разрешили рассказать, что со мной произошло. Полицейский офицер Маккормик преподнес такое хитросплетение лжи, которое, я уверен, он сам никогда не сумел бы состряпать. «Джон Рид,— заявил главный судья,— двадцать дней». Этим все и ограничилось...

В этот день в тюрьму впускали посетителей. Я подошел к двери, чтобы поговорить с другом. За дверью находилась приемная. Она была полна женщин и детей, державших свертки, картонные коробки и ведерки — любовно приготовленные лакомства и всякие мелочи, их принесли голодные и оборванные жены и дети, чтобы облегчить своим мужьям и отцам пребывание в тюрьме. В комнате слышались рыдания. По изможденным лицам текли слезы. Дети через решетку рассматривали небритые лица отцов и старались коснуться их руками.

Надзиратель приказал мне идти в «отделение для осужденных», где меня заставили влезть в ванну и надеть арестантскую одежду. Не буду описывать все ужасы, которые я наблюдал в этом помещении...

Когда срок моего заключения окончился, я попрощался со всеми этими добрыми, жизнерадостными, мужественными людьми, облагороженными участием в высоком деле. Именно они являлись душой стачки... И если они даже потеряют всех своих руководителей, из их рядов выйдут новые вожди, так как сами массы поднялись на борьбу, и стачка будет продолжаться. Нет, вы представьте себе это! Двенадцать лет они терпели поражение в стачечной борьбе, двенадцать долгих лет разочарований и неисчислимых страданий. Они не должны опять проиграть, они не могут проиграть.

Джон Рид. «Война в Патерсоне»

Рид испытывал к забастовщикам самое горячее сочувствие и сознавал серьезность того, о чем говорил Хейвуд. Это понимали и другие собравшиеся. Было ясно, что сообщение о забастовке в Патерсоне во что бы то ни стало должно попасть на страницы нью-йоркских газет. Но как это сделать? И тут в первый раз заговорила женщина в малиновом платье, которая заинтересовала Рида, едва он вошел в комнату. Голос у нее был мягкий, почти робкий, но то, что она предложила, было смело и оригинально: нужно силами патерсоновских текстильщиков поставить инсценировку забастовки, и пусть они покажут ее в Нью-Йорке на сцене Мэдисон сквер-гардена.

Присутствующих это предложение поразило, но они усомнились в возможности его осуществления. Как привезти тысячи рабочих в Нью-Йорк? Как за один вечер превратить неграмотных иммигрантов — ведь большинство рабочих было иммигрантами — в актеров? И главное, кто способен создать и поставить такую инсценировку?

Рид тут же предложил свои услуги. Он записал имя женщины — Мейбл Додж — и ее адрес и сказал, что придет к ней в ближайшее время: они вместе подготовят инсценировку, но прежде он напишет репортаж о патерсоновской забастовке и как-нибудь добьется, чтобы его напечатали.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Во время одного из своих арестов Билл Хейвуд встретился в тюрьме с Джоном Ридом. «Джек», как все звали Джона Рида, тогда был еще молодым журналистом. Он только что окончил Гарвардский университет и был направлен в Патерсон журналом «Метрополитен мэгэзин», одним из редакторов которого был Теодор Рузвельт. В этот день полицейские особенно зверствовали. Они избивали не только пикетчиков, но и людей, собиравшихся вокруг них. Один из полицейских приказал Риду «убираться вон». Рид вошел во двор одного дома... Разъяренный полицейский арестовал его.

Когда Рида привели в переполненную забастовщиками тюрьму, то знакомых среди них у него не оказалось, и подозрение по отношению к этому высокому красивому американцу со стороны заключенных рассеялось лишь тогда, когда Хейвуд, которого также доставили в тюрьму, рассказал им, кто это такой. Тогда забастовщики признали его за своего, делились с ним продовольствием и сигаретами, которые приносили им жены. После этого Рид стал активным участником

не только этой забастовки, но и классовой борьбы вообще. В «Метрополитен мэгэзин» появилась его бичующая статья о тюрьме...

Элизабет Герли Флинн. «Своими словами»

«Режиссером был Джон Рид»

Стачечники города Патерсона, понимая, что «жизнь без труда — грабеж, а жизнь без искусства — варварство»,— решили организовать грандиозный рабочий парад, какого еще никогда не бывало в Америке.

В это время Джон Рид приехал в Патерсон и заинтересовался стачкой. Он впервые приобщался к революционному движению. Я привел его на митинги стачечников, где он выступал с речью. Он научил стачечников революционной песне, которая произвела потрясающее впечатление, когда ее полным голосом пели двадцать пять тысяч человек.

«Книга Билла Хейвуда»

Примерно в это время один из наших нью-йоркских друзей предложил поставить инсценировку, в которой сами бы забастовщики рассказали о забастовке. Это было сделано Джоном Ридом с помощью группы нью-йоркских артистов и театральных работников. Представление было организовано в старом помещении Мэдисон сквер-гарден. В нем участвовало 1200 забастовщиков. Каждый вечер на вершине башни, увенчивающей здание, под статуей Дианы, светились огромные красные буквы «ИРМ» *. Это была единственная в своем роде форма пролетарского искусства. Во всей истории американского рабочего движения не бывало ничего подобного. Насколько мне известно, ничего подобного не было и после этого, вплоть до последнего времени, когда была создана картина «Соль земли», в которой мексиканские и американские шахтеры и их семьи сами показывали то, что действительно происходило во время забастовок в Аризоне и Нью-Мексико.

Элизабет Герли Флинн. «Своими словами»

---

* ИРМ (Индустриальные рабочие мира) — прогрессивная рабочая организация США, созданная в начале века, которую в то время возглавлял Билл Хейвуд.

Только что закончилась стачка рабочих шелкоткацких фабрик в Лоуренсе. На горизонте общественной борьбы в промышленности поднималась звезда Индустриальных Рабочих Мира, подобно знамению восстания угнетенных. Стачка заставила меня твердо усвоить, что предприниматели выжимают все, что могут, платят так мало, как только могут, и допускают существование огромных масс несчастных безработных для того, чтобы удерживать заработную плату на низком уровне; что все силы и средства государственного аппарата находятся на стороне имущих и используются против неимущих. Наша Социалистическая партия при встрече с рабочими показалась мне незначительной и вялой...

Джон Рид. «Почти тридцать»

В день представления тысяча двести стачечников перешли через Гудзон. С пристани мы отправились в зал Мэдисон сквера, в котором уже целую неделю зажигались по вечерам красные лампочки, составлявшие гигантскую надпись: «Индустриальные рабочие мира». Мы пригласили принять участие в представлении восемьдесят или девяносто человек нью-йоркцев, известных своими радикальными взглядами. Бобби Джоунс, теперь знаменитый театральный художник, вместе с Джоном Ридом нарисовали плакат: героическую фигуру рабочего на фоне фабрики и дымовых труб. В Мэдисон сквере была построена громадная сцена, на которой была установлена декорация, изображающая шелковые фабрики. Режиссером был Джон Рид...

Первая сцена показывала заводы на полном ходу. Рабочие гуляли по улицам — центр сценической площадки — группами и поодиночке: одни читали газеты, другие напевали песни... Вдруг раздался гудок. Послышался стук, шум, грохот машин. Потом широкое пространство — улица — опустело. Все ушли на работу. Послышались голоса: «Стачка! Стачка!» Рабочие выбегали толпами, крича, смеясь, толкая друг друга. И все торжественным хором запели «Интернационал», подхваченный аудиторией.

Во втором действии заводы были мертвы: ни огня, ни звука... Появились рабочие пикеты. Пели песню стачки. Жизнерадостный итальянец весело перебирал струны гитары. Несколько полисменов смешались со смеющейся, поющей толпой... Вдруг без всякого предупреждения полиция набросилась на стачечников. Началась битва. Раздались выстрелы. Один

из стачечников упал. Его убила полиция. Другой, раненый, вырвался из толпы.

Третья сцена — похороны убитого рабочего. По сцене пронесли гроб, за которым следовали стачечники с пением похоронного марша. Гроб опустили посередине сцены. Стачечники выстроились по обе стороны его, и каждый опустил на гроб зеленую ветвь и красную гвоздику. Элизабет Герли Флинн, Карло Треска и я произнесли речи, так же, как это было в действительности над гробом убитого стачечника в Патерсоне. Мы призывали стачечников бороться до тех пор, пока не будет свергнуто проклятое иго эксплуатации, пока рабочие не вступят во владение тем, что им принадлежит по праву.

В четвертом действии стачечники отправляли своих детей в другие города на время стачки. Дети прощались с родителями и уезжали под пение «Красного флага».

Последняя сцена изображала митинг в Терн-холле в Патерсоне. У задней стены сцены была устроена платформа, вокруг которой столпились рабочие. Я обратился к ним с речью и говорил так серьезно и так сильно, как только может говорить человек, вложивший в дело душу и вдохновленный тысячами сочувствующих слушателей.

Представление закончилось общим пением «Интернационала».

«Книга Билла Хейвуда»

В первом действии шум фабрики внезапно прекращался, раздавался крик: «Забастовка, забастовка!», и масса рабочих потоком вываливалась из ворот фабрики. Во втором действии были показаны пикеты вокруг фабрики. Пикетчики пели, выкрикивали лозунги. Полицейские (которых также изображали забастовщики) избивали и десятками арестовывали рабочих. Забастовщики оказывали сопротивление, полицейские стреляли в толпу, и на землю падал рабочий. В третьем действии изображались массовые похороны. Гроб с телом рабочего несли по среднему проходу между рядами. За гробом шли забастовщики во главе с руководителями забастовки и пели «Похоронный марш рабочих», которому их научил Джон Рид. Затем гроб засыпали красными гвоздиками, как это было в Патерсоне. Хейвуд, Карло Треска и я участвовали в этом представлении и повторяли речи, которые мы действительно произносили у могилы убитого рабочего. Эта сцена сильно трогала зрителей.

Элизабет Герли Флинн. «Своими словами»

Рид с удвоенным энтузиазмом принялся за работу над постановкой. 17 июля 1913 г. более тысячи забастовщиков отправились из Патерсона в Нью-Йорк в специальном поезде из четырнадцати вагонов. Во главе с оркестром Индустриальных Рабочих Мира они прошли по Пятой авеню и направились в Мэдисон сквер-гарден, где в этот вечер собралось пятнадцать тысяч зрителей. Рабочие и работницы приехали не только из Патерсона, но из всех восточных штатов, и к ним во множестве присоединились сочувствовавшие им нью-йоркцы. Когда пронзительный фабричный гудок возвестил о начале спектакля, в зале сразу наступила тишина и все глаза обратились к сцене, по которой сотни людей брели к холодному, зловещему, подсвечиваемому из глубины сцены зданию, поглощавшему их, одного за другим... к фабрике... Зрители были захвачены драматическими событиями в Патерсоне, вновь развертывавшимися перед ними. Сами того не зная, они присутствовали при рождении новой формы драматического искусства, хотя термин «живая газета» тогда еще не был придуман.

На следующий день пресса разразилась похвалами «замечательной постановке», создавшей «такую законную форму демонстрации, перед которой должны поблекнуть все остальные». Отмечалась и работа Рида — «сцены спектакля развертывались с таким убеждающим реализмом, что те, кто их видел, никогда их не забудут». Газеты указывали также, что Мэдисон сквер-гарден даже в дни самых ожесточенных политических кампаний, пожалуй, не знал подобного стечения публики — в вечер инсценировки событий в Патерсоне зрители забили огромный зал до отказа.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Но недолго суждено ему было оставаться одному и метаться в поисках самого себя, рассчитывая лишь на благоприятное стечение обстоятельств. В его жизнь вошла женщина. Женщина, которая способна была позаботиться о нем, женщина такой высокой культуры и душевной чуткости, так прочно чувствующая себя в жизни и настолько независимая, что казалось, сама судьба послала ему ее.

Карл Хови. «Львенок»

Lenin Simplest, most human, and yet most far-seeing and invincible

Lenin – the locomotive of history

John Reed
Communist Labor Party America

Moscow July, 1920

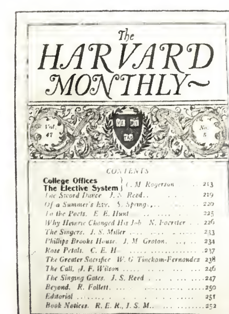
Запись в блокноте. Джона Рида.

Джон Рид. 1920 г.

Гарвардский сатирический журнал «Лампун», членом редколлегии которого был Джон Рид. Здесь он часто публиковал свои сатирические рассказы.

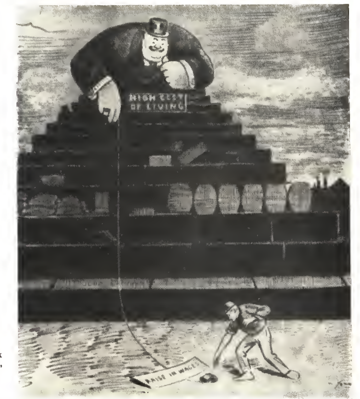

The HARVARD MONTHLY

Vol. 47 No. 5

CONTENTS

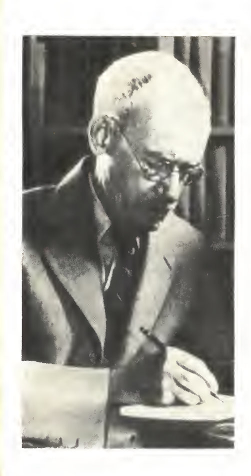
Литературный ежемесячник «Гарвард мансли», одним из редакторов которого был Джон Рид.

Рост
зарплаты рабочих —
с точки зрения
капиталистов —
сатирический рисунок
из «Гарвард маисли»,
характерный
для содержания
журнала тех лет
(1909 г.)

Редколлегия журнала «Гарвард мансли».
Джон Рид сидит вторым слева.
Гарвард, 1909 г.

Чарльз Таунсенд Коупленд, гарвардский профессор и друг Джона Рида.

Джон Рид — молодой репортер. 1911 г.

Редакция журнала «Мэссиз»
на Гринвич Вилледж в Нью-Йорке,
как запечатлел ее на своем рисунке
один из сотрудников журнала
Гленн Колеман. 1912 г.

Линкольн Стеффенс.

Арт Янг.

«Большой Билл» —
Вильям Хейвуд.

Забастовщики Ладлоу,
Колорадо.
Иллюстрация к очерку
Джона Рида
«Война в Колорадо»,
опубликованному
в журнале «Метрополитен»
в июле 1914 г.

Карл Хови,
редактор «Метрополитен».

Журнал «Метрополитен» за август 1915 г.,
где была напечатана статья Джона Рида
«Сербия между сражениями».
Проиллюстрировал эту статью художник Бордман Робинсон.

Metropolitan

Serbia Between Battles

By John Reed and Boardman Robinson

Панчо Вилья.

Удостоверение
о присвоении Джону Риду
почетного звания
бригадного генерала.
Мексика, 1914 г.

En vista de muy [illegible]tantes servi[illegible] prestados a la Causa y con esta fecha [illegible] le expide Nombramiento de General Brigadier al C. Johon Reed. Y para que conste firmo el presente.

Hda "La Cadena," a 22 de Enero de 1914.

[illegible]

RESTAURACION Y JUSTICIA

Джон Рид за работой.

Страницы из мексиканского блокнота Джона Рида.

Джон Рид на трибуне.
Рисунок Линда Уорда.

Джон Рид, Фанни Харст и Бордман Робинсон на Вашингтон-сквер.
На Риде полевая шинель английского офицера, в которой он прибыл с Севера Франции.

Джон Рид и Луиза Брайант. 1916 г.

ШАРЖИ АРТА ЯНГА.

Джон Рид, подтянув брюки, устремляется в бой.

Джон Рид
и Джулиус Гербер.

Первая любовь

...Пока он и Мейбл Додж были заняты подготовкой спектакля в Мэдисон сквер-гарден, они полюбили друг друга.

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Они полюбили друг друга. Есть правило, которое выявил человек, наблюдая жизнь: революция и любовь идут рядом. По крайней мере, если обратиться к великим произведениям искусства о революции, то нетрудно заметить: революция и любовь именно идут рядом. Наверное не случайно, что приход Рида в «Мэссиз» совпал с его увлечением Мейбл Додж. Быть может, мир «Мэссиз» был много радикальнее того, что Рид встретил в доме Додж. Но Додж не оскорбила сознания Рида, наоборот, многое из того, что было в ту пору идеалом Рида, было и идеалом Мейбл Додж. В своем неприятии современной Америки Додж шла неизмеримо дальше, чем самые радикальные из тех, кто был людьми ее круга. Двери ее большого дома были открыты для всех, кто в ту пору ратовал за ниспровержение основ. В дом Мейбл Додж был вхож даже Билл Хейвуд, в лице которого сильные мира сего видели красную Америку.

Итак, встреча с Мейбл Додж отразила для Рида многое из того, что определяло его душевное сознание в то время.

Каждого, кто впервые появлялся в ее салоне, хозяйка интеллектуального салона на Гринвич Вилледж стремилась ослепить умом и образованностью. И небезуспешно. Способность поддержать беседу и умение направить ее в необходимое русло были ее немалым умением. Несмотря на то, что в ее доме бывали люди разных взглядов и убеждений, в разговорах с ними Мейбл оставалась сама собой, и это располагало к ней. Кстати, это нравилось в ней и Риду.

В Нью-Йорке я впервые полюбил, впервые написал о том, что видел, испытав буйную радость творчества, и узнал, наконец, что могу писать. Там я получил первое представление об окружающей меня жизни. Город и его жители были для меня

открытой книгой; все имело свою историю, драматическую, полную трагической иронии и страшного комизма.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Это была необыкновенная женщина. Казалось, вся освещенная изнутри сжигающим ее огнем. Мейбл Додж стала центром всей жизни Рида, и дела его пошли живей, уверенней. Она полюбила его, взяла под свое крылышко... Захваченный большим чувством, Рид охотно подчинился ей. И это казалось вполне естественным. У них было много общего.

Казалось, Мейбл и Джон просто созданы друг для друга — женщина с бесстрашной душой и доверчивый юноша, жаждавший любви и поддержки, которые она так щедро дарила ему. В то время Мейбл Додж была замужем за архитектором, у нее был маленький сын.

Она располагала собственным капиталом и только что кончила обставлять квартиру на Пятой авеню антикварной мебелью, за которой охотилась по всей Европе.

Карл Хови. «Львенок»

Мейбл Додж стояла в центре всего нового в американском искусстве, литературе и социологии. На своих знаменитых «вечерах», устраиваемых ею в ее квартире на 5-й авеню, она собирала вместе художников, писателей, реформаторов, руководителей рабочего движения, революционеров. Все поддавались ее магнетизму; она обладала поистине магической силой притягивать к себе людей. Рид был на много лет моложе ее, но их сразу же потянуло друг к другу. Когда с шествием * было покончено, она увлекла его и Роберта Эдмонда Джоунса на свою виллу во Флоренции, где, как говорил Рид, он чувствовал себя «рыбаком, пойманным дочерью джинна и увезенным ею на вершину горы». Бобби Джоунс как-то сказал Мейбл: «Я чувствую, что между вами и Джеком есть что-то чудесное и вечное...» По словам самой же Мейбл Додж, Рид в их первую ночь, проведенную вдвоем, прошептал ей: «Я думал, твой огонь темно-красный, в темноте же ты горишь голубым пламенем».

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

...Ощущение счастья в дни пребывания в Провинстауне стало совсем полным благодаря его любви к Мейбл. Со времени его возвращения не было больше ни бурных сцен, ни

* Имеется в виду массовое действие, поставленное в Мэдисон сквер-гарден.

попыток самоубийства, ни угроз, ни упреков, и он растворился в чувстве, описанном в письме из Денвера: «Твоя душа, твоя живость делают тебя такой прекрасной для меня. Ты— моя жизнь». Теперь Джек выражал свою любовь уже не словами, но плотью, сливавшейся с другой плотью долгими и сладостными летними ночами. Но он не замечал, что это чувство не восстановилось целиком. Причины тому были столь же сложны, как и сама Мейбл, которая впоследствии привела двух психиатров в полное смятение и так и не нашла длительной и столь желанной ей любви. Увлеченная молодостью, жизненными силами, энергией и мужеством, она вместе с тем казалась себе почти матерью, часто думая, что «он ребенок в сравнении со мной». Как и всякая мать, она отчасти относилась с известной нетерпимостью к его росту и успехам, ибо хотя они и делали его более привлекательным мужчиной, но уменьшали его зависимость от нее. Как бы то ни было, но Мейбл, безусловно, всегда преувеличивала степень своей нужности Джеку... Становилось все более ясно, что он может жить вполне самостоятельно. Человек, скакавший рядом с Вильей, завоевал себе общенациональную репутацию и даже взял интервью у президента. Возможно, он все еще был ребенок, но теперь уже никак не желал мириться с этим...

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

«Временами,— писала Мейбл Додж,— я горько раскаивалась в своей привязанности к Риду — ведь в Эндрю (Десберге) гораздо больше устойчивости, значительности, а Рид так до конца дней своих и останется мальчишкой».

Всегдашний добрый гений Рида Линкольн Стеффенс не забывает о нем и теперь. И на этот раз, как и всегда, без лишних слов, со свойственной ему практичностью помогает он Риду сделать новый важный шаг вперед.

Карл Хови. «Львенок»

«Все отвлекает его от меня,— жаловалась она,— а меня в жизни ничего не трогает, кроме как его прикосновение. Итак, между нами началась молчаливая борьба». Она рассказывала: «Рид всегда был готов на все, был готов в любой момент внезапно поддаться новому увлечению. Легкие его всегда казались чрезмерно переполненными, и он обычно упрямо опускал свой круглый подбородок, как бы желая обуздать свое взволнованное сердце. Он всегда находился в состоянии возбуждения. Его глаза, казалось, без причины загорались, его кашта-

новые кудри, зачесанные назад с высокого круглого лба, развивались в яростном беспорядке, а виски блестели».

Наконец, он оставил ее. «До свидания, моя дорогая...— писал он ей.— Ты душишь меня. Ты хочешь убить мою душу. Я люблю тебя больше жизни, но я не хочу, чтобы мое духовное «я» умерло. Я ухожу ради своего спасения. Прости меня. Я люблю тебя. Я люблю тебя». Оба безумно страдали. Он вернулся, дикий и неистовый. «Вышло по-твоему, не по-моему»,— пробормотал он. Но в конце концов он с ней порвал.

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

...Еще раз поговорить им с Мейбл довелось неподалеку от редакции «Метрополитен», день был дождливый. «На улице было грязно, сыро, уличные фонари загорелись рано, и свет их отражался на мокром тротуаре, Рид смотрел на меня измученными, злыми глазами. Он сказал, что переписал по-новому конец «Пигмалиона». Это его любовное стихотворение начиналось словами:

Прекрасную мрамора глыбу исторг у земли из груди он,
Искусный резец оживляет пленительный образ
Единственной в мире, в мечтах его долго витавшей.
Тонка и изящна, бела и полна своеволья,
Сияла на солнце, и тень ей была что истома.
Поутру бледна, загоралася в час предвечерний.

В первом варианте стихотворение кончалось так:

Все каменно в ней. Безразлична. Не внемлет.

Теперь же конец был другим:

И от поцелуев и ласк его вздрогнула вдруг Галатея.

Карл Хови. «Львенок»

«Вооруженный револьвером и фотоаппаратом»

В конце 1913 года он отправился в Мексику, чтобы написать о восстании пеонов. Там он присоединился к армии Вильи: он скакал верхом, пил и жил вместе с людьми Вильи. Увиденное там он описал в статьях в журнале «Метрополитен», а также в книге «Восставшая Мексика». Очерки его прославили.

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Мексиканские очерки его прославили, и это было по-своему закономерно. Наверное, была своя последовательность в том, как зрело сознание Рида. Толчки, пробудившие сознание, о которых мы говорили выше, были для Рида своеобычны. Но что означали они в жизни Рида, чему они соответствовали? Радикализм отца, борьба старшего Рида за чистоту нравственных норм. Для наблюдательного Рида вряд ли это прошло даром, тем более что это было самым ранним впечатлением юности, что всегда воспринимается особенно остро, не забывается.

Итак, радикализм отца — это первое. Второе — единоборство с гарвардским кланом привилегированных, единоборство, в сущности, не на жизнь, а на смерть, когда Рид должен был собрать все силы, чтобы возобладать. Несмотря на то что внешне все было пристойно, борьба была жестокой. Третье — Линкольн Стеффенс и его книга «Позор городов». Способность Стеффенса видеть зло, его рыцарственность в борьбе с этим злом, его трагическое одиночество и его беспримерная храбрость. Четвертое — мир «Мэссиз», мир единомышленников, решивших пойти дальше Стеффенса и поэтому объединившихся. Журнал назывался «Мэссиз», что значит «массы», но журнал еще не стоял в центре того, что было борьбой масс. Но был Хейвуд, где были массы, их всесокрушающее движение, их организованная воля. Итак, пятое — Билл Хейвуд.

Мексику Риду подсказал Патерсон, вернее, массовое действие в Мэдисон сквер-гарден. Есть смысл поставить себя на место Рида. В самом деле, какие мысли могли владеть им, когда он отважился показать на сцене крупнейшего нью-йоркского зала события в Патерсоне. Чем был Патерсон для современной Америки, как ни столкновением власть имущих с народом, столкновением, когда власть обратила силу против народа, а народ воспротивился и на удар ответил ударом. По всему ситуация революционная, в самом строе которой и облике нашло отражение то характерное, чем жила Америка в те бурные времена. Конечно же, был смысл воссоздать Патерсон, показать его Америке, показать с документальной точностью, не скрыв от Америки всех ее участников, больше того, обнаружив их ли-

ца и их имена. Пусть Билл Хейвуд и Элизабет Флинн возникнут в Мэдисон сквер-гарден, как они возникли в Патерсоне, поднявшись на трибуну и обратив к присутствующим те же слова, какие они обратили, когда происходила стачка. Короче говоря, Рид задался целью воссоздать революционный момент американской истории, воссоздать с точностью и наглядностью учебника истории. Да, Патерсон как эпизод и, быть может, прообраз будущих событий. Он явил на сцене Мэдисон сквер-гарден в своем роде генеральную репетицию грядущих революционных событий Америки, какими он их видел. Трудно сказать, так ли это было на самом деле, но одно несомненно: в массовом действии, которое Рид приготовил на сцене большого нью-йоркского зала, сказалась его мечта о грядущей революции. Ни одна идея не владела в ту пору его сознанием так, как мечта о грядущей революции. Поэтому, когда пришла весть о том, что Мексика восстала, у Рида не было иной дороги, кроме этой: в Мексику. Вряд ли Рида одолевала дилемма, в каких частях ему находиться: у Каррансы или у Вильи. Конечно, революцию можно наблюдать и из стана контрреволюции, но для такого человека, как Рид, закономернее видеть революцию из стана революционеров так, как Рид наблюдал Патерсон, имея рядом с собой сподвижников по борьбе за американскую свободу. Итак, Мексику Риду подсказал Патерсон.

Когда Джона Рида выпустили из тюрьмы в Патерсоне, куда он угодил за такую пустяковую провинность, как непочтение к полицейскому, ему было чем поделиться с читателем. С того и началось наше знакомство; раньше этот широкоплечий юноша с густой копной волос как-то не попадался мне на глаза. И вот, сидя у себя за столом и пытаясь оценить с редакторской точки зрения его рассказ, я дивился веселому оживлению рассказчика — ведь сама тема, казалось бы, не настраивала на веселый лад... В его рассказе была такая магическая образность, что люди, о которых он говорил, обретали реальность...

Нельзя было не удивляться ясности его духа и мастерству, казалось, не знающему трудностей ни в чем. Такой темперамент и притом такая логичность изложения, такое умение

взять быка за рога были у нас внове. С радостью, которая служит нам лучшим вознаграждением за все тяготы редакторской лямки, я вцепился в рукопись, прочел ее одним духом и заговорил с автором о работе для нас на будущее.

Карл Хови. «Львенок»

Мой отец Карл Хови... работал в «Метрополитен» с 1912 по 1922 год и эти годы он воссоздал в своих воспоминаниях о Джоне Риде. Внешне, во всяком случае, мой отец не был похож на прожженного газетчика. Он родился в Бостоне в старинной американской семье. Как гласит родословная моего отца, один из его предков, семнадцатилетний английский юноша, в 1635 году пустился в поисках приключений по морям на шестнадцатипушечном корабле, который назывался «Архангел Гавриил», и решил поселиться в американских колониях. Мой отец, сын полковника армии северян, раненного в битве при Геттисберге, воспитывался в тихой патриархальной обстановке в Новой Англии. В юности он учился в Гарвардском университете у профессора Чарльза Коупленда, чьи вдохновенные лекции он слушал вместе с Джоном Ридом, который также был учеником Коупленда. Окончив Гарвард, отец стал газетным репортером... В то время ему уже, вероятно, было свойственно то, что я наблюдала в нем позднее и что являлось одной из главных его черт: это был человек, считавший, что все на свете принадлежит ему. Это была его страна. Он и ему подобные основали ее и боролись за нее. Он не желал никому уступать ни дюйма. И когда дело касалось его взглядов на литературу, он тоже никогда не уступал. Все время, пока он был редактором «Метрополитен», он отстаивал свои взгляды на то, что такое подлинная художественная ценность и что такое дешевая преходящая популярность. Позднее он говорил, что время подтвердило его правоту.

Тамара Хови. Предисловие к «Львенку»

Необыкновенная жизнь была, как видно, на роду написана Риду. Ему не суждено было, как многим честолюбивым юношам, уныло вести бесконечный счет тусклым дням и, томясь их однообразием, незаметно свыкаться с рутиной. Вот и на этот раз он и оглянуться не успел, как его захлестнули такие события, что казалось, будто их специально для него выдумали.

Они помогли наконец Риду найти себя, отчеканили его не сформировавшийся еще характер: он понял теперь, в чем его истинное призвание. Все произошло как во сне. Полчища обо-

рванных, нищих людей с героизмом, который, казалось, граничил с безумием, вступили в эпически величественную борьбу не на жизнь, а на смерть; по горам и равнинам неудержимо загрохотала война, в которой дрались не мудрствуя лукаво, кто как умел, без пощады и без притворства. Это была трагедия, овеянная притом совершенно особой романтикой... Революция в Мексике...

Когда такие репортажи начали приходить в Соединенные Штаты, редактор «Метрополитен» понял, что не ошибся, послав в Мексику двадцатишестилетнего Рида. Это был не сухой анализ фактов, а яркое описание событий, в котором чувствовалась рука талантливого писателя. Рид не просто рассказывал о том, что наблюдал, но создавал живую, полную образов картину, и читатель чувствовал себя очевидцем событий. До репортажей Рида Вилья представлялся американцам кровожадным бандитом, жестоким, недалеким, примитивным карикатурным дикарем. Под пером Рида карикатура преображается в мастерски написанный портрет живого человека. Именно это нужно было «Метрополитен», и Карл Хови телеграфировал Риду: ВЫ ШЛЕТЕ НАМ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МАТЕРИАЛ МЫ В ПОЛНОМ ВОСТОРГЕ...

В Чиуауа Рид часто встречался с партизанским вождем, либо дома у Вильи, либо в его служебном кабинете, где среди своих грубоватых преданных companeros Вилья занимался всяческими административными вопросами то в роли губернатора штата Чиуауа, то генерала северной армии конституционалистов. Вилья славился тем, что отказывался принимать журналистов, но к Риду это не относилось. И не только потому, что Вилья поддался обаянию личности молодого репортера или был благодарен ему за подарки: седло, ружье с золотой монограммой и глушитель системы «максим». Вилью увлекали вопросы, которые задавал ему Рид,— ни о чем подобном его прежде не спрашивали. Что он думает о предоставлении права голоса женщинам? Как он смотрит на социализм?

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Джон принял предложение «Метрополитен» со сдержанностью, которая никого не могла обмануть,— все его существо излучало взволнованность.

Но вот наконец мы обменялись рукопожатиями, и он отбыл, вооруженный револьвером и фотоаппаратом, с денеж-

ным аккредитивом на руках, горя юношеским нетерпением принять боевое крещение.

Карл Ховн. «Львенок»

Отношения между моим отцом и Джоном Ридом, хотя и были в значительной степени отношениями между работодателем и автором, часто — как видно из переписки — выходили за эти рамки. Джон Рид был с моим отцом прям и откровенен. Он не скрывал, что работал с юношеским пылом и в то же время сомневался в результатах своей деятельности; все это он высказывал по-мальчишески.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Пожалуйста, прочтите это как можно быстрей и телеграфируйте мне, что Вы об этом думаете. Следующая статья будет гораздо короче, но содержание ее захватывающее — баталия. Я могу дать большое количество забавного, интересного материала о том, что произошло и происходит в конституционном правительстве, и также о том, что американцы в большинстве случаев являются буквальным бедствием для Мексики. Один бизнесмен в Чиуауа сказал мне, что если я напишу что-либо порочащее интервенцию, то он расправится со мной!..

...Пришлось купить совершенно новый фотоаппарат и совсем новые фотопринадлежности, потому что все потеряно в бою...

Ждите моего следующего письма.

Рид.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Первая статья стоила мне такого напряжения сил, что я уже был просто не в состоянии судить сам, так ли она написана. Но сейчас для меня проясняется, какие в нее следовало бы внести поправки. Хорошо бы, если б Вы сняли всякую сентиментальщину и годные только для передовиц иронические замечания насчет мира, свободы и т. п. По-моему, очерк только выиграет от простоты и голой правды. Прошу Вас, пройдитесь по нему от начала до конца и, если я где излишне пространен, правьте безо всякого. Не в службу, а в дружбу...

Мне кажется, что после взятия Торреона, война на Севере будет уже просто войной, как все войны. Солдат Вильи, не теряя времени, обряжают теперь в военную форму, муштруют, им платят жалованье, приучают к беспрекословному повиновению старшим. У Вильи теперь завелись пушки, настоящие

офицеры, радио, пишущая машинка. Северная армия становится профессиональной и законопослушной... Пленных не будут предавать казни.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Рид не собирался держаться в стороне от военных действий и писать свои репортажи по чьим-то рассказам. Он хотел жить среди сражающихся пеонов. Как-то утром он услышал, что армия генерала Урбина подходит к линии фронта около Дуранго, и решил отправиться туда. Урбина разрешил ему сопровождать прославленный отряд La Tropa, уже отличившийся в битвах за мексиканскую революцию.

Вначале солдаты — оборванные, босые пеоны — поглядывали на Рида с подозрением. Он был американцем, гринго, а они во всех гринго видели врагов. Ведь американцы, которых они знали, были владельцами рудников и заставляли пеонов работать, словно рабов. Им не верилось, что Рид действительно интересуется ими и сочувствует их делу, как это следовало из его расспросов. Хотя держались они дружелюбно, беззлобно, посмеивались над его ломаным испанским языком и, поддразнивая, называли «ми-и-стером», многие были убеждены, что его подослали иностранцы...

Рид сознавал это и старался разрушить барьер, отделявший его от них. Но в Мексике не было Билла Хейвуда, который заверил бы их в его надежности, как тогда в патерсоновской тюрьме. Ему надо было самому завоевать доверие мексиканцев, и скоро они убедились, что он совсем не изнеженный гринго. Ему предложили выпить полбутылки сотоле — на редкость крепкой водки, и он выпил ее залпом. Во время танцев вечером на заброшенной асиенде вызвали его сплясать хоту, и он после упорных попыток овладел быстрыми фигурами танца. Когда забили быка и не было времени варить мясо, он наравне со всеми ел сырое мясо. А когда надо было решить, где ему жить: с офицерами или в душной переполненной казарме с солдатами, Рид выбрал казарму.

Однако как-то вечером солдат Хулиан Рейес, все еще подозрительно относившийся к гринго, сел возле него.

Недоверие к Риду было полностью рассеяно, и солдаты с этих пор считали его своим. Ночью у костра они рассказывали ему о своей трудной, голодной жизни и надеждах, осуществления которых ждали от демократической Мексики. Они шутили с ним и пели, а нередко кто-нибудь одалживал ему коня. Тогда он ехал в общих рядах и разговаривал с солдатами. Он узнал, что многие из них еще недавно вели жизнь разбой-

ников, а некоторые были настолько бедны, что не имели даже плаща. Но Рид вновь и вновь убеждался в их поразительной честности. У него было сто пятьдесят песо, которые он открыто клал рядом с собой, когда ложился спать. И никто не тронул этих денег. Хотя провизии и табака не хватало, солдаты внимательно следили, чтобы Рид ни в чем не нуждался.

Тамара Ховн. «Джон Рид — свидетель революции»

Мексиканцы, как их увидел Джон Рид

Панчо Вилья — друг народа,
Понимает бедных он.
Только тот поймет пеона,
У кого отец пеон...
Все, что взяли у народа,
Возвращал народу он.
Только тот поймет пеона,
У кого отец пеон.

Мексиканская народная песня о Вилье и Сапате, записанная Джоном Ридом.

Дорогой мистер Хови!

Это третья статья. Я понимаю, что она совершенно не похожа на остальные по стилю, трактовке событий и содержанию. Когда я перечитал ее, то подумал, что вы ее не возьмете. Впрочем, мне все равно. Вы говорили, чтобы я писал обо всем, что узнаю, и вот результат. Это — первоклассный материал, и никто, кроме меня, не потрудился собрать его воедино. Если статья вам не подойдет, пожалуйста, передайте ее в «Санди уорлд» и скажите, что я сам просил об этом, или лучше направьте прямо Линкольну в «Уорлд». Четвертая статья будет написана в том же духе, что и первые две, которые вам понравились. Мы тронемся, видимо, завтра, и если я не успею разделаться с ней до отъезда, то прикончу злодейку где-нибудь по дороге, а по возвращении у меня для вас будет масса нового материала. Не думаю, что мне захочется задержаться тут дольше, чем на месяц, но если через четыре, пять месяцев Вилья вступит в Мехико, мне кажется, хорошо было бы вернуться обратно и сопровождать его, если вы не потребуете, чтобы я повидался с Сапатой. Мне обойдется гораздо дешевле

сперва приехать в Нью-Йорк, а потом вернуться обратно, если тут за это время что-нибудь произойдет. Но, вероятнее всего, понадобится не менее полугода, пока он подойдет настолько близко, чтобы ударить по Мехико, а до тех пор я просто буду терять время, слоняясь без дела. Но после взятия Торреона я надеюсь вернуться сюда с великолепным рассказом о том, как был захвачен и опустошен большой город...

Глубоко признателен за вашу поздравительную телеграмму. Она меня подбодрила. Будьте уверены, что я сделаю все возможное для «Метрополитен». Как только мы сядем в поезд и тронемся на юг, я начну писать о Вилье с его же слов. Он говорит, что ничего не утаит от меня... Это будет не только необычайно волнующий рассказ, но и замечательный человеческий документ. Он вызовет сенсацию во всем мире...

Написав вторую статью, я что-то расклеился и пролежал два дня с приступом малярии. Но теперь все в порядке. Жизнь тут, в Эль-пало, стоит чертовски дорого, но мне нужна хорошая комната и масса сигарет. Ужасно хочется быть в Мехико...

.Джон Рид Письмо Карлу Хови

Ужасно хочется быть в Мехико! — Эта фраза, заимствованная у партизан Вильи, стала едва ли не воинственным кличем Рида. Около четырех месяцев продлилось путешествие Рида по революционной Мексике. За это время, будучи корреспондентом «Метрополитен» и газеты «Уорлд», он побывал почти во всех основных районах, где велись военные действия. Большую часть времени он провел на Севере страны в городе Чиуауа, затем совершил небольшую поездку в Санта-Мария-дель-Оро, после чего попал в гущу событий под Ла-Каденой. Некоторое время Рид прожил в лагере у легендарного Вильи. Ему довелось побывать и в штаб-квартире президента Каррансы в Ногалесе.

И вот в апреле 1914 года в журнале «Метрополитен» появляется первая корреспонденция Джона Рида из революционной Мексики. Перед статьей журнал дает следующую шапку: «Джон Рид в Мексике. Картины войны, нарисованные американским Киплингом. Овеянная дыханием фронта первая корреспонденция Джона Рида из Мексики... Это — истинная литература», далее заглавие статьи: «Вместе с Ла Тропой». За ней последовало

еще девять корреспонденций для «Метрополитен» и несколько в газету «Уорлд».

В письме своему редактору Карлу Хови из Мексики Рид отмечал: «Я открыл себя заново, я писал так, как мне уже никогда не писать». Да, именно так и сказано: «я писал так, как мне уже никогда не писать», однако, не преувеличение ли это? Нет. Да, его мысль могла бы быть более зрелой, а язык его очерков более строгим, сдержанным. Но Рид действительно уже не писал так, как писал он из Мексики. Что же было свойственно стилю его мексиканской книги, ее манере? Риду была присуща привилегия, которой, быть может, и не обладали мексиканские литераторы. Он попал в мир, который был для него начисто своеобычен. И в своем Портленде на Кедровом холме и позднее в Гарварде, а еще позже в Нью-Йорке, который воспринял он через Гринвич Вилледж и редакцию «Мэссиз», Рид ничего подобного не видел. Это был иной мир, совершенно иной по образу жизни, по кругу людей, по мыслям, которые ими владели, по кругу интересов, во власти которых они находились, по языку, по краскам, по самим реалиям, которые их окружали. Одним словом, это был иной мир. Поэтому, преодолев мексиканскую границу, Рид попал не просто в иную страну, находящуюся рядом с Америкой, он точно попал на другой континент, больше того, на другую планету. В его мексиканской книге, наверное, есть элементы экзотики, но это та самая экзотика, которая создает своеобычность крестьянской Мексики, неповторимый цвет ее земли и солнца, колорит ее гор, просторов, облик ее людей, заодно их характер, их образ жизни, их язык, их обычаи. Наверное, это одна из самых колоритных книг в истории мировой литературы. Говорит ли Рид об образе жизни людей, их родословной, их прошлом и будущем, всюду присутствуют краски...

...Наверное, типичен тот интерес Рида к фольклору. В его мексиканской тетради много записей, народных песен. Они, эти песни, прорвались и на страницы «Восставшей Мексики». Их отблеск точно окрасил многие из сцен, воссоздающих картины жизни народа, быт пеонов, их говор. Кстати, о говоре — книга пересыпана мексиканскими словами и

изречениями, как их ухватил Рид, слушая пеонов. Все это необыкновенно расцветило книгу, сделало ее живописной, способствовало тому, что картина жизни нарисована в книге необыкновенно натурально, а поэтому ощутимо рельефна. В ней есть обаяние и непосредственность живой природы. Кстати, о природе, это, пожалуй, единственная книга, с ярко выраженным политическим содержанием, в которой бы такое место занимал пейзаж. Вот эти яркие мексиканские степи, точно выбеленные полуденным солнцем с кактусовыми рощами по склонам гор, с необыкновенной точностью воссозданы Ридом. Все это помогает тому главному, что есть живописность книги, ее художественность. Разумеется, это книга революционера, но одновременно — это книга и писателя, большого писателя. Однако вот что любопытно, в стопке бумаг, которые сохранил редактор мексиканской книги Джона Рида Карл Хови, обнаруживается много документов мексиканской революции, собранных автором «Восставшей Мексики». Тут и указы революционных властей о денежной реформе, и прокламации Вильи, обращенные к народу, и анкеты, которые во множестве приходилось заполнять Риду в дни его путешествия по Мексике, и казначейские билеты, пущенные в обращение властями революции. Иначе говоря, с завидной тщательностью Рид собирал все, что могло явиться знаком времени, свидетельством тех исторических дней. Но вот что характерно, эти документы почти не вошли в мексиканскую книгу. Очевидно, все это произошло по той же причине: книга эта столь живописна, что документ мог выглядеть в ней в какой-то мере инородным. Рид-художник был чуток к этому. Тема эта, на наш взгляд, любопытна, и мы еще будем иметь возможность к ней вернуться.

Он радикал, логично мыслящий и идеально последовательный... если говорить о будущем Мексики, то, по-моему, с Сапатой нельзя не считаться...

Джон Рид. Из письма редактору «Метрополитен»

Самый забитый пеон обладает таким изысканным тактом и острым умом, которых не сыщешь у представителей всех из-

вестных мне классов и наций. Я не знаю людей, которые были бы так, как они, близки к природе. Они неотделимы от своих скромных хижин, от своих крошечных полей.

Из дневника Джона Рида

Конституционалистская армия

(Круглая печать с государственным гербом Мексики и текстом — «Конституционалистская Армия — Бригада «Сарагоса» Дивизии «Лагуна» — Секретариат»)

Сей Генеральный Штаб предоставляет паспорт для того, чтобы Г-н Джон С. Рид мог отправиться с первым поездом из этого города в Чиуауа без билета.

«РЕСТАВРАЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ»
Город Хуарес, 22 декабря 1913 года. Военный Комендант Крепости Генерал (подпись — Э. Агирре Бенавидес)

Военным и Гражданским Властям и Начальнику Поездов.

Временный паспорт, выданный мексиканскими властями Джону Риду. (Из мексиканских бумаг Джона Рида, сохраненных Карлом Хови).

Когда я пересек мексиканскую границу, меня охватил страх. Я боялся смерти, ранения, встречи с чужой страной, с чужими людьми, речи которых были мне непонятны, мысли — неведомы. Но меня подстегивало жгучее любопытство. Прежде всего мне хотелось узнать, как я буду вести себя под огнем, как уживусь на войне с этими простыми людьми. И я убедился, что пули не так уж страшны, что ужас перед смертью можно побороть, а мексиканцы — такой же народ, как мы. Эти четыре месяца, когда мы скакали по палимой солнцем пустыне, оставляя позади сотни миль, спали вповалку на голой земле, пили и плясали до рассвета на разоренных асьендах, когда я жил бок о бок с моими новыми друзьями, не отставая от них ни в потехах, ни в бою,— это время, пожалуй, было лучшим в моей жизни. Я поладил с этими яростно сражавшимися людьми и с самим собой. Я жил полной жизнью. Я открыл себя заново. Я писал так, как мне уже никогда не писать.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Романтикой золота овеяны горы северного Дуранго, словно крепким ароматом духов. Здесь, говорят, находился тот мифический Офир, из которого ацтеки и их таинственные предшественники черпали то червонное золото, что было найдено Кортесом в сокровищницах Монтесумы. Еще на заре истории Мексики индейцы ковыряли эти голые горы тупыми ножами из красной меди. До сих пор сохранились следы их разработок. После них испанцы в ярких сверкающих шлемах и стальных доспехах добывали здесь то золото, которое их гордые галеоны везли из Вест-Индии. На расстоянии почти тысячи миль от столицы, за непроходимыми пустынями и суровыми горами среди каньонов и горных вершин, утвердилась крохотная красочная бахрома самой блестящей цивилизации и продолжала существовать, когда власть испанцев в Мексике давно исчезла. Испанцы, конечно, превратили местных индейцев в рабов, и узкие речные долины до сих пор хранят зловещие легенды. В Санта-Мария-дель-Оро можно слышать тысячи преданий о тех временах, когда в штатах насмерть засекали рабочих индейцев, а надсмотрщики-испанцы жили, как князья.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

(Круглая гербовая печать с текстом — «Председатель муниципалитета Чиуауа»)

СЕКРЕТАРИАТ
(Круглая гербовая печать с текстом — «Северная Дивизия. Главнокомандующий»)

По рекомендации Г-на Д-ра Себастиана Варгаса-Младшего выдается паспорт Г-ну Джону Риду с тем, чтобы он мог отбыть из этого города в Магистраль, Дуранго.

Свобода и Конституция.
Чиуауа, 31 декабря 1913 года.
По эмиграции

(Подпись)

Данные:
Возраст — 26 лет
Рост — высокий
Сложение — полный
Цвет — белый
Волосы — каштановые
Брови — каштановые
Усы — сбриты
Глаза — зеленые
Нос — небольшой
Рот — небольшой
Лоб — высокий

Пропуск, выданный мексиканскими властями Джону Риду. (Из мексиканских бумаг Джона Рида, сохраненных Карлом Хови).

Трудно себе даже представить, как близко к природе живут пеоны на этих огромных асьендах. Даже их хижины построены из той же обожженной солнцем глины, на которой они стоят, их пища — кукуруза, которую они выращивают; их питье — вода, которую зачерпывают из пересыхающей реки и тащат домой на головах усталые женщины; их одежда соткана из шерсти; сандалии вырезаны из шкуры только что зарезанного быка. Животные — самые близкие их друзья. Свет и тьма их день и ночь. Когда мужчина и женщина влюбляются, они бросаются друг другу в объятия без всяких предварительных формальностей; надоев друг другу, они расходятся. Венчание стоит дорого (целых шесть песо священнику) и считается излишней роскошью, но и оно ни к чему не обязывает случайно сошедшуюся пару. Ревность, конечно, приводит к поножовщине...

Американские солдаты не встретят серьезного сопротивления со стороны мексиканской армии. Но им придется расстреливать пеонов и их жен, которые будут сражаться за каждую улицу, отстаивать каждый дом. Терпеливый, великодушный народ, который вот уже четыре века борется за свою свободу и национальное самоопределение, не имея ни современного оружия, ни руководящей организации,— вот кто станет жертвой интервенции...

Американцы считают мексиканцев в высшей степени нечестным народом, и мне говорили, что у меня в первый же день украдут мою походную сумку со всеми вещами. Но вот уже две недели я жил среди самых отчаянных головорезов, подобных которым трудно было найти во всей мексиканской армии. Они были совершенно невежественны, не признавали никакой дисциплины. Почти все они ненавидели гринго. Им уже полтора месяца не выплачивали жалованья, и многие из них были настолько бедны, что не могли купить себе ни сандалий, ни серапе. А я был чужой, хорошо одет и не вооружен. При мне было сто пятьдесят песо, которые я на глазах у всех клал себе под подушку, когда ложился спать. И у меня ни разу ничего не пропало. И даже больше — мне не разрешали платить. И хотя у них не было денег, а табак считался драгоценностью, они снабжали меня всяческим куревом. А любая моя попытка заплатить воспринималась как оскорбление...

Но Вилья, сам пеон, как и все пеоны, безотчетно чувствовал, что главная причина революции — земля, и он начал дей-

ствовать с характерной для него прямотой и поспешностью. Тотчас же после образования правительства в штате Чиуауа и назначении Чао временным губернатором он издал прокламацию, объявлявшую, что все население штата мужского пола получает из конфискованных поместий по шестьдесят два акра земли на душу и что эта земля ни под каким видом не подлежит отчуждению в течение десяти лет. В штате Дуранго Вилья разрешил земельный вопрос точно таким же образом, и нет сомнения, что он будет держаться этой политики и в других штатах, по мере очищения их от федеральных гарнизонов.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

ИЗВЕЩЕНИЕ ПУБЛИКЕ

С этой даты пущены в обращение билеты Генерального Казначейства Штата Чиуауа, и до сведения публики доводится, что только эти банкноты и банкноты, выпущенные Первым Конституционалистским Вождем Республики, будут являться единственными находящимися в обращении билетами, гарантируемыми конституционалистским правительством. Что же касается обращения всех остальных частных билетов, то это вопрос риска лиц, принимающих эти билеты, и пока что невозможно потребовать обеспечения банкнот. Это станет возможным, как только откроются учреждения, которые эти билеты выпустили.

Свобода и Конституция.

Чиуауа, 12 декабря 1913 года.

ГЕНЕРАЛ ФРАНСИСКО ВИЛЬЯ.
СИЛЬВЕСТРЕ ТЕРРАСАС,
СЕКРЕТАРЬ.
Типография Правительства—Чиуауа

Из мексиканского архива Джона Рида.

«Это был мексиканский Робин Гуд»

Дорогой Хови!

За последнее время я очень близко подружился с Вильей, и завтра будет готова фотография, на которой мы с ним сняты оба в военной форме. Но не нужно называть меня офицером, разве что в шутку. Будьте на этот счет поосторожней: острите себе на доброе здоровье, пока не надоест, только стойте твердо на том, что это не более как маскарад. Мексиканцы в подобных вопросах в особые тонкости не вникают, и в случае чего меня могут просто выслать отсюда к границе. А помимо всего прочего, поскольку я в боевых действиях участия не принимаю, то и не хочу, чтобы меня принимали за героя войны.

Глубоко признателен за поздравительную телеграмму. Можете не сомневаться в моей готовности служить интересам «Метрополитен» верой и правдой. Жизнеописание Вильи, с его собственных слов, начну, как только мы с ним окажемся в поезде, идущем на юг.

Ваш Рид.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Вилья происходил из семьи неграмотных пеонов. Он никогда не ходил в школу. Он не имел ни малейшего представления о всей сложности современной цивилизации, и когда столкнулся с ней уже взрослым человеком, обладающим необыкновенным природным умом, то принес в двадцатый век наивное простодушие дикаря.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

Шестнадцатилетним парнем Вилья не поладил с правительственным чиновником — и убил его. Пришлось бежать в горы, и долгие годы его преследовали, как опаснейшего преступника, голова которого оценена. Живет он в это время угоном скота с богатых асьенд, и слава его становится настолько громкой, что чуть ли не каждое преступление — от вооруженных ограблений поездов до убийств — приписывали тогда ему. О нем слагали песни, которые пастухи в горах пели по ночам у костров. Его безумная отвага привлекает под его начало удальцов, готовых рискнуть головой, чтобы затем разом сорвать богатый куш, и шайка его вырастает в целое войско.

Когда Мадеро начал борьбу за свержение диктатуры Диаса, Вилья тут же присоединился к нему. Военное счастье принесло ему еще большую славу. Но оно же стало причиной и временного падения Вильи. Грязные происки одного генерала, оспаривавшего у него первенство, привели к тому, что Вилья был разжалован и посажен в тюрьму. Но суровое испытание не сломило его. И вскоре мы снова услышим о Вилье: он собирает в горах на севере страны армию, перед которой разбегаются гарнизоны федералистов, ищущих спасения на юге.

Захватить даже такую значительную часть страны оказалось для Вильи делом, с которым он справился без труда. Талантливый военачальник, природный вожак, личным примером воодушевляющий свое дикое войско, с безоглядной верой готовое за ним в огонь и в воду,— по такому именно человеку уже давно тосковала вся Мексика.

Карл Хови. «Львенок»

Во время голода Вилья кормил целые районы, а также брал под свою опеку многие деревни, согнанные с насиженного места возмутительным земельным законом Порфирио Диаса. Повсюду Вилья был известен как «друг бедняков». Это был мексиканский Робин Гуд.

За все эти годы Вилья научился никому не доверять... Когда разбивает лагерь на ночь, он бросает поводья своего коня ординарцу, набрасывает на плечи серапе и один уходит в горы. Он как будто никогда не спит. В любое время ночи он вдруг появляется где-нибудь в линии расположения аванпостов, чтобы проверить часовых, а утром возвращается с совершенно противоположной стороны. Ни одна душа, даже самый доверенный офицер его штаба, ничего не знает о его планах, пока он не решает, что пора действовать...

Об этом рассказывают следующий анекдот. Ни у Вильи, ни у его товарищей не было денег на покупку лошадей. В течение недели он посылал двух своих приятелей в местную конюшню брать каждый день лошадей напрокат. Они исправно платили после каждой поездки, и когда однажды они попросили дать им восемь лошадей, служащий конюшни, не задумываясь, выполнил их просьбу.

Шесть месяцев спустя, когда Вилья во главе четырехтысячной армии с триумфом вступил в Хуарес, первым его общественным актом было послать хозяину конюшни сумму, равную двойной стоимости взятых у него лошадей.

Он набирал солдат в горах вблизи Сан-Андреса, и его популярность была столь велика, что в течение одного месяца у него набралась армия в три тысячи человек; через два месяца он очистил весь штат Чиуауа от федеральных гарнизонов, загнав их в город Чиуауа; через шесть месяцев он взял Торреон, а через семь с половиной месяцев — Хуарес; федеральная армия Меркадо бежала из Чиуауа, и почти вся Северная Мексика была освобождена...

Простые солдаты обожают Вилью за храбрость и грубоватый юмор. Не раз мне приходилось видеть, как он, лежа на койке в своем красном вагончике, обменивался дружескими шутками с двумя десятками оборванных солдат, расположившихся на полу, на стульях и столах. Когда войска грузились или выгружались, Вилья всегда лично присутствовал при этом: в старом грязном мундире, без воротничка, он толкал и пинал ногой мулов и лошадей, выгружая их из вагона или втаскивая в вагон. Когда его вдруг одолевала жажда, он

хватал фляжку какого-нибудь солдата и осушал ее, несмотря на гневный протест владельца, а потом говорил ему, чтобы он отправился на реку и сказал, что Панчо Вилья велел ему набрать там воды...

В высшей степени интересно наблюдать, как он воспринимает новые идеи. Не забывайте, что Вилья совершенно не разбирается во всей сложности современной цивилизации.

— Социализм,— сказал он мне как-то, когда я хотел узнать его мнение об этом предмете,— социализм... а что это такое? Вещь? Это слово попадалось мне в книгах, а я читаю мало.

Однажды я спросил его, будут ли женщины в новой республике иметь право голоса. Он в это время валялся на кровати, расстегнув мундир.

— Да нет, пожалуй,— сказал он и вдруг удивленно приподнялся.— То есть что значит «иметь право голоса»? Вы спрашиваете, будут ли они выбирать правительство и проводить законы?

Я ответил, что подразумевал именно это и что в Соединенных Штатах женщины уже пользуются таким правом.

— Ну что ж,— сказал он, почесывая в затылке,— если ваши женщины у вас выбирают, то почему бы и нашим у нас не выбирать?

Эта возможность, по-видимому, очень его позабавила, и он долго продолжал ее обдумывать, глядя то на меня, то куда-то в сторону.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

(Круглая печать с государственным гербом Мексики и текстом — «КОНСТИТУЦИОНАЛИСТСКАЯ АРМИЯ — БРИГАДА МОРЕЛОС»)

Ввиду очень важных услуг, оказанных Делу, с этой даты присваивается чин Генерал-Бригадира гражданину Джону Риду.

И для подтверждения подписываю настоящее.

Имение «Ла-Кадена», 22 января 1914 г.
Дон Тинчо-эль-Бонбо
(подпись)

РЕСТАВРАЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Приказ о присвоении Джону Риду звания Генерал-Бригадира

Вот он сам, Франсиско Вилья,
В окруженье генералов.
Он пришел смирить быков —
Тупорылых федералов.

Ну, готовьтесь,
Час расплаты наступает,
Вилья и его солдаты
С вас все шкуры посдирают!
Он пришел, ваш укротитель,
Скоро будет все в порядке,
Скоро вы из Торреона
Побежите без оглядки.
Богачи и толстосумы
Получили для примера —
Так им всыпали Урбина
И Макловио Эррера.
Ты лети во все пределы,
Расскажи, мой голубь чистый,
Что пришел Франсиско Вилья
И бегут федералисты.
Скоро встанут над неправдой
Справедливости знамена.
Вилья хищников карает,
Он стоит у Торреона.
Ты, орел, венец лавровый
Вознеси над нашим Вильей,
Он пришел покончить с Браво
И с проклятой камарильей.
Знайте, вы, сыны москитов,
Наша воля непреклонна!
Видно, хватит сил у Вильи,
Раз он встал у Торреона!
Вива, Вилья и солдаты!
Вива, воины Герреры!
Вот что может сделать храбрость!
Вам понятно, изуверы?
А теперь скажу: «Прощайте!»
И кляиусь цветком Кастильи.
Здесь кончается покуда
Песнь о генерале Вилье!

Мексиканская народная песня о Франсиско Вилье, записанная Джоном Ридом

Здесь кончается покуда песнь о генерале Вилье. Кончается? Как ни увлекательны были события, которые обступили Рида в последние годы, самым увлекательным был человек. В Патерсоне — Билл Хейвуд, в Мексике — Вилья. И там и здесь Рид хотел рассмотреть в человеке народного вождя. Необыкновенно колоритен был Билл Хейвуд, «Биг Билл» — «Большой Билл», как звали его рабочие. И он был действительно большим — рослый, широкогрудый, с тяжелыми руками, которые он вздымал время от времени, точно взвешивая произнесенные им слова. Он был истинным трибуном рабочих. Чер-

ная повязка скрывала больной глаз, отчего его лицо казалось еще более суровым. Биг Билл — Большой Билл, говорили рабочие, и все в этом человеке было значительным. В его речах не было места второстепенному и мелкому, все в них было весомо и ясно. Да и чувства, которые вызывали эти речи, под стать Большому Биллу. Он сеял гнев к поработителям, звал всех на борьбу. Разумеется, это была личность, созданная самой природой, самой логикой борьбы американских рабочих за свободу. Это был вожак рабочих по самому призванию, а поэтому и человек воли и непреклонной решимости. Он был человек эмоциональный, умел держать свои чувства в узде. Его воля сказывалась и здесь. Он знал, что для власть имущих Америки нет более ненавистного имени, чем его имя. Тем требовательней он был к себе. Он прожил жизнь борца, совестливого и честного. Конечно же, им руководили в борьбе не столько его обширные знания, сколько природный ум и сознание, цель и понимание жизни Америки, ее рабочего народа. Но Хейвуд тянулся к знаниям, его друзьями были многие американские социалисты. Когда в Копенгагене собрался Международный съезд социалистов, Хейвуд, не задумываясь, пересек океан. Он слушал Ленина...

У Хейвуда было все, чтобы обрести качества вожака масс, как того требовали страна и время.

Вилья был, конечно, иным человеком, чем Хейвуд. Несмотря на то, что он был сыном своего века, он удивительным образом напоминал крестьянских вождей, какими их запомнила история по событиям века шестнадцатого, семнадцатого, восемнадцатого. Англичане действительно назвали бы его мексиканским Робин Гудом, русские, быть может, Разиным. Вольнолюбие было у него в крови, но одновременно он был и строптив, и своенравен, и, наверное, бесшабашен. Его жизнь в былые годы, может быть, была и небезупречна, и Мексика знала вольницу веселую и безмятежную. Вилья был человеком этой вольницы, недруги звали его разбойником, друзья — мятежником. Быть может, когда речь идет о Вилье, его былой славе, первое не противостоит второму. Так или иначе, а когда Вилья стал Вильей, ему помогла его

былая слава. Его и страшились и им восхищались. Две черты были необыкновенно симпатичны Риду в облике Вильи: первая — его верность идее борьбы — земля должна принадлежать крестьянам; вторая — его необыкновенная храбрость. Храбрость Вильи была первопричиной того, как любили вожака мексиканских пеонов крестьяне, как они доверяли ему. Собственно и Рид проникся к Вилье доверием, а потом и симпатией благодаря этому. Правда, подчас он чуть-чуть иронизирует над Вильей, но это добрая ирония. В одном письме полушутя-полусерьезно он сообщает, что купил в подарок Вилье седло и винтовку с глушителем системы «максим». Рид повсюду следует за Вильей, он старается расположить его к себе. «Я очень сблизился с Вильей»,— сообщает Рид в одном из своих писем редактору Карлу Хови. Впрочем, и еще одно качество, которое Рид оценил в Вилье — скромность вожака мексиканских пеонов.

Больше всего в жизни Вилья боялся узурпировать власть, как многократ говорил Вилья, «занять не свое место». Он любил повторять: «Я боец, а не государственный деятель. Чтобы стать президентом, у меня не хватает образования. Мексике не поздоровилось бы, если бы президентом стал темный человек. Нет уж, я никогда не сяду не на свое место, можете мне поверить».

Так или иначе, а Вилья считал, что миссия его временна, его призвание отбить землю у помещиков и передать ее крестьянам, а дальше, как решит народ. К чести Вильи надо сказать, что он сознавал ограниченность своих данных и в этой связи локальность своего призвания в революции. Он был убежден, что человек, который придет ему на смену, должен быть выше его. Кстати, в мексиканской революции были люди, которые, быть может, не обладали такой популярностью, как Вилья, но они были людьми большего государственного ума, большего интеллекта. Именно таким был знаменитый Сапата. «Самым замечательным человеком в этой революции является Сапата,— свидетельствовал Рид,— не забывайте об этом, хотя вожди этой революции утверждают, что Сапата связан с Каррансой, у меня есть все основания не верить этому. Сапата — ради-

кал, логично мыслящий и идеально последовательный. Чтобы Вы убедились в этом, я пришлю Вам завтра копию плана Аяла — это план Сапаты. Каково бы ни было будущее Мексики, мне кажется, что с Сапатой нельзя не считаться. По-моему, мы не получим правильного представления о том, что здесь происходит, если не будем знать все о Сапате». Из того, что Рид свидетельствовал о Сапате, было очевидно, его представление о народном вожде, как оно сложилось в Мексике, было определено обликами двух людей: Вильей и Сапатой. Казалось, один был волей Мексики, ее решимостью в борьбе, другой — ее сознанием, быть может верой. Одно не противостояло другому, одно дополняло другое. Итак, Хейвуд, Вилья, Сапата. С завидной пристальностью Рид наблюдал каждого из них, стараясь рассмотреть в них черты народного вождя. Если суждено свершиться революции в нашем веке, то каким должен быть человек, который встанет во главе революционных масс? Именно этим путем шла тревожная и ищущая мысль Рида.

«Создалось впечатление, будто перед нами статуя»

В Эрмосильо Карранса был далеко от новых мировых центров. Как знать, может быть, он и совершал там великие дела! Но когда первый вождь революции стал приближаться к американской границе, мировое внимание сосредоточилось на нем, и тут же выяснилось, что мировому вниманию, собственно говоря, не на чем сосредоточиваться, и разнеслись слухи, что никакого Каррансы на самом деле нет. Так, например, одна газета заявляла, что он сошел с ума, а другая утверждала, что он вообще исчез неизвестно куда.

Я в то время находился в Чиуауа. Газета, корреспондентом которой я состоял, передала мне по телеграфу эти слухи и потребовала, чтобы я немедленно отыскал Каррансу. Это случилось как раз после убийства Бентона, когда повсюду царило необыкновенное возбуждение. Все протесты и лишь слегка завуалированные угрозы английского и американского прави-

тельств сыпались на Вилью. Но к тому времени, когда я получил распоряжение своей газеты, Карранса и его кабинет уже прибыли на границу и нарушили шестимесячное молчание самым изумительным образом.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

Карранса — не радикал. Во всяком случае не такой, каким был Мадеро... Он скорее реформатор.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Когда наши глаза привыкли к темноте, мы увидели в кресле гигантскую фигуру, одетую в хаки,— это был дон Венустиано Карранса. В его позе было что-то странное: он сидел, положив руки на подлокотники, как если бы его посадили сюда и приказали не двигаться. По его виду нельзя было заключить, что он о чем-то думает или что он недавно работал,— трудно было себе представить его сидящим за этим столом. Создавалось впечатление, будто перед вами громадное инертное тело,— статуя.

Карранса встал нам навстречу — великан, не менее семи футов роста. С удивлением я заметил, что, несмотря на царивший в комнате полумрак, он носил очки с темными стеклами; и, хотя на вид он был полный и краснощекий, чувствовалось, что он нездоров,— так бывает, когда смотришь на больного туберкулезом.

Я часто бродил по ратуше, но увидеть Каррансу мне довелось еще только один раз. Солнце уже садилось, и большинство генералов, коммерческих агентов и политических деятелей ушло обедать. Сидя на краю фонтана посреди внутреннего дворика, я болтал с солдатами. Внезапно дверь маленького кабинета распахнулась, и на пороге показался Карранса. Руки его бессильно висели, великолепная седая голова была откинута, и он смотрел невидящими глазами поверх наших голов и поверх стены на огненные облака на западе.

Мы встали и поклонились, но он не заметил нас. Медленно волоча ноги, он пошел по террасе ко входу в ратушу. Двое часовых взяли на караул. Когда он прошел мимо, они вскинули винтовки на плечо и последовали за ним. У входа он остановился и долго стоял на одном месте, глядя на улицу. Четверо часовых вытянулись в струнку. Солдаты, следовавшие за ним, остановились, опустив винтовки на землю. Первый вождь ре-

волюции заложил руки за спину,— пальцы его судорожно дергались. Затем он повернулся и, пройдя между часовыми, возвратился в маленькую темную комнату.

Когда началась революция Мадеро, Карранса принял в ней участие поистине средневековым образом. Он вооружил пеонов, работавших в его обширных поместьях, и отправился с ними на войну, словно какой-нибудь феодальный сеньор, а когда революция победила, Мадеро назначил его губернатором штата Коагуила.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

Словно какой-нибудь феодальный сеньор,— сказал о Каррансе Рид. Не случайно ли? Однако, кто такой был Карранса и в какой мере его борьба пользовалась поддержкой Мексики. Из книг по истории Мексики мы узнаем, что Карранса был крупным политическим буржуазным деятелем и одновременно крупным помещиком. Зная, с какой ненавистью мексиканские народные массы относятся к империалистической Америке, Карранса выступил против американской интервенции в Мексике и этим завоевал на свою сторону симпатии народа. Став президентом, он добился принятия конституции, в которой это антиамериканское начало его политики было утверждено достаточно определенно. Таким образом, можно сказать, что внешняя политика Каррансы была прогрессивной, внешняя. Что же касается внутренней политики, то Карранса боялся не только опереться на народные массы, и как мог игнорировал их в своей борьбе, но жестоко подавлял каждое явление свободолюбия. Можно сказать, что классовое существо крупного землевладельца сказалось во внутренней политике Каррансы. Вилья боролся за передачу земли крестьянам,— Карранса этому жестоко противился. Именно поэтому Вилья и Карранса стояли на противоположных полюсах. Понимая, что в открытой борьбе Вилью не сломить, Карранса обращался к средствам, которые выдавали в нем политика демагогичного и вероломного. Обманом, демагогией, подкупом рабочей верхушки эти средства не ограничились. У Каррансы был конец, в какой-то мере естественный для его карьеры: он был убит при попытке к бегству из Мексики. Кар-

ранса был хитрым и коварным политиком. Его позиции, как они стали известны Мексике, были точно соизмерены и рассчитаны. Главная цель Каррансы заключалась в том, чтобы сковать волю восставшего народа, предотвратить революцию. Понимая, что за Вильей идет крестьянская Мексика, прежде всего потому, что вождь пеонов обещал ей землю, Карранса сделал аграрную реформу одной из первых заповедей своей борьбы. Учел Карранса и то, что Вилья борется против диктата Америки. Этот лозунг нашел место и в программе, которую провозгласил Карранса. Иначе говоря, Карранса пытался выхватить у Вильи самые действенные его лозунги и таким образом обезоружить Вилью. Если учесть, что тактика его борьбы была рассчитана точнее, а искусство пропаганды действеннее, на известном этапе у Каррансы появились определенные преимущества. Временами лозунги Каррансы настолько приближались к лозунгам Вильи, что, казалось, один и другой неотличимы в своих устремлениях. Непонятным было только одно: почему с такой жестокостью Карранса пытается подавить восстание мексиканских пеонов, возглавляемое Вильей. Очевидно, в позиции Каррансы было двойное дно. Вилья был бедняком и бессребреником; Карранса — крупным помещиком. Уже одно это должно было показать Мексике, как далеко пойдут Вилья и Карранса в своем стремлении выполнить обещание, данное восставшей стране. Как это было с буржуазными политиками, подобными Каррансе, его широковещательные обещания остались всего лишь посулами, он забыл о них в тот самый момент, как только овладел властью, и почувствовал, что угроза революции предотвращена. Талантливый демагог, Карранса был призван своим классом, чтобы потушить пожар революции, он это сделал, сделал достаточно искусно.

Карранса предавался спячке вплоть до наступления весны, когда, очевидно завершив все то, ради чего ему пришлось прибыть в Сонору, он обратил свой взор на территорию, где велась настоящая борьба за революцию.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

«Словно два родные брата»

В мексиканскую столицу,
словно два родные брата,
нынче въехали бок о бок
Панчо Вилья и Сапата.
    В мексиканскую столицу
    нынче въехали два друга.
    Вилья с Севера приехал,
    А Сапата прибыл с Юга.
В мексиканскую столицу
нынче два бойца вступили.
На Сапате шляпа «Чарро»,
а техасская — на Вилье.

Мексиканская народная песня о Вилье и Сапате, записанная Джоном Рндом

...Если говорить о будущем Мексики, то с Сапатой нельзя не считаться, но никто не верит в это и никто ничего не знает о нем. История его жизни, те обрывочные сведения, которые я успел собрать, так же чудесны, как «Тысяча и одна ночь». Помоему, мы не получим правильного представления о том, что тут происходит, если не будем знать все о Сапате... Имейте в виду, что никто никогда не видел Сапату и ничего о нем не написал...

Мне стала известна также история жизни Урбина. Она так же интересна, как жизнь Вильи.

Джон Рнд. Письмо Карлу Хови

Таков был эскадрон генерала Урбина, когда я увидел его впервые,— человек сто, одетых в живописные и невообразимо потрепанные костюмы: тут были и комбинезоны, и куртки пеонов, и узкие ковбойские брюки. Кое-кто был обут в сапоги, большинство щеголяло в сандалиях из сыромятной кожи, остальные разгуливали босиком. Сабас Гутирес облачился в старомодный фрак, разрезанный сзади до пояса, чтобы удобнее было сидеть в седле. Винтовка, приторoченная к луке, четыре-пять патронных лент, крест-накрест пересекавших грудь, высокие сомбреро с широченными полями, огромные шпоры, звенящие на ходу, и пестрые серапе — такова была их форма...

Весь следующий час я фотографировал генерала Урбину: генерал Урбина стоит с саблей и без сабли; генерал Урбина на трех разных лошадях; генерал Урбина в кругу своей семьи и без семьи; трое детей генерала Урбины на лошадях и без ло-

шадей; мать генерала Урбины и его любовница; вся семья, вооруженная саблями, револьверами, с граммофоном посредине, один из сыновей держит плакат, на котором чернилами выведено: «Генерал Томас Урбина»...

Я спросил, какого они мнения о генерале Урбине.

— Прекрасный человек, чистое сердце! — сказал один.

— Очень храбрый! Пули отскакивают от него, как дождевые капли от сомбреро,— добавил другой...

И наконец, последний гордо заключил:

— А ведь всего несколько лет назад он был простым пеоном, как и мы, а теперь стал генералом и богачом.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

Вилье пришлось также выработать свои собственные методы ведения войны, ибо он никогда не имел возможности познакомиться с общепринятой военной стратегией. В этом отношении он, несомненно, величайший полководец, которого когда-либо видела Мексика. Его военная тактика удивительно напоминает тактику Наполеона. Тайна, быстрота передвижения, приноравливание своих планов к характеру страны и солдат, близость к рядовым и умение убедить противника в непобедимости своей армии и в том, что его жизнь заколдована,— вот что характеризует Вилью-полководца. Он совершенно незнаком с общепринятыми европейскими понятиями стратегии и дисциплины. Одна из слабых сторон мексиканской федеральной армии заключается в том, что ее офицеры до мозга костей пропитаны европейской военной теорией. Мексиканский солдат по своему духовному складу все еще воин конца восемнадцатого века.

Многие друзья писали Риду в Мексику, хваля его статьи, которые появлялись в журнале «Метрополитен» и газете «Уорлд». И все же Рид не представлял себе, насколько он знаменит. Однако, едва вернувшись в Нью-Йорк, он узрел большое объявление в «Нью-Йорк таймс» о его статьях в «Метрополитен» и рисунок, на котором он выглядел героем. На бортах грузовиков, развозящих газету «Уорлд», он прочел свою фамилию с добавлением «американский Киплинг» и узнал, что сам великий Киплинг сказал: «Благодаря его статьям в «Метрополитен» я увидел Мексику».

Шел 1914 год. Европа была на грани войны, и Хови предупредил Рида, что ему в ближайшее время надо будет вновь отправиться за границу.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

...«Метрополитен» послал Рида в Европу с заданием освещать ход войны из действующих армий Антанты,— поездку, завершившуюся тем, что Рид увидел войну из немецких окопов.

Но прежде чем опять окунуться с головой в новую жизнь, Рид, получив короткую передышку, успел написать книгу «Восставшая Мексика».

Карл Хови. «Львенок»

Первая книга Рида

Профессору Гарвардского университета
Чарльзу Таунсенду Коупленду

Дорогой Коупи!

Я помню, вы находили странным, что после моего первого путешествия за границу у меня не появилось желания писать о том, что я там видел. С тех пор я посетил страну, которая произвела на меня такое впечатление, что я не мог не написать о ней. И когда я работал над этой книгой о Мексике, я невольно думал, что никогда не увидел бы того, что увидел там, если бы вы не научили меня, как надо смотреть и понимать.

Я могу только повторить то, что многие писатели уже говорили вам: слушать вас — значит учиться, как надо подмечать скрытую красоту зримого мира; быть вашим другом — значит стараться быть интеллектуально честным.

И потому я посвящаю эту книгу вам, с условием, что вы примете в ней, как свое собственное, то, что вам понравится, и простите меня за остальное.

Ваш, как всегда,
Джек

Нью-Йорк, 3 июля 1914 г.

Джон Рид. «Восставшая Мексика»

Первая книга? Строго говоря, «Восставшая Мексика» была не первой ридовской книгой. В пору становления Рида-поэта у него были книжки-тетради, но, если говорить по большому счету, «Восставшая Мексика» была первой книгой Рида, книгой, сделавшей имя автора известным.

Итак, после возвращения из революционной

Мексики Рид приступил к написанию своей знаменитой книги «Восставшая Мексика». В основу ее создания были положены корреспонденции и статьи Рида в «Метрополитен» и «Уорлд». Он торопился с написанием книги, так как в этот момент возникла опасность вторжения американцев в Мексику, и Рид стремился к тому, чтобы как можно скорее рассказать Америке о событиях, происходящих в Мексике и, быть может, сдержать американскую интервенцию. Но это были иллюзии.

Рида принял новый президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон. Мыслью удержать президента от вмешательства в дела Мексики Рид поделился с Линкольном Стеффенсом. Мудрый Стеффенс не скрыл иронической усмешки. Но важно, чтобы разочарование испытал сам Рид, поэтому Стеффенс даже взялся устроить встречу и устроил.

Вильсон принял Рида радушно. Президент говорил с покоряющей уверенностью, но за всем этим Рид так и не увидел ясного ответа на интересующий его вопрос — возможно ли избежать интервенции. Глава государства сказал лишь то, что он ничего не имеет против мексиканского народа, но не может признать правительства Уэрты. Затем президент воздал должное благородству своего молодого собеседника и дал понять, что аудиенция закончена.

Стеффенс был прав: это событие способствовало прозрению Рида. Как, впрочем, и иное событие. В городе Ладлоу вспыхнула забастовка шахтеров, зверски подавленная полицией. И Рид устремился на концессии Рокфеллера в Колорадо.

Я прибыл в Тринидад примерно через неделю после массовых убийств в Ладлоу. По главным улицам города расхаживали сотни рослых горняков с мужественными лицами, в праздничных одеждах, собираясь небольшими группами на перекрестках улиц. То и дело кто-нибудь входил и выходил из здания стачечного комитета. Горняки спокойно прогуливались взад и вперед, переговариваясь через улицу на разных языках. Они напоминали толпу фермеров, собравшихся на сельскую ярмарку. Бросалось в глаза только отсутствие среди них женщин. После случившегося женщины в течение нескольких дней не выходили из подвалов...

Джон Рид. «Война в Колорадо»

А тем временем в южной части Колорадо, близ Тринидада и Ладлоу, на угольных шахтах, принадлежащих Рокфеллеру и ряду других магнатов, разразилась настоящая буря. Общественность знала, что вспыхнувшая там стачка переросла чуть ли не в вооруженную борьбу, но ничего более определенного не было известно. Сообщения о зверствах тотчас же опровергались, беспорядочный поток обвинений и контробвинений, ежедневно появлявшихся на страницах газет, позволял только догадываться о происходивших событиях, которые принимали характер не то нелепого и страшного фарса, не то трагедии, настолько ужасной, что этому трудно было поверить. «Метрополитен» направил Джона Рида на бастующие шахты, чтобы он на месте разузнал все, что удастся...

Редакция знала, что Рид не останется бесстрастным наблюдателем, но не придавала этому большого значения. Факты — а Рид не из тех репортеров, которые проходят мимо фактов,— будут говорить сами за себя. К тому же вряд ли можно было предположить, чтобы шахтеры решились вступить в неравную борьбу с могущественными угольными компаниями, если бы их не довели до крайнего отчаяния.

Карл Хови. «Львенок»

Несмотря на закон о восьмичасовом рабочем дне, никто не работал менее десяти часов. А когда горняки подняли забастовку, генеральный адъютант Шерман Белл, командовавший милицией, приостановил действие права habeas corpus, заявив при этом: «К черту конституцию!» После подавления стачки десять тысяч человек оказались занесенными в черные списки, в то же время шахтовладельцы внимательно присматривались к тем, кто более терпеливо переносил гнет, и умышленно ввозили для работы в шахтах иностранцев. Они тщательно подбирали на каждой шахте людей, говорящих на разных языках, чтобы рабочим труднее было объединиться. В рабочих поселках за порядком следила военная охрана, имевшая право за любой проступок чинить на месте суд и расправу...

Значительная часть рабочих, принимавших участие в этой стачке, была привезена сюда в качестве штрейкбрехеров в 1903 году во время большой забастовки. В то время более семидесяти процентов горняков в Южном Колорадо говорили на английском языке: американцы, англичане, шотландцы и уэльсцы. Требования у них фактически были те же самые,

5 Заказ 37

что и теперь. До этого — начиная с 1884 года — каждые десять лет устраивались подобные стачки. Милиция и охрана шахт безжалостно убивали, арестовывали и высылали за пределы штата сотни горняков. За два года до стачки 1903 года шесть тысяч человек наперекор законам штата были занесены в черные списки и уволены с шахт за то, что были членами профсоюза...

Правительство штата Колорадо не смогло справиться с создавшимся положением. Примечательно, что созванная губернатором чрезвычайная сессия Законодательного собрания штата, которая должна была заняться решением этой проблемы, прервала свои заседания, не предприняв ни малейших шагов к решению вопроса. Аппарат угольных компаний в палате представителей и в сенате пресек все попытки предложить какое-нибудь средство с целью исправить положение. Зато он провел под сильным давлением билль о выпуске акций на миллион долларов, для того чтобы заплатить милиции и охране шахт за их «блестящую работу» по расстрелу рабочих и сожжению заживо их жен и детей...

Для тех, кто полагает, что мистер Рокфеллер и администрация шахт ни в чем не повинны и введены в заблуждение, я хочу привести лишь один очень знаменательный факт. Рассказывают, что на заключительном заседании сессии Законодательного собрания, прошедшем с таким триумфом, миссис Уэлборн, жена президента «Колорадо фьюэл энд айрон компани», рассказала своим друзьям, что ее муж получил от Джона Д. Рокфеллера-младшего «очень милую телеграмму». Она гласила, по словам миссис Уэлборн: «Сердечные поздравления с победой над забастовщиками. Искренне одобряю все ваши действия и высоко ценю блестящую работу Законодательного собрания...»

Это было беспощадное и заранее обдуманное истребление колонистов. Милиционеры рассказывали мне, что им было приказано разрушить палаточную колонию и уничтожить в ней все живое. Три бомбы послужили сигналом...

Джон Рид. «Война в Колорадо»

Три бомбы послужили сигналом — как можно было понять, жестокий огонь спалил палаточный городок после этого сигнала. Рид не был очевидцем трагедии шахтеров Колорадо. Он восстанавливал все происшедшее по рассказам очевидцев, ис-

следуя документы, хронику, протоколы расследований. Многое он узнал из рассказов участников событий, чудом уцелевших. Постепенно в сознании воссоздавалась картина, названная Ридом «Войной в Колорадо». Очерк был опубликован в «Метрополитен». За Ридом утвердилась кличка: «красный!» Отступились многие друзья-гарвардцы. И не только гарвардцы. В очерке усмотрели призыв к революции. Те, что не отступились, старались объяснить поступок Рида молодостью: в ту пору Риду было двадцать шесть лет. Полагали, что Рид «образумится». Но сам Рид думал иначе.

Письма, которые надо было проглаживать горячим утюгом

Как сейчас вижу его. Вот он стоит в дверях все того же кабинета-клетушки. Он только что приехал из революционной Мексики, о которой привез мне блестящие очерки... Он ждет приговора. Возвращаясь, он прежде всего хотел знать, справился ли он. Но весь его вид выражал мучившее его горестное недоумение, которое, как ему казалось, ни он и никто другой не мог разрешить: зачем люди причиняют друг другу так много зла?..

...Рид был крупный мужчина, широкоплечий и широкогрудый, с длинными стройными ногами, не то чтобы мускулистый, но плотный, крепко сбитый, с той особой, без напряжения, собранностью, которая отличает пловцов — плавал он и впрямь великолепно. Голова у него была массивная, черты лица неправильные и не гармонирующие между собой; высокий чистый лоб, выступающий из-под шапки непокорных волос, глаза какого-то неопределенного цвета — пожалуй, всетаки серовато-зеленые,— курносый, слишком маленький нос и слишком тяжелый подбородок, чуть насмешливо искривленные губы. В целом, несмотря на все недостатки, лицо это было красивым и значительным,— молодое, обаятельное лицо человека, бурно радующегося жизни; и все же при взгляде на него было ясно, что эти спокойные глаза в любую минуту могут вспыхнуть гневом. Гордая посадка головы говорила о решительности и мужестве, а уверенность, с какой он дер-

жался, так естественно сочеталась со скромностью, что не могла производить неприятное впечатление...

Помещенное в утренних газетах сообщение о вторжении немецких войск в Бельгию поразило Америку...

На следующий день какой-то тощий человек в грязном пальто протиснулся в дверь моего кабинета и сунул мне в руку записку. На листке почтовой бумаги с названием дешевого ресторанчика в Манхэттене было четко выведено: «3 часа ночи»; в этой записке Рид давал последние указания насчет того, куда переводить причитающиеся ему деньги, чтобы его семья могла ими при случае воспользоваться, затем шла многозначительная приписка: «Проглаживайте горячим утюгом все бумаги, которые будете от меня получать». И далее круглым, разборчивым почерком Рида было написано: «Да поможет мне бог».

А сам он к этому времени был уже в море, на борту итальянского парохода, направлявшегося в Неаполь,— таким путем можно было попасть на европейский театр военных действий «с черного хода».

Карл Хови. «Львенок»

Частично 1914 и 1915 годы Рид провел в Европе, наблюдая за происходящей там войной. Он был в траншеях, посещал тифозные госпитали, поля сражения...

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Разразилась европейская война. Я отправился туда в качестве корреспондента, проведя полтора года в путешествиях по всем странам, находившимся в состоянии войны, побывал на фронтах пяти воюющих государств. Это была мастерская войны, траншеи стали фабриками, производящими руины, как духовные, так и телесные. Война несла с собой смерть в ее едином истинном смысле. Все замерло, кроме орудий ненависти и разрушения. Великая война — для меня просто-напросто прекращение жизни и дальнейшего развития человечества. Я с нетерпением жду, жду, когда все это кончится, чтобы жизнь вступила в свои права и я смог работать...

Джон Рид. «Почти тридцать»

Здесь поживиться нечем. Ночью уезжаю в Париж, где идут приготовления к осаде. После Парижа думаю съездить в Россию, а потом постараюсь попасть в Германию. Здесь не удалось ничего ни узнать, ни увидеть. Просто ужасно.

Джон Рид. Телеграмма Карлу Хови из Рима

В вопросе о войне ты зарвался и лезешь на стену. Во-первых, война была неизбежна; во-вторых, вполне понятны и естественны и те явления, которые неизбежно сопутствуют войне; в-третьих, общественное мнение сейчас поражено тяжелым недугом.

В последнем я убедился на собственном опыте. Я причинял боль. Я старался, выступая, ни на минуту не упускать из виду, что слушатели мои не в себе, и говорил со всей бережностью, на какую только способен. Но то и дело замечал, что я говорю, а мои слова действуют, как нож хирурга, которым попали в самый очаг болезни, и мне становилось грустно. Я должен выждать. Ты — тоже. Я знаю, это нелегко, но убедить людей невозможно. Мысли, которые насаждают, не дают всходов. Реальны только чувства. И по-моему, пытаться сильно воздействовать на людей в нынешнем положении недемократично. Пиши, но прячь написанное в стол.

Линкольн Стеффенс. Письмо Джону Риду

Прячь написанное в стол — этот совет Стеффенса Рид старался понять не буквально. Однако, как понять? В чем коренилась неудача Рида? Из того, что Стеффенс написал Риду, следует: старый вояка больше доверяет природной наблюдательности Рида, чем его литературному опыту. Быть может, Стеффенс и прав, полагая, что Рид должен сделать предметом своих корреспонденций из Европы, как в Мексике, увиденное и услышанное. Но вряд ли неудача Рида объяснялась только этим. Не менее существенным было и иное. В Мексике был локальный фронт с точным и определенным местом действия, быть может, даже с кругом известных читателю действующих лиц, с точным кодексом симпатий автора и антипатий. Читатель мог и не разделять этих симпатий автора, но он знал круг лиц, которым автор симпатизирует. В Европе все смешалось. Нет, не только место действия и круг лиц, сопутствующих автору, но и само представление о симпатиях и антипатиях. Союзники, которые должны были вызывать симпатию автора, принимались Ридом отнюдь не без оговорок. Таким образом, смятение, охватившее Рида, передалось его корреспонденциям. В них поселился хаос, над которым не так просто было возобладать. Трудно сказать, понимал все это Рид или нет. Стеффенс полагает,

что не понимал. Однако даже, если он и проник бы в существо своей неудачи, вряд ли он сумел бы повести себя по-иному. Говорят, что неудача обладает силой динамичной. Она способна потрясти все существо человека, заставить его проникнуть в такие заповедные тайники явления, в какие он при иных обстоятельствах никогда не проник бы. Так было с Ридом. Неуспех Рида в Европе явился для него потрясением, Рид стал думать над причинами неуспеха. Вновь и вновь на память пришло письмо Стеффенса. Многомудрый Стеффенс советовал Риду вытравить из корреспонденций все, что было вторичным, оставить только свидетельства очевидцев, только то, что увидено собственными глазами, только то, что пережито самим. Совет Стеффенса Рид понял так: Стеффенс требовал от Рида, чтобы он пошел на передовую, в солдатские окопы. И Рид пошел в окопы.

Дорогой Хови!

Никакими словами не выскажешь, сколько я бился после приезда сюда, безуспешно стараясь передать на бумаге, что это за война. Я и сам чувствовал, что две мои следующие статьи никуда не годятся. Кажется, никому еще не удалось ничего понять в здешней неразберихе, и я должен был хоть в лепешку разбиться, а сделать это. Раз двадцать уже я доходил до того, что хоть отказывайся от всей затеи и возвращайся домой. Но теперь мне, кажется, хоть чем-то все-таки удалось поживиться. Ради бога, как только получите эту статью, телеграфируйте сразу же ваши соображения. Написал для вас около пяти тысяч слов — отчет о передовой, о сражении на Марне, где я был с английскими войсками, и я чувствую, что не нашел бы сил заставить себя побывать там вторично. Материал из рук вон плох, но, может быть, все-таки годится хотя бы для редакционной врезки, которую вы дадите, если вам эта мысль нравится, как своего рода вступление к посылаемой статье, наглядно иллюстрирующее трудности, которые выпадают на долю корреспондентам, и говорящее о том, как бессмысленно пытаться писать об этой войне прямо из окопов. После поездки в Тур я был арестован вторично, и мне поставили на паспорт штамп, с которым нечего впредь и думать о возможности проникнуть в расположение французских войск на фронте, и, ко всему в придачу, меня на этот раз еще чуть не упрятали за решетку во французской крепости...

Съездил в Англию и дописываю статью о ней, которая выходит первоклассной. Опасаюсь только, что Вигему она не придется по вкусу, потому что из нее так и прет мое глубочайшее отвращение к этой стране. Но так или иначе, она Вам будет доставлена следующим же пароходным рейсом. Я у Вас запросил сегодня телеграфом о переводе мне сюда пятисот долларов, потому что, того и гляди, сорвусь с места и окажусь где-нибудь в такой дыре, куда денег не перешлешь. Эта война становится мне гнусней, бессмысленней, безумней, и мне не хочется тратить время на бесцветные зарисовки. По-моему, теперь я знаю, за что мне надо будет приняться. Мне нужно написать цикл статей, анализирующих состояние каждой страны, втянутой в эту войну, и, само собой, попутно разные соображения по поводу всего того, что мне удастся, по мере возможности, увидеть своими глазами. Как Вам это нравится? Напишите.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Мой дорогой Хови!

Вчера или позавчера получил, наконец, Ваше письмо, которого так дожидался. Оно придало мне сил, так что только потерпите немного, если можно,— и я напишу для Вас что-нибудь действительно стоящее, говорю это с полной уверенностью. Не согласен с Вами по поводу «презрения», которое будто бы заключено в моем наблюдении насчет того, что по выражению и манере держаться англичане все на одно лицо, а также насчет «бестактности» отзыва об их чаепитиях. Если что и поражает в англичанах, то именно эта особенность их национального характера — неизменность облика и верность обычаям. Вполне возможно, однако, что Вы правы, говоря о недопустимости тона статьи и, может быть, я высказался в ней слишком зло. Только что прочел в «Харперс» за 14 ноября очерк Герольда Моргана, где он поминает меня с Данном. Позволю себе заметить, что и у меня тоже есть пропуск и я трижды делал те же попытки, что и он, но каждый раз меня задерживали у самых ворот Парижа и приходилось возвращаться ни с чем. Не повезло мне с этой поездкой, просто ужасно. И не то чтобы я испугался, не думайте, пожалуйста. Но пока, кажется, я так и не смогу отсюда вырваться. Есть тому причины еще и помимо всех этих хлопот, которые и так доконали меня вконец. Но о них как-нибудь в другой раз. Я буквально прошел сквозь ад, побывал в самой преисподней.

Ваш Рид

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

За последние десять лет я исколесил земной шар вдоль и поперек, жадно впитывая новые впечатления, сражался и любил, наблюдал и выслушивал, проверял факты. Я путешествовал по всей Европе, вплоть до границ Востока; побывал в Мексике; пережил массу приключений. Я видел тела убитых, разгромленные армии и опьяненных победой, ликующих людей; встречал мечтателей и скептиков. За годы своей жизни я наблюдал, как преображалась, набирала силы и пышно расцвела цивилизация. Я увидел ее потом в багряном пожарище войны — испепеленную, погибающую. Я узнал, что такое война,— в траншее, сражаясь вместе с армиями. Я еще не совсем пресытился новыми впечатлениями, но пресыщение скоро наступит, я это знаю. Моя жизнь в грядущем будет не похожа на прежнюю.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Моя жизнь в грядущем,— сказал Джон Рид — он говорил о революции. В самом деле, если взглянуть на то, что писал Рид в эти годы о войне в Европе, революция перешагнула мексиканские пределы — она шагала теперь берегом Сены и грозное видение ее нет-нет, да поднималось над Атлантикой, смерчем классовых битв распространяясь над американскими землями — можно сказать, что история Штатов не знала такого... Но характерно иное: никто не видел это с такой зримостью и остротой, как Рид. Впрочем, не будем голословны — его свидетельства тут для американской истории хрестоматийны и исполнены силы завидной.

Дорогой Хови!

Прочел вашу телеграмму, в которой говорится: «Письмо получено. Охотно вышлем деньги при том условии, что Вы сейчас же поедете в Нью-Йорк обсудить с нами создавшееся положение, тогда мы сможем, насколько это будет в наших силах, помочь Вам; уладить же дело на таком расстоянии не считаем возможным».

Я уже телеграфировал Вам, что мне необходимо съездить вместе с X. к ее отцу в Германию, после чего, если понадобится, я немедленно вернусь домой. Но для этого мне безотлага-

тельно нужно четыреста долларов. Я уже внес двести, чтобы начать дело о разводе, против которого муж Х. борется всеми правдами и неправдами; у меня осталось четыреста долларов, но из них еще триста пойдут адвокату. На поездку в Германию и обратный путь мне нужно шестьсот. На сегодня я уже задолжал журналу приблизительно от трехсот пятидесяти до пятисот долларов. С теми четырьмястами, что у меня сейчас на руках, это составит девятьсот, да плюс еще шестьсот, и выйдет около полутора тысяч. Получается многовато, но это потому, что я округлил, не имея под рукой записи с точным расчетом. Если в Германии подвернется случай попасть на фронт и написать об этом, я, конечно, не упущу его, а может быть, мне удастся повидать кайзера. Разумеется, если Вы хотите, чтобы я попытал счастья еще раз. Если нет, я прямиком отправлюсь на родину. Но я снова в хорошей форме, полон сил и энергии, чувствую себя великолепно, ко мне снова вернулась способность видеть и слышать, я, наконец, совсем свободен, как был в Мексике.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Дорогой Хови!

Получил сегодня Вашу телеграмму насчет денег и пока еще настолько взволнован, что вряд ли сумею подыскать слова, чтобы выразить в полной мере мою благодарность и дружеские чувства к Вам лично и к журналу. Можно сказать одно: Вы посылаете деньги, не оговаривая при этом никаких условий, всецело полагаясь на меня. Так что и я, со своей стороны, считаю нужным не оставаться перед Вами в долгу, если, конечно, я еще значу для Вас хоть что-нибудь после таких неудач. Прошлым летом Вы говорили со мной о заключении с Вигемом соглашения, по которому я бы обязывался не писать впредь ничего для других журналов, кроме «Метрополитен» — такое обязательство мне не хотелось тогда давать. Так вот, сообщаю вам, что предоставлю Вам на ближайшие два года исключительное право на все, что я буду писать, и обязуюсь не печататься больше нигде без вашего разрешения. Можете считать это договором, который я уже подписал. Вопрос об оплате целиком оставляю на Ваше усмотрение, полностью полагаясь на Вас. Обо мне можете не беспокоиться. Я избавился от опеки, которая грозила окончательно доконать меня. Я женюсь на Х., нас связывает взаимная симпатия, понимание и профессиональные интересы. Я счастлив, полон сил и снова готов взяться за дело по-настоящему. Думаю, что теперь мне это удастся. Но если за то время, что я пробуду в Германии, мне не представится возможность осу-

ществить Ваши и мои надежды, я немедленно приеду домой и мы все обсудим...

Всего наилучшего! Жизнь начинается заново!

Рид.

Джон Рид. Письмо Карлу Ховн

Фронт и тыл глазами Джона Рида

Подлинная война, в которой этот неожиданно начавшийся разгул смерти и разрушения является лишь эпизодом, разгорелась давным-давно. Она свирепствовала уже десятилетия, но об ее битвах так мало говорили, что они проходили незамеченными. Это была война торговцев...

Еще отвратительнее глупой напыщенности кайзера голоса хора американских газет, которые делают вид, что верят — и хотели бы и нас заставить верить,— будто это борьба светлого рыцаря (современной демократии) с гнусным чудовищем (средневековым милитаризмом).

Но для чего же тогда нужен демократии союз с царем? Может быть, Петербург, где действовал поп Гапон, или Одесса с ее погромами являются очагами либерализма? Неужели наши издатели столь наивны, что верят этому? Нет, нынешний конфликт — это ссора между торговыми конкурентами. Одна сторона сохранила благовоспитанные формы современной дипломатии и говорит о «мире», рассчитывая в то же время главным образом на прославившийся своим миролюбием военный флот Великобритании, на армию Франции... Другая сторона — это свирепость и отвратительное евангелие «крови и железа».

Мы, социалисты, можем надеяться, можем даже быть уверены, что из ужаса кровопролития и страшных разрушений родятся далеко идущие социальные преобразования и будет сделан большой шаг вперед к нашей цели — к миру среди людей. Нас не должна обмануть газетная болтовня о том, что либерализм ведет священную войну против тирании.

Это не наша война.

Джон Рид. «Война торговцев»

Мы сумели попасть на последний, как нам сказали, поезд, идущий в Париж. Немцы — так мы называли странных, чужих людей незнакомой расы, не имеющих ничего общего с

милыми и приятными жителями Берлина и Мюнхена,— по слухам, были уже в тридцати километрах от Парижа. Не было никакой уверенности, что наш поезд дойдет до места назначения. В Сернадоне мы остановились на станции рядом с десятью вагонами третьего класса, из которых доносились песни и веселые крики. Все двери и окна вагонов были убраны зелеными ветвями и виноградными лозами, из них высовывались сотни юных лиц и машущих рук...

Позднее я видел полки ветеранов, побывавших в Алжире и Бельгии. Их вагоны не были разукрашены. И хотя они ехали на фронт, они не пели и не выкрикивали приветствий. У них был тот обыденный вид, который я замечал у рабочих, идущих утром на повседневную работу на шелкопрядильной фабрике. Инстинктивно, как животные, все свободное время они употребляли лишь на еду, питье, сон, а в остальное подчинялись своим офицерам. Вот во что предстояло обратиться молодежи призыва 1914 года. Мысль эта была не из приятных...

Десять вагонов с молодежью были прицеплены к нашему поезду, и в пути до нас все время доносились песни и крики. Смеркалось. Мы стали замечать, что на каждой станции собирается молчаливая толпа одетых в серое людей, в большинстве женщин. Ими были забиты все полустанки, многие высовывались из окон домов, стоящих вдоль железной дороги. С взволнованными лицами, плача, махали они платками: сестры, матери, возлюбленные призывников 1914 года. Когда стемнело, начался дождь, но они все стояли под открытым небом, и стояли уже много часов — молчаливые, серые, в сгущающихся сумерках, чтобы в последний раз взглянуть на своих мальчиков, едущих неизвестно ради чего воевать с немцами по повелению высшего разума, олицетворенного в правительстве...

Вспоминаю, как мы увидели первого британского томми. Наш поезд надолго остановился посреди моста через большую реку. На парапете, менее чем в двадцати футах от нас, сидел английский солдат и удил рыбу. Леска была привязана к штыку, фуражка сдвинута набекрень, он насвистывал «Путь далек до Типперери», пристально и с удовлетворением поглядывал на запад. Услышав наше английское приветствие, он подошел к нам и начал рассказывать о своих приключениях:

— Да, я отступал от самой Бельгии, я видел, как ирландская гвардия была изрублена в куски в Вивье. Возле Монса было горячее дельце. Мой друг был захвачен пруссаками возле местечка, которое называется, кажется, Катто.

В Париж мы прибыли, когда авангард немцев был всего в тридцати километрах от города. Было прекрасное сентябрьское утро; воздух прохладный, бодрящий. В такие дни парижане возвращаются из деревни и на улицах города народа больше, чем в любое другое время года. Мы же попали прямо с вокзала в вымерший город. Длинные пустые улицы: ни омнибусов, ни фургонов, ни трамваев, все магазины с закрытыми ставнями и буквально увешаны флагами. В каждой витрине было выставлено по пять флагов: французский, бельгийский, русский, сербский и английский. Время приближалось к полудню, но на Больших Бульварах не видно было ни души. А ведь обычно, как говорится, если здесь посидеть на террасе кафе в течение часа, то перед тобой пройдет народ со всего света. На Рю де ла Пэ тоже не видно было ни одного человека. Тишина — ни грохота омнибусов, ни автомобильных гудков, ни криков уличных разносчиков, ни топота конских копыт — ничего, а ведь некогда улицы были самым шумным уголком в мире.

Джон Рид. «Вместе с союзниками»

Года полтора я провел в различных странах и на разных фронтах, побывал во всех столицах воюющих стран, наблюдал военные действия на пяти фронтах. Один из моих лучших друзей обвиняет меня в том, что я не понимаю значения войны, что на меня производят впечатления потрясающие контрасты этого всемирного катаклизма. Он говорит, что я поехал в Европу, руководствуясь предвзятой идеей социалиста, согласно которой правящие капиталистические классы цинично и злонамеренно, обманом втянули свои народы в войну, и что я отказываюсь видеть что-либо другое.

Согласен, я действительно поехал за границу с определенной идеей, и моя идея была, в основном, именно такова...

...Я обнаружил, что самые различные люди бывают настолько неразумны, что в обмане нет необходимости. Это относилось даже к социалистам и противникам милитаризма, которые расставались со своими убеждениями, как змея со старой кожей, едва лишь на улицах раздавался барабанный бой и проносили флаги.

Боюсь, что я никогда по-настоящему не понимал драма-

тизма и красоты этой войны. В первые недели, проезжая через Францию, я думал, что никогда не смогу забыть эти украшенные цветами воинские поезда, переполненные смеющимися и поющими ребятами призыва 1914 года, которые так весело и беззаботно уезжали на фронт. И после этого я увидел Париж, но не героический, суровый и непреклонный, каким описывали его все репортеры, а обезумевший от страха, охваченный поголовной паникой город, жители которого в своем неистовом стремлении попасть на поезда, отходящие на юг, затаптывали женщин и детей...

Почему я видел окружающее в таком свете? Ведь я пытался воспринять живописную, драматичную, гуманную сторону войны. Но все казалось мне бесцветным, все эти миллионы людей представлялись винтиками бездушной и скучной машины. То же самое произошло и на передовой. Я был свидетелем битвы на Марне. Я находился в расположении французских войск севернее Амьена, когда началась окопная война. Почти всегда это было одно и то же механическое действие. Сначала нам было интересно знакомиться с новыми способами ведения войны. Но чувство новизны скоро стиралось, так же как стиралось оно и у солдат в окопах...

Я был на немецких передовых линиях, где люди, покрытые вшами, сидели по пояс в воде и стреляли во все, что двигалось на расстоянии восьмидесяти ярдов за земляной насыпью. Их лица были землистого цвета, они беспрерывно стучали зубами, и каждую ночь кто-нибудь сходил с ума. На поле между окопами на расстоянии сорока ярдов лежала гора трупов, оставшаяся от последнего наступления французов. Все лежавшие там раненые умерли, при этом не было сделано ни одной попытки спасти их...

Я спросил этих забрызганных грязью людей, которые стояли под дождем, опираясь на мокрую земляную насыпь, и из-под своих стальных щитков стреляли по каждому движущемуся предмету,— кто их враги? Они посмотрели на меня непонимающе. Я объяснил им, кто находится в траншеях, отстоящих на восемьдесят ярдов от них. Они не имели ни малейшего представления. Англичане это, французы или бельгийцы, никто этого не знал. Да и не интересовался. Там что-то двигалось, и этого было достаточно.

На русском тысячекилометровом фронте я видел тысячи гигантов, безоружных, раздетых и подчас голодных, которых отправили на фронт, чтобы они остановили продвижение нем-

цев дубинками и своими беззащитными телами. Если кто-нибудь думает, что русский народ хотел этой войны, то ему стоит лишь приложить ухо к земле теперь, когда массы русских прервали свое вековое молчание, и он услышит приближающуюся поступь мира.

Трудно передать невообразимую жестокость русской военной системы прежнего времени, через механизм которой проходила русская молодежь. Я видел, как офицер на улице Петрограда бил по зубам солдата за то, что он не приветствовал его с должным раболепием, и это считалось в порядке вещей. С солдатами обращались, как со скотиной. Какое зло причинили русскому крестьянину японцы, персы, турки, австрийцы или пруссаки, под пушками которых он находился на чужой земле, далеко от милой родины? Что за дело ему до того, что Австрия напала на Сербию или Германия на Бельгию? Прислушайтесь теперь к нему, к его простым словам, которые так раздражают представителей западной «демократии»:

«Мир без аннексий и контрибуций!»

«Каждый народ имеет право сам определять свою форму правления».

В Сербии меня поразил сначала невероятный ущерб, причиненный войной и эпидемией этому народу, «еще не испорченному цивилизацией». Откровением были также и бесконечные запутанные интриги, в которые великие державы, готовясь к войне, втянули правителей Сербии. Один молодой серб рассказал мне, как создавался заговор с целью убийства австрийского эрцгерцога и как попустительствовало этому заговору сербское правительство...

...К счастью, я был в Болгарии, когда та оказалась втянутой в войну ее царем и немецкой дипломатией. У меня была возможность видеть собственными глазами, как современное государство обводит вокруг пальца свой народ. Ибо из тринадцати политических партий Болгарии семь партий, представлявших большинство народа, были против вступления страны в войну. Их делегации регулярно информировали царя о своей позиции и настаивали на созыве парламента. Но царь, министры и военные власти ответили на это внезапным объявлением мобилизации. Одним росчерком пера нация была превращена в армию. Отныне всякое общение между гражданами, всякий протест пресекались или топились в крови.

Я мог бы рассказать дальше об Италии, Румынии и оккупированной немцами Бельгии, о том, как везде я встречался с одним и тем же решающим фактом, а именно, что война эта не была народной войной, что народные массы различных

стран не имели и не имеют никаких оснований продолжать борьбу, кроме случаев, когда речь идет о самозащите или о мести, и что даже теперь достаточно одного лишь приказа, чтобы миллионы людей на всех фронтах тотчас же прекратили сражение, побросали оружие и пошли домой...

Быть может, самым значительным явлением, замеченным мною в Европе, была неистребимая живучесть интернационализма, невзирая на войну. Особенно заметно это было в нейтральных странах при встречах представителей воюющих сторон. Здесь граждане враждующих стран вступали в нормальные, дружеские отношения. Мне даже казалось, что они были связаны друг с другом немного теснее, чем прочие, самим фактом бесцельной борьбы своих стран.

Как радостно было подмечать тысячи доказательств истинности положения, что интернационализм — инстинкт, присущий человечеству. В Голландии я видел даже братавшихся друг с другом английских и немецких интернированных солдат, которым не мешало незнание языка. В Швейцарии и далекой Румынии тогда же происходили встречи немцев и французов, посвященные обсуждению совместных дел и обоюдным заверениям в неизменной дружбе.

Скоро мы в Америке лишь с трудом сможем представить себе, что у нас были или могут когда-нибудь быть друзья немцы. Начнут приходить списки потерь, которые несет наша огромная, собранная по мобилизации армия. С нами начнет сбываться то, что предсказывал мой ученый молодой друг из Вашингтона. Мы начнем ненавидеть, ибо «патриотизм — это общественный гнев». О том, что произойдет в утысячеренных масштабах, можно судить уже теперь на основании избиений «пацифистов» солдатами и матросами, произвольных арестов и повсеместных полицейских преследований. Говорить, что эта война — не народная и что, «защищая всемирную демократию», мы действуем отнюдь не по-демократически, становится равносильным потере свободы.

И все же и то и другое — правда. Ни в одной стране мира, в том числе даже в Германии, эта война не была популярной. Не было на земном шаре такого места, где правительства осмелились бы поставить перед теми, кому надо было идти воевать, вопрос, следует ли начинать войну, а если война уже шла, то нужно ли ее продолжать. Во всех этих воюющих странах, на знаменах которых написано гордое слово «Демократия», у власти стоит горсточка непомерно богатых людей, а широкие массы рабочих живут в бедности. Так, Бельгия, сыгравшая роль изнасилованной девственницы, в мирное время

была страной самой чудовищной в Европе промышленной олигархии, страной самого нищего и эксплуатируемого народа. А между тем именно ее трудолюбивый пролетариат был брошен на войну с могучей кайзеровской Германией ради защиты своих хозяев.

Теперь пришла и наша очередь. Теперь миллионы молодых американцев должны отправиться в Европу, для того чтобы во имя «демократии» убивать немцев или, наоборот, быть убитыми ими. Большинство этих молодых людей — рабочие, которые могут знать, а могут и не знать, что патриотизм их работодателей никогда не мешал им выжимать последние силы из «фабричного скота». Они могут понимать, а могут и не понимать, что одна политическая власть без экономической мощи превращает «демократию» в пустое притворство. Но, может быть, им приходило в голову, что демократическое ведение войны предполагает необходимость испрашивать согласие у тех, кто должен сражаться.

Нам ответят, что жаловаться на «недемократические» методы нашего правительства — совсем нетрудно, а вот что же делать? Я думаю, что президент Вильсон мог бы спросить об этом первого встречного — тот наверняка сказал бы ему.

Вот каким образом я определяю позицию простого человека. Когда война только началась, он был настроен вполне нейтрально, занимая как бы промежуточную позицию среди воюющих сторон. Позже его симпатии склонились на сторону Антанты, но не настолько, чтобы убедить его пролить свою кровь или умереть за нее. Не подлежит сомнению, что независимо от того, нравится вам это или нет, Вильсон был избран именно потому, что «оберегал нас от войны».

Такова была программа простого человека. Совесть немного мучила его из-за вывоза оружия и боеприпасов в Европу, или, во всяком случае, он понимал, что это нечестно. Он охотно наложил бы запрет на наш экспорт вооружения. Он полагал, что американцам незачем разъезжать по зоне военных действий, так же как, скажем, играть в пятнашки в зараженном чумой доме. Он целиком стоял за то, чтобы внушить им держаться подальше от всего этого или по крайней мере избегать кораблей воюющих наций. Принудительную воинскую повинность он без колебаний причислял к явлениям, мягко выражаясь, «неамериканским»...

Простые идеи, обрисованные мною выше, были реакцией рядового человека на войну. И мне кажется, что если бы в свое время у него спросили совета, что делать, то ход амери-

канской истории изменился бы. Во всяком случае эти размышления простого человека кажутся мне ценным и разумным комментарием к войне...

Джон Рид. «Непопулярная война»

При Гарвардском университете в штате Массачусетс существует учреждение, известное под именем Союза. Оно было основано в припадке демократического энтузиазма с целью служить местом встречи для студентов всех цветов, вероисповеданий и сословий. В этом самом злополучном союзе, в одной из небольших аудиторий наверху, и произошла единственная моя встреча с Джеком (Джоном) Ридом. Он приехал, когда в его работе в качестве иностранного корреспондента наступила пауза. То, что он говорил, переплелось в моем воспоминании с его статьями, которые я читал приблизительно в то же время. Я помню, что пришел поздно. Плотный человек, выглядевший и разговаривавший как футбольный тренер, стоя говорил. Это был Джек (Джон) Рид. Когда он кончил, самый воздух студенческого мира, в котором я жил, показался мне тоскливо разреженным. В то время, как прочная скала привычной жизни миллионов людей раздроблялась войнами и восстаниями, мы, студенты, жили под стеклянным колпаком, вскормленные отвратительной жижицей древних культур. Джек Рид выбрался из-под стеклянного колпака. Он говорил так, как будто никогда под ним и не находился. А если он выбрался, то, значит, и другие могли выбраться. Это происходило, должно быть, в 14-м или 15-м году. В то время революцию для нас в Соединенных Штатах воплощала Мексика.

Джон Дос-Пассос. «Джон Рид»

Рид выбрался из под стеклянного колпака,— сказал Дос-Пассос. Да, он выбрался из-под стеклянного колпака, чтобы встать рядом с Биллом Хейвудом и с гвардией его воинственных молодцов из ИРМ. Симпатии к этим людям, восхищение их храброй и вольнолюбивой сутью с большой силой сказалось у Рида в его очерках об ИРМ и главном из них «Социальная революция перед судом» — правда, событие, о котором идет речь, произошло позже, но чувства, которые испытал при этом Рид, были характерны для Рида-борца, вступающего на путь профессионального революционера.

Рабочие мира, проснитесь!

Идеи ИРМ нашли распространение главным образом среди сезонных рабочих, не охваченных никакими другими организациями. Это — жестоко эксплуатируемые сельскохозяйственные рабочие, лесорубы, горняки. За жалкие гроши они вынуждены работать с утра до вечера. Они не имеют права голоса, их не защищают ни профсоюзы, ни закон. Низкая заработная плата и постоянные переезды не дают им возможности жениться и создать себе семейный очаг. У бродячих рабочих никогда не бывает достаточно денег, чтобы купить себе железнодорожный билет. Они должны разъезжать на буферах или в «пульмановских вагонах с боковыми дверями». Против них ведут борьбу не только торговые палаты, объединения предпринимателей и все судебные учреждения, но и «аристократические профсоюзы». Они — естественная добыча мира, где господствует процент.

А пение... Не забывайте, что ИРМ — это единственная организация американских рабочих, которая поет. А потому бойтесь ее, так как организация, которая поет, непобедима...

Бойтесь, когда слышите, как из вагонов товарного поезда, с грохотом проезжающего через черноземную деревню где-нибудь в Айове, внезапно вырываются молодые грубые голоса, поющие с издевкой:

О, как я люблю моего босса,
Он — мой лучший друг.
Вот почему я подыхаю с голода
На улице в пикете.
Аллилуйя! Я — лентяй!
Аллилуйя! Дважды лентяй!
Аллилуйя! Дай нам по шее,
Чтобы вновь пробудить к жизни нас!

Бойтесь, когда в жаркий полдень где-нибудь на набережной в Филадельфии вы слышите, как кучка здоровенных парней, отдыхающих после обеда в мрачной лавчонке цирюльника, распевает классическое: «Ну, чего ты спину на хозяина ломаешь?» или «Кейси Джон, скэб». Мне и теперь слышится их песня:

Кейси Джон с машины не слезает,
Кейси Джон привычный держит путь,
Кейси Джон — покорный раб хозяев,
И они ему повесили медаль на грудь!

В ИРМ любят и почитают своих певцов. По всей стране рабочие распевают песни Джо Хилла «Мятежная девчонка», «Не отнимайте у меня папу», «Рабочие мира, проснитесь!».

Тысячи их знают наизусть его «Завещание» — это три простые строфы, написанные в камере в ночь перед казнью. Я встречал рабочих, которые носили у себя на сердце, в кармане рабочей одежды маленький пузырек с горсточкой пепла Джо Хилла. Над рабочим столом Билла Хейвуда в Национальном штабе ИРМ висит написанный красками большой портрет Джо Хилла...

Огюст Шпис, один из чикагских мучеников 1887 года, начал свое заявление на суде, в котором он доказывал, что ему не должно выносить смертного приговора, цитатой из речи венецианского дожа, произнесенной шесть веков назад:

«Я выступаю здесь, как представитель одного класса и обращаюсь к вам, как представителям другого класса. Моя защита — это ваше обвинение. Причина приписываемого мне обвинения — ваша история».

1918 год. Помещение федерального суда в Чикаго, где судья Лэндис ведет судебный процесс по делу «Индустриальных рабочих мира»... На долю этого человека выпала историческая роль — судить социальную революцию. ...Что же до подсудимых, то я не думаю, чтобы когда-либо в истории Америки можно было наблюдать подобное зрелище. Их сто один человек — лесорубы, батраки, горняки, журналисты. Сто один человек, верящих, что богатства всего мира принадлежат тем, кто их создает... Рано утром их приводят из тюрьмы Кук-Каунти, где большая часть их томится вот уже девять месяцев...

Я видел, как встал и заговорил государственный обвинитель прокурор Небекер, официальный поверенный большой медиорудной компании — сухощавый, щеголевато одетый человек, с лицом, которое от постоянного толкования и переиначивания законов приобрело выражение хитрости, и глазами холодными и ненадежными, как бракованная сталь.

Я поглядел в огромное окно и увидел в окнах окружавших нас зданий юристов, агентов и маклеров за своими конторками, ткущих паутину нашей цивилизации — цивилизации, которая вынуждает людей мечтать и бунтовать, а потом сокрушает их. С улицы доносился несмолкаемый грохот и рев Чикаго, и военный оркестр все трубил и трубил, прокладывая незримые дороги к войне...

И нам еще смеют говорить о войне! Ведь эти сто один — ветераны войны, которую им приходится вести всю жизнь,

войны кровавой и дикой, полной жестоких схваток и коварства. Против них выступает страшная и беспощадная сила, не признающая никаких цивилизованных методов ведения войны. Вот уже много веков подряд ведется эта партизанская война рабочих против своих хозяев,— иными словами, классовая борьба — всемирная, бесконечная... и все же близящаяся к концу.

Эти сто один человек участвовали в ней с юных лет, с тех пор как на их глазах хладнокровно убивали им подобных, а они не могли этому помешать. Они овладели тайной успешного ведения войны — научились нападать. И за это их травят по всей земле, как крыс.

В Лоуренсе полицейский убил выстрелом из револьвера женщину, а солдат заколол штыком мальчика. В Патерсоне наемные убийцы-сыщики застрелили стоявшего на пороге своего дома рабочего с ребенком на руках. В горах Месаби вооруженная охрана, состоящая на службе у Стального треста, открыто убивала одних забастовщиков, а других за это сажала в тюрьму. В Сан-Диего люди, которые осмеливались повышать голос на улицах, вывозились «видными гражданами» за пределы города. Там их клеймили раскаленным железом и ломали им ребра бейсбольными битами. Во время уборки на полях великого Северо-Запада рабочих обыскивали. Если при них находили красные карточки (членов ИРМ), «бдительные» подвергали их жестокому наказанию. В Эверетте наемная охрана лесного треста убивала их...

Прекрасно смирение этих рабочих, их почти безграничное терпение и поразительная доброта. Несмотря ни на что, они верят в конституцию и заверения правительства. Да, вопреки своей преамбуле, ИРМ еще верит в доброту людей и в возможность торжества справедливости...

Джон Рид. «Социальная революция перед судом»

Новая поездка в Европу

На протяжении многих недель Рид и Робинсон видели вокруг себя страшные следы войны. Жизнь, которую они наблюдали, была ошеломляюще непривычной, но все, казалось, было окрашено надеждой, решимостью, верой народа, кото-

рого никакая трагедия не может сломить. Сербы!.. Каждый из них был прирожденным солдатом...

Молодые люди съездили в Шера Кулу и увидели там знаменитый курган из черепов. Это была целая пирамида, сложенная из черепов сербских воинов, погибших на поле боя столетие назад. А рядом с этим памятником побоища находился тифозный госпиталь, который Рид и Робинсон собирались осмотреть.

Карл Хови. «Львенок»

В этом интереснейшем и живописном краю, где Восток сходится с Западом, мы живем полной жизнью, и с нами случаются необыкновенные приключения. В Салониках нас принимают по-царски. Все здесь зовут нас просто по имени — турки, арабы и т. д. Чуть ли не каждый грек, которого нам довелось здесь видеть, побывал в Соединенных Штатах, и один из них провел нас обедать в ресторан, который принадлежит его отцу. Через переводчика из консульства мы купили за три фунта стерлингов рекомендательные письма к премьер-министру и к царю.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Где Восток сходится с Западом — да, так назвал Рид Балканы, куда привела его теперь война. Вместе с Ридом «Метрополитен» посылает художника Бордмена Робинсона, который по заданию редакции должен был сделать иллюстрации к репортажам Рида. Бордмен Робинсон — талантливый художник и карикатурист, долгое время проработавший в «Нью-Йорк трибюн». Почти семь месяцев продлилась их совместная поездка по фронтам. Они исколесили Сербию, Грецию, Румынию, Турцию.

Дух войны их сопровождал повсюду. Они наблюдали перемещение войск, разрушенные поселения, землю, напитанную кровью, дышали пороховым дымом, много и интересно разговаривали с людьми, стремясь проникнуть в смысл происходящего. Независимо от того, кто встречался им на пути, будь то итальянцы или румыны, греки или славяне: все они говорили об одном — ненависти к войне, бессмысленном кровопролитии, величайшем всенародном горе.

Поездка оказалась напряженной, она сказалась на здоровье Рида. У Рида был почечный приступ.

Врачи настаивали на немедленном возвращении в Соединенные Штаты и срочной операции. Но Рид был молод и упрям.

Прошлой ночью мы шатались по городу без дела и задержались у жалкой пивнушки полюбоваться, как компания пьяных греков поет и пляшет вокруг стола. Они заметили нас, мы поздоровались. Они высыпали на улицу и затащили нас к себе. По-английски они не понимали совершенно, но знали несколько слов по-испански, по-французски, по-итальянски. Мы спели «Солдаты Джона Брауна»,— бурные аплодисменты. При общем ликовании сплясали им бостон. Успех имели умопомрачительный. Ну и повеселились же мы там! Их было семеро, и все, как один, плотники, и вся эта фантасмагория смахивала на сказку из «Тысячи и одной ночи» под заголовком «Семь плотников из Салоник».

В городе карантин. К нашим услугам холера, брюшной тиф, скарлатина, возвратный и сыпной тиф, оспа и бубон! Но страна поразительная. Изумительно интересная. Материал будет лучше не надо.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Вот Вам наконец первая статья из Сербии, стоившая мне невероятных усилий и мук: я переделывал ее шесть раз. Робинсон посылает с дипломатической почтой свои изумительные зарисовки. Это лучшее из всего, что он до сих пор создал,— рисунки прекрасно изображают Сербию. Боюсь, что моя статья отнюдь не блестяща, но говорить об этом сейчас бессмысленно. По-настоящему я могу писать только дома. Однако статья дает все же довольно точное представление о стране и о вещах, о которых у нас ничего не пишут.

Жизнь здесь дороже, чем в любом другом месте Европы. А мне, как на грех, необходимо сейчас хорошее питание и комната, где я мог бы отдыхать.

Врач советует мне сделать рентген — он полагает, что у меня камни в почках.

Бухарест раз в десять шикарней, нарядней и веселее Парижа и Вены. Женщины, которых видишь на улицах, словно сошли с рекламы парижских мод. Жизнь в городе начинается по-настоящему в час ночи и не утихает всю ночь напролет. Будь я покрепче здоровьем... да, боюсь, что тогда я совсем бы не так утруждал себя работой, как сейчас.

Пожалуйста, выполните указания Робинсона относительно его рисунков как можно точнее и, очень Вас прошу, пригласите

специалиста потолковей, чтобы он проследил за изготовлением репродукций. Если нужно, лучше сократите текст, но поместите все зарисовки. Об одном лишь молю Вас буквально на коленях: не давайте им трогать статью и, пожалуйста, попросите сохранить в ней мою пунктуацию.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Дорогой Коупи!

Почтовые обстоятельства, всякие удобства, нейтралитет и так дальше,— все это постоянно вынуждает меня возвращаться в Румынию, в этот «Балканский Париж».

Вообрази себе маленький Париж (со всеми существенными атрибутами) — кафе, киоски, писсуары, Академия, издающая словарь, художники-футуристы... политики, известные благодаря любовницам, которых они содержат, трусливые газеты.

Офицеры в оранжево-розовых и светло-голубых мундирах... целыми днями напролет торчат в кафе, поглощая мороженое и фруктовые торты, или раскатывают на извозчиках по Калеа Виктории и подмаргивают женщинам, толпящимся на тротуарах... У них есть элегантный гогенцоллерновский король, элегантный трон и двор, элегантная аристократия псевдовизантийского пошиба... Здесь дурно пахнет миллионерами, разбогатевшими на хищнической добыче нефти или на эксплуатации обширных поместий, где хозяева никогда не показываются, а крестьяне работают до седьмого пота за один франк в день...

Их политика столь же подла, как и все остальное; они преследуют евреев, прибегая к мелкой полицейской тирании; они продают Германии и Антанте военные тайны, а заодно и правительство... а теперь они пытаются продавать жизни крестьян-солдат любой стороне, которая заплатит побольше классу капиталистов.

Если я когда-нибудь видел место, созревшее для революции, то именно эта страна созрела для нее. Здешние крестьяне — очень тонкий и поэтичный народ, но они запуганы...

Джон Рид. Письмо Ч. Т. Коуплеиду

Место, созревшее для революции — то, что сказал Рид о Румынии, он мог бы сказать обо всех Балканах. Что дала поездка Рида на Балканы, какие преимущества он обрел в своих корреспонденциях с балканского театра войны? То, что увидел Рид на Балканах, и прежде видели американские

корреспонденты. Для американского читателя это было не ново. Новым был сам поворот событий, который они обрели на Балканах. Война шагала по планете поистине семимильными шагами. Ее всесильное пламя катилось по земле, обращая цветущие поля и долины в мертвые зоны. В жертву войне уже были принесены сотни и сотни жизней. Особенно кровопролитной война была на Балканах. То, что видел Рид здесь, он нигде не видел. Поэтому главный знак, которым были отмечены балканские впечатления Рида, означал: в недрах народов, в их сознании зреет протест такой силы, какого не знала история человечества, зреет протест, грозящий человечеству взрывами невиданными. Собственно, балканские впечатления Рида определили его решение посетить Россию.

«Обидно покидать Россию, не увидев матушки-Москвы!»

Дорогой Хови!

Врачи повергли меня в полное уныние, уверив, что если я и впредь буду вести столь беспорядочную жизнь, то протяну недолго. Они запретили мне поездку в Россию и велели возвращаться домой, отказаться от своей беспокойной профессии и поселиться где-нибудь в тиши, на покое, предварительно сделав операцию. Однако я все-таки взял да поехал в Россию, и вся моя диета пошла насмарку: я ел что хотел, спал на деревянных скамейках, да еще угодил в тюрьму. И вот вернулся, и врачи признают, что я совершенно здоров. Мы теперь что ни день отправляемся в бассейн и резвимся под здешним знойным солнцем. Глупости?.. Но зато мы чувствуем себя по-царски, то есть так, как цари, которые живали в довоенные времена. Теперь нам придется пересмотреть подобные глупые метафоры заново.

Между нами говоря, жизнь в первоклассных гостиницах совершенно невыносима. Особенно же ужасно то, что, по слухам, которые доходят до нас, Америка готовится вступить в войну. Я бы, кажется, просто взбесился, если бы мы впутались в эту жуткую кутерьму. Каждый раз, встречая какого-нибудь

солдата, я испытываю все большую ненависть и отвращение к войне.

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

Взял, да поехал в Россию,— сказал Рид — в этих словах была решимость и, пожалуй, сознание того, насколько все это значительно. Давным-давно юный Рид, думая о России, написал стихи. Поводом к этим стихам явилась музыка Чайковского. Вот они, эти стихи.

Проснитесь, люди Севера, воспряньте!
Взывает к вам Чайковский с высоты.
Он, словно бог, взмахнет смычком из света,
И небо струнами в ответ заговорит.
Услышьте гимн его: горят сердца и души,
Идет народ ликующей толпой,
Непобедим, он все преодолеет
Под эту музыку, рожденную грозой.
Назад ни шагу, путь назад отрезан,
Могучий, грозный марш зовет, ведет вперед.
И если даже близок час последний,
То умереть не жаль под звуки вечной песни.
О новый Прометей! похищенным огнем
Оковы тьмы расплавь и уничтожь насилье!

Сейчас трудно сказать, что было первосутью взглядов юного Рида на Россию, что определило его прозорливость. То ли великая литература и музыка России, которую знал Рид, то ли традиционные симпатии американцев к России, которые видели в этой стране нечто общее с их великой родиной: безбрежность России, неодолимую силу и талант ее народа. Трудно сказать, что предопределило этот взгляд Рида на Россию. В словах, которые завершали небольшое ридовское стихотворение о Чайковском, было нечто вещее. «О новый Прометей! похищенным огнем оковы тьмы расплавь и уничтожь насилье!» Итак, Рид посетил Петроград, а вслед за этим Москву: великие русские города, которым суждено было сыграть столь значительную роль в судьбе Рида.

Но попытаемся восстановить фактическую сторону первого путешествия Рида в Россию — в этом есть смысл, если взглянуть на события жизни Рида в перспективе. Вот факты, только факты. Итак, Рид и Бордмен Робинсон отправились в Россию. Как

для одного, так и для другого это было первым путешествием в великую страну. Ехать пришлось через Румынию. Через границу проезд корреспондентам был запрещен. Пришлось обхаживать полицейского чиновника, и корреспонденты «Метрополитен» оказались на русской земле.

Проехав через Галицию и Буковину, побывав в Тернополе, американцы направились во Львов, а затем в Ровно. Ни минуты не забывая об основной цели своего путешествия, Рид и Робинсон предпринимали попытки попасть на русский фронт, однако вместо передовой попали на гауптвахту. В поездке на фронт им было отказано, но было разрешено посетить Петроград.

Но заокеанским гостям не пришлось долго любоваться красотами Невского. Американский посол настоял на выезде Рида и Робинсона из России. Времени на раздумья оставалось мало, и тут Рид решился на дерзкий шаг. Как же, находясь в России, не побывать в Москве?

Министерство внутренних дел — Секретно
Департамент полиции — Циркулярно
По VIII делопроизводству
14 апреля 1916
№ 145015/366

Губернаторам, градоначальникам, начальникам губернских и железнодорожных полицейских и жандармских управлений, отделениям по охранению общественной безопасности и порядка, г.г. офицерам Отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск, и жандармским офицерам на пограничных пунктах.

Препровождая при сём для зависящих распоряжений списки А и Б разыскиваемых лиц и 68 экземпляров розыскных карт, департамент полиции просит подлежащие власти, в случае обнаружения кого-либо из упомянутых лиц, немедленно привести в исполнение указанные в соответствующих графах списка требования разыскивающих их учреждений, при получении же указаний, могущих содействовать розыску, уведомить о сём департамент.

Подписал: за директора И. Об. Вице-директора П. Руткевич. Скрепил: за делопроизводителя Саргани

К розыскному циркуляру приложен «Список А».

В первых его строках указывается:

«По розыске нижепоименованных лиц, надлежит немедленно их арестовать, обыскать и затем поступить с ними согласно указанного в пункте каждой розыскной статьи требования разыскивающих учреждений и уведомить об исполнении департамент полиции на предмет прекращения розыска».

На стр. 5-й этого списка, под № 35829 значится:

«Джон Рид. а) Америк. гражд. з) невп. прд. Имп. i) ар. об. * привл. к ответ. по 314 ст. ул. о нак. по прод. 1912 г. с посл. по п.п. 4 и 10 прил. к ст. 205[1] уст. пред. и прес. прест. по прод. 1912 г. к) VIII—7334—15 г. исх. II—43967—15 г.»

Не было известно о Риде по всем остальным пунктам, а именно: ничего о родителях, родственниках. Не были известны его приметы. Не имели его фотографическую карточку и этим объясняется, что ее нет среди других, помещенных в списке. Не было известно последнее местожительство, принадлежность к партии. Не указано также — «Каким жандармским управлением или судебным учреждением или должностным лицом и где именно привлечен или по какому постановлению подвергнут высылке или надзору?»

Ставится в известность:

«Рассылаемые согласно требований г.г. начальников губерний, по числу всех уездных и городских полицейских управлений, становых приставов и отдельных должностных лиц полиции (полицейских надзирателей в городах и местечках) экземпляры розыскных циркуляров подлежат дальнейшей пересылке вышеозначенным полицейским чинам...»

Центральный государственный исторический архив СССР,
ф. 144, оп. 1, ед. хр. 95
Дело управления Петроградского таможенного инспектора
«О лицах, коим воспрещен въезд в пределы империи и выезд за границу».
Нач. 14 апреля 1916

Мы сбежали из Петрограда на три дня, чтобы увидеть Москву. Обидно покидать Россию, не увидев матушки Москвы, сердца России. Нам сказали, что мы можем, если хотим, побывать в Москве. И вот мы здесь! О боже! Она стоит того, чтобы посетить ее, как ни одно из тех мест, какие я видел...

Джон Рид. Письмо Карлу Хови

---

* По «Объяснительному словарю сокращений», имеющемуся в этом списке, расшифровываем: Ар. — арестовать, Об. — обыскать.

Почти тридцать

Мне двадцать девять лет. Я знаю, на этом кончается часть моей жизни, уходит молодость. Временами мне кажется, что с нею вместе уходит и молодость всего мира. Длительная война и вправду заметно сказалась на всех нас. Но мы стоим на пороге новой эры. Мир, в котором мы живем, меняется так стремительно, в нем так много яркого и значительного, что нельзя не думать о том, какие — и блестящие и ужасные — перспективы таит в себе будущее.

Джон Рид. «Почти тридцать»

Я должен снова найти себя. Некоторые, видимо, с ранних лет нашли свое призвание и продолжают путь лишь с небольшими отклонениями от цели. Я же не имею понятия, кем я буду или должен стать через месяц. Все мои попытки добиться чего-либо не увенчались успехом. Я понял, что способен стать счастливым, только если буду беззаветно служить любимому делу. Я люблю людей, за исключением пресыщенных жизнью ничтожеств. Меня интересует все новое и все прекрасное, что совершено человеком в прошлом. Я люблю красоту, риск и прогресс, но теперь скорее в воображении, чем в окружающем нас мире. Мне думается, я навсегда останусь романтиком.

Джои Рид. «Почти тридцать»

Я навсегда останусь романтиком,— сказал Рид, в равной мере отдавая должное и своему прошлому, и своему будущему. Именно желание быть романтиком явилось для Рида тем мостом, который соединил вчерашний день его жизни с днем завтрашним. Однако не будем голословны.

Между тем в жизни Рида произошло событие, явившееся логическим следствием того образа мысли, который он к тому времени исповедовал. В Америке многие были уверены, что «Метрополитен» сотворил Рида. В этом была своя правда. Рид пришел в журнал неизвестным, сейчас у него было крупное имя. Журнал высоко ценил мексиканский успех Рида. Этот успех для журнала был тем более ценен, что Рид-писатель начинал в «Метрополитен». В «Метрополитен» понимали — Рид импонирует читателям журнала. Глядя на Рида, говорили: новый

Джек Лондон. Конечно же, Рид был самобытен. Что-то у него, наверное, было от Лондона. В походе за правдой жизни он безбоязненно шел в огонь. В его работах жила всесильная романтика и тогда, когда он обращался к образу своих героев, и тогда, когда он останавливал свое внимание на событиях. Если же к этому прибавить живописную манеру очерков Рида, образ писателя и человека, каким возник в сознании читающей Америки Рид, обретет реальные очертания. Одним словом, Рид писатель и человек был симпатичен читающей Америке, и это не могли не понимать в журнале «Метрополитен». Не могли не понимать и ценить, ценить настолько, чтобы закрыть глаза на то, что, быть может, не очень нравилось знатной благопристойности «Метрополитен». Кстати, об этой благопристойности. Журнал финансировался крупным бизнесом и, очевидно, был рассчитан на ту категорию читателей, которые составляют белую кость Америки. Достаточно полистать комплект журнала, чтобы убедиться в этом. В нем все торжественно и достойно. И крупный формат, и белая бумага, и многоцветные иллюстрации, и та щедрость, с которой расположен материал, и сам материал: много стихов, рассказов, статей,— принадлежащий все крупным авторам, чьи имена способны украсить самые изысканные издания Америки. Конечно же, это был добропорядочный буржуазный журнал, правда, либерального толка. Он ни в коем случае не подвергал сомнению устои Америки, но ратовал за реформы, осторожные. Достоинства ридовской музы, популярность Рида были столь очевидны, что журнал мирился с публикацией Рида и тогда, когда его очерки шли дальше позиции журнала. Но то, что было терпимо два года назад, было нетерпимо теперь, когда Америка оказалась перед выбором: вступать ей в мировую войну или нет. Отношение Рида к мировой войне было все более бескомпромиссным. Даже тогда, когда он еще не говорил об империалистическом характере войны, существо его выводов сводилось именно к этому. Надо отдать должное «Метрополитен», журнал не без колебаний шел на разрыв с Ридом. Карл Хови как мог препятствовал этому. Нельзя сказать, чтобы он склонял Рида к иной по-

зиции, это было бы не честно. Но Хови пытался амортизировать разногласия. Он делал это до тех пор, пока не понял: его попытки не имеют перспектив. Последние два года Рид ушел далеко влево, и в природе не было силы, которая бы могла вернуть его на прежние позиции. Ну что ж, о разрыве этом не следовало тужить, по крайней мере Риду — он был плодотворен. Тридцать лет были для Рида значительным рубежом. Тот факт, что тридцатилетие совпало с разрывом с «Метрополитен», было не случайным. Сам факт разрыва как бы знаменовал завершение одного периода и начало другого. Обратного пути не было, движение Рида могло быть поступательным, а коли так, надо было думать всерьез о системе взглядов, точным компасом которых все больше становилась революция. Не без интереса и, быть может, заметной тревоги Рид встретился с Либкнехтом. Собственно, это был первый профессиональный революционер, чье сознание опиралось не только на жизненный опыт, но и философию борьбы.

В декабре 1915 года, будучи в Берлине, я посетил Карла Либкнехта. Его кабинет находился тогда в районном комитете социал-демократической партии, в самой бедной части города — на улице, которая напоминает мне Вашингтон-стрит в Бостоне. Это была большая пустая комната; по стенам были развешаны портреты Бебеля и старшего Либкнехта и картины, изображающие крупнейшие события из истории германской социал-демократии.

Либкнехт сидел за столом, стоящим посреди комнаты. Нижняя часть его лица была слабо освещена лампой с зеленым абажуром. На нем был наглухо застегнутый полувоенный сюртук. Под глазами у него были темные круги, но, кроме них, ничего не свидетельствовало об утомлении. Во время разговора он нервно вертел в руках нож для разрезания бумаги и все время смотрел мне прямо в лицо. У него было смуглое, полное, почти круглое лицо с мягким, добрым выражением. Дверь во внутренний зал была широко открыта. В зале не было никого, кроме двух-трех женщин в трауре, которые печально и неподвижно сидели на стульях, расставленных у стены, дожидаясь представителя местного комитета, занимающегося делами о выплате пенсий.

«Последствия войны?» — сказал я, указывая на них. Либкнехт кивнул. «Лучшие из нас...» — медленно сказал он, вкрапливая немецкие слова в неуверенную английскую речь.

Джон Рид. «О чем говорил Карл Либкнехт»

Лучшие из нас, — сказал Риду Либкнехт, дав понять, что борьбе необходим авангард. Встреча с Либкнехтом была скоротечной, но она имела для Рида непреходящее значение, отозвавшись на всей жизни Рида, человека и революционера. В образе Либкнехта Рид отдаленно хотел увидеть прообраз вождя пролетариата, человека, для которого многотысячелетний опыт борьбы людей за свободу был исследован и обобщен самой теорией борьбы. Сам образ этого человека глубоко вошел в сознание Рида. На том этапе, казалось, только Либкнехт был близок Риду существом своей жизни, образом своих мыслей, всем тем, что утверждал он своим характером человека, интеллигента, профессионального революционера.

А между тем Рид продолжает наблюдать жизнь. Он обращается к раздумьям, к осмыслению того, что увидел он на просторах Америки, в Мексике, в Европе. Его попытки пристать к берегу, каким в свое время был «Метрополитен», ни к чему не привели. От его предложений отказываются, его игнорируют. Тем более все это укрепляет в нем веру в свое призвание, призвание человека, художника, быть может, революционера.

Именно в это время произошла встреча с его любовью. Для Рида это было бесценно. Речь шла о доверенной дружбе, а может быть и исповеди, самой сокровенной и бескомпромиссной. Луиза Брайант явилась тем человеком, которому Рид, не колеблясь, поверил тайны своего «я», свою душу. В беседах, которые вели Джон и Луиза, в какой раз они прошли страдный путь Рида, не минув самых крутых поворотов пути.

Надо ли было уходить из «Мэссиз» в «Метрополитен» и не лучше ли было оставить «Метрополитен» его либеральным апостолам, а мексиканскими очерками украсить «Мэссиз»? Повел бы Рид себя так, его дорога была бы прямее и, быть может, честнее, да он бы, пожалуй, и не оказался в столь

трудном положении, в каком находился сейчас. А может, не надо жалеть? В конце концов, имя Риду делал «Метрополитен», и два года, которые отдал он журналу, вознаградили Рида с лихвой. К тому же «Метрополитен» — понятие не монолитное. Среди тех, кто его редактировал, были и друзья Рида, например, Карл Хови. Конфликт с «Метрополитен» не был конфликтом с Карлом Хови. Было бы это во власти Хови, он бы не отпустил Рида. Но в том, что произошло с Ридом, было и нравственное качество. «Мэссиз» был трибуной левых, «Метрополитен» — либералов, отнюдь не чуждых крупному капиталу. «Метрополитен» был намного респектабельней «Мэссиз» и, быть может, литературнее. Это был литературный журнал. По этой причине он больше устраивал Рида.

Таким образом, переход в «Метрополитен» был уступкой писательским интересам Рида. Что же касается существа взглядов молодого литератора, то он ими не поступился. Создалось даже впечатление, что он использовал «Метрополитен», чтобы утвердить свои социалистические воззрения. В конце концов, о чем мексиканские очерки Рида, как не о стремлении крестьянских масс Мексики вернуть земли, которые дарованы им богом и природой. Писал бы Рид обо всем этом в «Мэссиз», писал бы точно так же. Таким образом, для Рида тут не было компромисса. Однако, может быть, компромисс все-таки был? Есть вечное правило, и Рид распространял его и на себя: нельзя в угоду тактике приносить принципы. Следуя этому правилу, Рид, конечно же, должен был остаться в «Мэссиз». Он должен был сказать все это сейчас, когда волею судеб оказался в одиночестве. Впрочем, счастье даровало ему друга. В тяжелую минуту, вероятно, самую тяжелую, судьба не оставила его в одиночестве. Рядом с ним была Луиза, его любовь, может быть, единомышленник.

Этой женщине суждено было стать в истинном смысле другом и сподвижником Рида. По крайней мере, отныне ее судьба нерасторжима с судьбой Рида.

Луиза

Вернувшись в Америку, Рид в декабре 1915 г. поехал в Портленд повидаться с матерью. В консервативных кругах портлендского общества царили те же провоенные настроения, с которыми ему пришлось столкнуться в Нью-Йорке, и эта атмосфера была ему невыносима. Не прожив там и дня, он уже пишет другу в Нью-Йорк, как был бы рад опять очутиться на Манхэттене. Мать добра и нежна, но совершенно безнадежна в политическом отношении, и ему буквально не с кем словом перемолвиться, добавлял он.

Однако две недели спустя его настроение изменилось — он познакомился с Луизой Брайант-Труллингер. Эта молодая женщина с румяным, обрызнутым веснушками лицом и красивыми серыми глазами родилась в англо-ирландской семье и выросла на Западе Соединенных Штатов. Окончив университет в Орегоне, она нашла себе работу на консервной фабрике в Сиэттле. Однако ей хотелось стать художницей и писательницей, и вскоре она начала публиковать в портлендской газете рисунки моделей одежды и очерки — а потом познакомилась с Полем Труллингером и вышла за него замуж.

Выписывавшая журнал «Мэссиз» Луиза знала, кто такой Рид, и восхищалась его статьями. Прочитав в местной газете о его приезде в Портленд, она попросила своих друзей — художника Карла Уолтерса и его жену Элен, которые были в хороших отношениях с Ридом, познакомить ее с ним. Но за несколько дней до устроенного с этой целью званого обеда Луиза и Рид случайно встретились на вечере художников. Рид нашел в этой привлекательной женщине родственную душу. И они сразу же убедились в своей интеллектуальной близости — Луиза полностью разделяла его радикальные настроения. Она показала ему кое-какие из своих очерков, и они ему понравились. Они встречались чуть ли не каждый день, и на обеде у Уолтерсов им ничего не пришлось объяснять: хозяева сразу поняли, что перед ними пара влюбленных.

В конце декабря Рид вернулся в Нью-Йорк, порвав с Труллингером, Луиза приехала к нему. Они поселились в квартире на Вашингтон-сквер, где завели совместное хозяйство, что, по правде, трудно было назвать хозяйством, так как оба не слишком беспокоились о том, вымыта ли посуда и в порядке ли шкафы. Они целиком отдались работе... Луизе было столько же лет, сколько Риду — двадцать восемь, но он был уже признанным писателем, а она еще только искала признания.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

6 Заказ 370

Он писал другу: «Думаю, я, наконец, ее нашел. Она дикая, смелая и прямая, а также грациозная и миловидная. В этом духовном вакууме, на этой невозделанной почве она выросла (и я не могу представить как) в художника. Она едет в Нью-Йорк, чтобы найти там работу, и я надеюсь, едет со мной. Я думаю, это первый человек, которого я люблю безоговорочно». Она была замужем, но в замужестве была несчастлива.

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Луиза была очень хороша собой — молодая, изящная, с пышными волнистыми волосами и выразительными глазами на живом и умном лице. Рид был рад представить ее своим друзьям: он водил ее по заветным уголкам старого Гринвич Вилледжа, любовался ею, когда она блистала на балу, устроенном в «Мэссиз», принимал комплименты как счастливый обладатель такого бесценного сокровища и упивался славой ее избавителя. Неизвестно, понимал ли он это уже тогда, что связь между ними окажется прочной.

Карл Хови. «Львенок»

Она (Луиза) послала ему записку, в которой говорилось: «Быть может, по возвращении я смогу лучше во всем разобраться. Я так люблю тебя. Так любить, как я,— ужасно».

Рид написал ей: «Мы во многих отношениях очень разные люди и, любя друг друга, мы должны постараться это понять... Я всегда любил тебя, дорогая,— с самой первой нашей встречи,— и, думаю, всегда буду любить».

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Всю следующую зиму, когда она жила с Джеком в его квартире на Вашингтон-сквере, она вела переговоры о разводе с доктором Труллингером. Развод еще не был окончательно оформлен, когда она и Джек летом 1916 года поехали в Провинстаун. Живя с Ридом, Луиза раскрыла себя как писательница. В это лето труппа Провинстауна поставила ее пьесу «Игра».

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Присутствие Брайант помогало ему в работе над рассказами, над стихами, которые он отбирал для сборника «Тамерлан», и над статьями, которые были направлены против подготовки к войне. В одном из номеров журнала «Мэссиз» он писал: «Страну запугиванием спешат привести в героическое

настроение». Сам же он считал героизмом совсем другое и в статье «Герой пацифист» хвалил Бертрана Рассела, которого в Англии приговорили к тюремному заключению за выступления против войны. В статье «Держа республику за горло», он разоблачал силы, скрывавшиеся за призывами быть готовыми к войне. Так он писал, что Лигой национальной безопасности управляет президент оружейной корпорации, и называл других промышленных, железнодорожных и финансовых магнатов, которым война сулила рост прибылей. Он не остановился даже перед тем, чтобы назвать миллионера Гарри Пейна Уитни, владельца журнала «Метрополитен», который Теодор Рузвельт всячески старался превратить в рупор политики подготовки войны. Рид поставил под угрозу свое будущее как журналиста, но шел на это, лишь бы донести до читателей антивоенные призывы. Редакторы «Метрополитен» уже искали дипломатического способа освободиться от Рида.

Арт Янг вспоминает в своей автобиографии:

«Джон Рид и Луиза Брайант жили на Пэтчин Плейс, д. № 1, и иногда вечерком я заглядывал к ним. Я и сейчас мысленно вижу перед собой этого полного энергии юношу; он посмеивается над чем-то, чем занимался днем, а потом бросает взгляд на стопу бумаги у себя на столе, как бы спохватываясь, что надо бы не посмеиваться, а писать.

В один из таких вечеров Луиза рассказала мне, что она беседовала с бывшим сокурсником Джека по Гарвардскому университету, и он ей сказал: «Право же, так обидно за Джека! Он, бывало, писал хорошие либретто для оперетт, а теперь, я слышал, пишет о разных высоких материях».

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Право же, так обидно за Джека! — сказал гарвардский друг простодушно и был высмеян, однако высмеян во имя чего? Нельзя сказать, что столбовую дорогу жизни еще надо было найти, но ее все еще укрывал туман, густой...

У Луизы был дар собеседника, сердечного, умеющего ценить мысль. Риду были интересны беседы с Луизой, беседы-исповеди. В беседах этих он исследовал пути и перепутья своей жизни, стараясь добраться до корней, в беседах этих он лучше понимал свою жизнь.

Собственно, вывод, который он сделал, был подсказан этими беседами, подсказан и реализован с

решимостью и неодолимой точностью, на какую был способен только один Рид. Россия поднялась против самодержавия. Пал последний Романов. Рид явился к своим друзьям в «Мэссиз» и сказал, что он хочет ехать в Россию, как корреспондент «Мэссиз». Последнее было принципиальным, именно как корреспондент «Мэссиз». Денег не было, организовали сбор, и Рид выехал в Россию. Брайант последовала за ним. И еще был один завет, который Рид вынес из поездки в Мексику и который был тем более действен после неудачи Рида в Европе. Все, о чем будет писать из России, он должен видеть сам. Только свидетельства очевидца. Только то, к чему прикоснулся сам.

Падение Романовых вызвало в Соединенных Штатах переполох. Официальную Америку интересовало одно: как поведет себя Россия теперь в войне с Германией.

Для Рида актуальным был иной вопрос: в какой мере Россию устроит февраль, не пойдет ли она дальше?

Перед Октябрем

«Метрополитен» был для Рида главным источником заработка, и теперь ему надо было подыскивать что-то другое. Однако он скоро убедился, что многочисленные предложения высоких гонораров в других газетах и журналах подразумевали, как и в «Метрополитен», молчаливое обязательство поддерживать позицию редакции в отношении войны. Рид был вынужден отказываться от них. Даже если бы он хотел, он не сумел бы писать того, во что искренне не верил. Те нормы, которых он придерживался на протяжении всей карьеры журналиста, да и самая его натура исключали самую идею приспособленчества. С точки зрения Рида, ему был открыт только один путь — по-прежнему писать то, во что он верил, для постоянно сокращающегося числа газет, которые еще были готовы печатать его статьи.

Выбор, перед которым он стоял, явился настоящей проверкой характера. Ему пришлось отказаться от роли некоронован-

ного монарха среди современных журналистов, стать обозревателем в газете «Нью-Йорк мейл», получая весьма скромное жалование. А после того как в апреле 1917 г. Америка вступила в войну, ему пришлось пожертвовать и личной безопасностью — теперь критика правительства или его политики могла означать не только потерю работы, но тюремное заключение сроком до двадцати лет.

Новый закон о шпионаже объявлял преступлением отказ служить в армии или выступления против призыва, и около двух тысяч человек попали в тюрьму за его нарушение. Еще один закон, «Об антиправительственной агитации», был направлен против «тех, кто прибегает к бранным выражениям по адресу правительства или институтов страны». По этому закону было арестовано много радикально настроенных людей; их держали в заключении без права выхода на поруки, а затем приговорили к длительным срокам тюремного заключения. Полицейские разгоняли политические митинги и избивали даже случайных зрителей. По стране прокатились вспышки массовой истерии. «Бдительные» заставляли противников правительственной политики вставать на колени и целовать флаг. Профсоюзных руководителей обмазывали дегтем и обваливали в перьях. Священников-пацифистов изгоняли из их приходов хлыстами и дубинками.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Вечером в тот день, когда газеты объявили о вступлении США в войну, в Вашингтоне состоялся огромный пацифистский митинг. Когда на нем были прочитаны известные слова президента Вильсона «наступил день, когда Америка получила почетное право своей кровью и мощью отстаивать принципы, которым она обязана своим возникновением и счастьем», на трибуну поднялся Рид. «Это не моя война,— заявил он,— и я не буду ее поддерживать». Несколько дней спустя, давая показания на заседании юридической комиссии конгресса в связи с законом о шпионаже, Рид заявил: «Я не сторонник мира любой ценой и не последовательный пацифист, но в этой войне я участвовать не буду. Вы можете расстрелять меня, если попытаетесь меня призвать, но я знаю, что есть десятки тысяч таких, как я...»

Хотя сам Рид оказался под судом только много месяцев спустя, он испытывал другие виды давления. Старые знакомые, опасавшиеся теперь, что их увидят в обществе радикала, начали его избегать. Он получил письмо от брата, который пошел в армию, и Гарри писал, что нет смысла противиться

тому, чего нельзя изменить. Пришло письмо от матери. Она писала: «Мне больно, что сыну твоего отца, по его словам, безразлична родная страна и ее флаг. Видит бог, я не хочу, чтобы ты сражался за нас, но я не хочу и того, чтобы ты сражался против нас словом и пером. И если ты будешь продолжать это теперь, когда война объявлена, я вынуждена сказать, что мне будет поистине стыдно. Полагаю, ты скоро убедишься, что большинство твоих приятелей и поклонников — иностранцы по рождению и настоящих американцев среди них сравнительно немного».

Тем не менее Рид продолжал писать в «Мэссиз», а когда оказывалось возможным — и в «Мэйл», протестуя против того, что постановления правительства нарушают конституционные права граждан, что профсоюзы теряют все, чего им удалось добиться с таким трудом, что жадность тех, кто наживается на войне, не знает предела. «Нельзя допускать, чтобы какая-то группа или класс американцев делали из войны прибыльное предприятие, нельзя позволять им наживать за счет народа огромные деньги на истреблении человечества».

Он продолжал писать до тех пор, пока не стало смысла писать, так как война пропитала все стороны американской жизни и подавляющее большинство перестало прислушиваться к нему.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

В «Мэссиз» к желанию Рида ехать в Россию отнеслись с горячим сочувствием, но у журнала не было денег. Нужную сумму кое-как собрали среди людей, которые верили в Рида и так же, как он, понимали, что происходящие в России события могут оказаться началом новой эры в истории человечества. Ради того, чтобы получать сообщения от такого писателя, как Рид, с его умением вникать в суть дела, стоило пойти на любые жертвы.

Карл Хови. «Львенок»

Он полагал, что феодальная Россия, в которой не было ни промышленной, ни буржуазной революции, попросту политически догнала наиболее развитые государства и стала капиталистической страной. Однако летом, когда ведущей силой в России стали выступать организованные группы рабочих, солдат и крестьян, поставившие своей целью превратить капиталистическую систему в социалистическую, Рид изменил свою точку зрения. Он писал в «Мэссиз»:

«Мы приносим свои извинения русскому пролетариату за то, что называли события в России «буржуазной революцией».

Мы видели только внешнюю сторону. В действительности же, как мы понимаем теперь со все большей ясностью, начался долго подавлявшийся подъем русских народных масс, цель же этого подъема — установление на земле нового человеческого общества».

Если народные массы в России готовились создать совсем новый вид правительства в стране, занимающей одну шестую часть земного шара, значение этого события для всего человечества, разумеется, не шло в сравнение ни с одним другим. Рид твердо решил поехать в Россию, чтобы писать о нем. Луиза горела желанием поехать с ним и была аккредитована как корреспондент газетного синдиката. Однако в установившейся в стране реакционной атмосфере репутация Рида как радикала, которая помогала ему, когда он писал о революции в Мексике и о рабочем движении в Соединенных Штатах, превратилась почти в непреодолимое препятствие. Газеты, которые год назад были готовы послать его в любое место мира и платить ему любые деньги, теперь — как ни велик был соблазн — опасались иметь с ним дело. Он обращался в редакции Нью-Йорка, Вашингтона, Балтиморы, но послать его в Россию соглашались только некоторые левые органы печати — однако ни у одного из них не было средств на его проезд туда.

Некоторое время казалось, что Риду так и не удастся получить это самое крупное задание в его карьере журналиста. Однако Юджин Буасвен, верный поклонник «Мэссиз», собрал необходимую для поездки сумму у людей, симпатизировавших журналу. Рид был аккредитован в качестве корреспондента не только журнала «Мэссиз», но также и журнала «Севен артс» и социалистической газеты «Нью-Йорк колл». Он был освобожден от военной службы из-за перенесенной им операции почек, и государственный департамент выдал ему паспорт. В середине августа 1917 года он и Луиза уехали в Россию...

Пароход «Соединенные Штаты» (датский, несмотря на свое название), на котором плыли Луиза и Рид, у берегов Ньюфаундленда повернул на северо-восток к Полярному кругу, подальше от вод, кишевших немецкими подводными лодками и минами союзников, и через две недели прибыл в нейтральную Скандинавию и бросил якорь в Христиании, теперешнем Осло. Оттуда Луиза и Рид поехали в Стокгольм, а затем — на пароме через Балтийское море — в Финляндию. В Выборге они пересели на поезд, направлявшийся в Петроград.

Путешествие было долгим, сложным и утомительным. Постоянные задержки, проволочки, обыски на границах, однако

Рид не тратил времени напрасно и брал интервью у всех, у кого мог. Он общался с русскими политическими эмигрантами, в свое время вынужденными уехать из-за преследований царского правительства и возвращавшимися на родину. Он разговаривал с делегатами-социалистами из Англии, Франции, Голландии, Германии и России, приехавшими в Стокгольм на международную конференцию. Таким образом, он сумел понемногу разобраться в событиях, происходивших в России. Когда Рид и Луиза прибыли в Петроград, город ликовал — попытка генерала Корнилова установить военную диктатуру окончилась полной неудачей.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Город не узнать. Там, где царило отчаяние, теперь праздник, а там, где веселились,— уныние. Мы в самой гуще событий, и, можешь мне поверить, это потрясающе. Здесь разыгрывается столько драматических событий, о которых мне хотелось бы рассказать, что я просто не знаю, с чего начать. По яркости и размаху происходящее здесь затмевает Мексику.

Джон Рид. Письмо Б. Робинсону

...Контрасты были поразительны, и чтобы наблюдать их, Риду достаточно было выйти из маленькой квартирки, которую они сняли. На улицах бедняки с раннего утра до позднего вечера стояли в длинных очередях за пайком хлеба, который нередко и не доставляли в булочную. Рабочие и крестьяне ругали правительство за то, что оно срывает проведение земельной реформы и бросает революционеров в тюрьмы. Изнуренные, голодные солдаты в длинных обтрепанных шинелях произносили речи, призывая к массовому дезертирству из армии.

В первые недели после приезда Рид бродил по городу, вступая в разговор с самыми разными людьми: купцами, промышленниками, влиятельными политическими лидерами, заводскими рабочими, женщинами, стоявшими в очередях за хлебом, солдатами, приехавшими с фронта. Он задавал им вопросы, мешая английские, французские, русские и немецкие слова, но каким-то образом добивался, что его понимали. Он выслушивал различные истории.

По ночам в затемненной квартире, где редко бывал электрический свет — в городе не хватало электроэнергии,— Рид склонялся над рабочим столом и при мерцающем свете свечи, которую Луиза раздобыла в заброшенной церкви, приводил в порядок свои записи.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Когда я интервьюировал одного из крупнейших русских финансистов, Степана Лианозова, он рассказал с изумившей меня откровечностью, что делают имущие классы, чтобы погубить революцию голодом. Они затопляют угольные шахты; разрушают промышленное оборудование; закрывают заводы; дезорганизуют железнодорожное движение. Гражданская война. Большевистское восстание назначено на 20 октября. Будет подавлено силой оружия. Из силы оружия возникнет новое правительство. Корнилов не умер. Он потерпел неудачу, но имеет достаточную опору в населении. Жизнь показала, что единственная партия, имеющая подготовленных государственных людей,— кадеты. Большевики — трусы. Их подавят казаки, несколько гвардейских полков, юнкера. Нужно проявить государственное мужество. Они разбегутся при первых же выстрелах. Республика? Его личное мнение, что она долго не продержится. Монархия! Народ не созрел еще, чтобы подчиняться равным. Никаких компромиссов до разгрома большевиков!

Джон Рид. «Конституционное собрание в России»

Степан Георгиевич Лианозов — нефтяное товарищество «Лианозов и сыновья», Манташев, Братья Мирзоевы. «Терское нефтяное товарищество». 42 года, 15 лет в промышленности. Короткие пухлые руки. Суставы пальцев заплыли жиром.

Запись Рида о Лианозове

Нужно проявить государственное мужество — формула Лианозова означала, что российская буржуазия готова к борьбе не на жизнь, а на смерть. В истории России не было поры более сложной, чем пора между февралем и октябрем семнадцатого года. Царь был свергнут, но желанная свобода не обретена. Самыми большими ценностями России, землями, фабриками, заводами все еще владели богатые. Если революция сохранила привилегии сильных мира сего, то какая цена революции? Очевидно, на повестку дня был поставлен вопрос о новой революции. Ее своеобразными штабами стали Советы рабочих депутатов, да именно те самые Советы, которые были созданы на подъеме революции 1905 года и сейчас обрели новую силу. Но те, кто представлял февраль и грядущий Октябрь, были не единственными силами, вступившими в смертельную борь-

бу в России. Была еще одна сила, влиятельная, стремящаяся сказать свое слово и определить поворот в борьбе: Корнилов, корниловцы, а если быть точным, сторонники монархии, стремящиеся к реставрации царского дома. И тут произошло то, что дало решительные козыри Советам. Стремясь отразить наступление Корнилова, сторонники февраля роздали оружие рабочим. Когда же натиск корниловцев был отбит, рабочие не пожелали вернуть оружие. Собственно, к невозвращению оружия призвали их Советы, справедливо полагая, что дни февраля сочтены. Близился Октябрь, социалистический Октябрь.

То, что происходило в России, было невиданно для Рида. Такого не было и не могло быть ни в Мексике, ни в Штатах, невиданно, что называется, по всем статьям. Борьбой руководила партия рабочего класса, партия, прошедшая великий путь борьбы. В борьбе участвовал народ, он был вооружен, у него было сознание цели. Он был готов сказать свое решающее слово. Революция, социалистическая революция была делом насущным и реальным. Рид понимал, что волею судеб ему суждено быть свидетелем событий исторических. Очевидно, сознание того, что в России нарастают важные события, было не только достоянием Рида.

Корреспондентский корпус в Петрограде заметно вырос. Значительна была в нем своеобразная фракция американцев. Традиционный интерес американцев к России был тем более заметен в канун Октября. В самом строе и существе классовых боев, происходящих в России, американцы пытались рассмотреть нечто такое, что было свойственно и их родине. И вот в тревожные вечера ранней петроградской осени семнадцатого года в Европейской гостинице собирались те, кого принято было потом назвать «кружком Рида». Самое насущное, что подсказали происходящие события, было предметом их бесед. Нет, не только Россия, но обязательно и Америка, как она виделась отсюда в эти исторические дни памятной петроградской осени.

Кто составлял «кружок Рида»? Первым из них был корреспондент газеты «Пост» Альберт Рис Вильямс. Рид не знал Вильямса прежде. Вильямс знал

Рида по его мексиканским очеркам в «Метрополитен», по его мексиканской книге. Вильямс прибыл в Россию до Рида и достаточно освоился. Колоритной фигурой был Раймонд Робинс, который представлял здесь Американский Красный Крест. Этот человек всегда был загадкой для Рида. Выходец из рабочих, он искал удачи повсюду: работал на шахте, пас лошадей, занимался земледелием, добывал золото. Человек богатый и влиятельный, он получает особое задание от правительства США и под видом представителя Красного Креста отправляется в Петроград. Цель его миссии: предотвращение выхода России из войны с Германией. Но Робинс — демократ, справедливо полагающий, что не дело честного американца вмешиваться в дела русских. Это сделало его другом Рида. В «кружке Рида» — Бесси Битти — военный корреспондент из Сан-Франциско, обаятельная тридцатилетняя женщина, которая к этому времени побывала во многих районах России.

Таким образом, «кружок Рида» был маленьким парламентом, парламентом, где жестоко сшибались мнения и настойчиво искалась истина, способная объяснить происходящее. Но «кружок Рида» был не только своеобразным парламентом, но и отрядом, способным присоединиться к действующим красногвардейским частям, чтобы самолично узреть события. Истинно наступили новые времена. Прежде корреспондент старался действовать в одиночку. Это позволяло ему монополизировать материал, стать его единственным обладателем. Сегодня дело обстояло по-иному. Действия в одиночку не давали никаких преимуществ. Петроград все больше походил на осажденную крепость. Чтобы быть очевидцем событий значительных, надо, чтобы рядом с тобой был товарищ. И кружок корреспондентов готов преодолеть любую опасность, лишь бы стать очевидцем событий.

Первоначальная реакция Рида на Февральскую революцию была умеренной. Оценивая ее как дело «либерально настроенных провинциальных дворян, дельцов, профессоров, редакторов и армейских офицеров», он боялся как раз того, чего так желали американские лидеры, а именно, чтоб Временное

правительство укрепило страну и продолжило мировую войну. Это мнение начало меняться, когда стало очевидным, что существует второй центр политической власти — Советы рабочих и солдатских депутатов. Когда «Нью-Йорк таймс» назвала их членов «экстремистскими радикалами и синдикалистами, похожими на агитаторов «Индустриальных рабочих мира», интерес Рида к русским делам оживился, и после того как в июне агитация Советов за сепаратный мир вынудила двух консервативных министров Временного правительства подать в отставку, Джек извинился за свое неверное понимание революции: «Мы видели один только «фронт»... а главным фактором был так долго задерживаемый подъем русских масс... и его целью было создание на земле нового человеческого общества». Движущей силой этого процесса должны были стать Советы, «подлинно революционное сердце новой России».

Р. А. Розенстоун. «Биография Джона Рида»

Если бы меня спросили, что я считаю самым характерным для Русской Революции, я сказал бы: необычайная простота связанных с нею процессов. Подобно русской жизни, как ее описывают Толстой и Чехов, подобно течению самой русской истории, этой Революции, по-видимому, присуща та же медлительная неизбежность, которая весной гонит соки по стеблям растений, которая управляет приливами и отливами океана.

Джон Рид. «Заметки о революции в России»

Очевидец великой революции

Европейская война в огромной степени способствовала политическому просвещению рядовых членов партии. Здесь, в далекой Америке, где в печати излагалась и точка зрения союзников и точка зрения центральных держав, был ясно виден неприкрытый империалистический характер войны...

А затем неожиданно, словно гром среди ясного неба (так, по крайней мере, казалось нам), разразилась русская революция. Если в самые первые дни, еще не имея точных сведений, мы расценили ее просто как политический переворот, то провозглашение Петроградским Советом принципов: «мир без ан-

нексий и контрибуций» и «право наций на самоопределение» показало американским социалистам, что мы становимся свидетелями социальной революции.

Джон Рид. Записка, составленная для В. И. Ленина

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета, находился на берегу широкой Невы, на самой окраине города. Я приехал туда в переполненном трамвае, который с жалобным дребезжанием тащился со скоростью улитки по затоптанным грязным улицам. У конечной остановки возвышались прекрасные дымчато-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, и рядом — огромный казарменный фасад Смольного института в двести ярдов длиной и в три этажа вышиной, с императорским гербом, высеченным в камне, над главным входом.

Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»

...Мы с Ридом поспешили к выходу, чтобы отправиться на Дворцовую площадь. Было около часа ночи. Некоторое время мы еще ходили по Смольному, разыскивая своих, и наконец все четверо — Брайант, Битти, Рид и я — собрались на крыльце и, дрожа от холода, ждали Гамберга, который обещал договориться, чтобы нас подвезли, если не до самого Зимнего дворца, то хотя бы до места, откуда можно быстро дойти пешком...

В среду вечером 25 октября (7 ноября) Джон Рид, Луиза Брайант и я, боясь пропустить события, наскоро пообедали в отеле «Франс» и поспешили к Зимнему дворцу, где до этого мы уже прослонялись на правах туристов чуть ли не весь день. Организованной экскурсией нашу прогулку назвать было трудно, но никто не обращал на нас внимания. Когда у одного входа часовой с сомнением покачал головой, разглядывая наши пропуска, выданные Военно-революционным комитетом, мы направились к другому входу и предъявили американские паспорта: от американских корреспондентов можно было всего ожидать. Очевидно, в тот день никому, кроме нас, не пришло в голову осматривать Зимний дворец. Нас тут же предупредили, что дворец с десяти часов утра окружен солдатами, красногвардейцами и матросами и в любой момент может начаться стрельба.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Петроград, 19 ноября. Петроградский гарнизон. Моряки Кронштадта, составляющие вооруженные силы большевиков, прошлой ночью разбили наступающую на столицу армию Керенского... Сорок делегатов прибыли в Смольный — штаб-квартиру революционного правительства, чтобы сообщить о том, что армия на фронте солидарна с большевиками.

Это революция. Это классовая борьба, в процессе которой рабочие и крестьяне выступили против буржуазии. Февраль был лишь предварительной революцией, но где победителем стал пролетариат. Рядовые члены Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во главе с Лениным — хозяева положения. Их программа — это раздача земли крестьянам, национализация природных ресурсов и промышленности, созыв конференции на демократической основе. Причина поразительного влияния и силы большевиков в том, что правительство Керенского полностью игнорировало народные чаяния.

Джон Рид. «Первая корреспонденция о победе Октября»

Большевистский режим представляет собой совершенно новый тип государства — с новыми политическими формами (Советы), с новой организацией промышленности (фабричные комитеты), с новой системой образования во всех звеньях сверху донизу, с новой национальной армией и флотом, с новыми принципами сельскохозяйственного производства, государства, в котором общественное мнение миллионов выражается бурно и активно, счастливо, ярко и свободно — через посредство тысяч газет, книг, памфлетов, в форме многонациональных манифестаций, пения песен, театральных представлений...

Россказни о кровопролитии просто смешны.

...Я помню один характерный эпизод. Буржуазная газета «Век» напечатала однажды сообщение о том, что несколько красноармейцев, охранявших по распоряжению советского правительства ее типографию, грубо обращались с работниками редакции и похитили принадлежавшие ей деньги. Тогда красногвардейцы открыто опровергли это обвинение и потребовали, чтобы их дело разбиралось судом, в составе которого были бы равномерно представлены обе стороны; если их вина будет доказана, то, как они заявили, они будут готовы добровольно отправиться в тюрьму...

Джон Рид. «...Я видел рождение нового мира...»

В эти тревожные и трудные дни Рид оставался в Петрограде. Он наблюдал, он записывал, он перерабатывал короткие заметки в статьи и вдруг узнал, что почти все они, когда попадают в Америку, не публикуются, а складываются в ящик стола. Он был потрясен. Нарастающая волна политических преследований в Соединенных Штатах обрушилась и на «Мэссиз» — журнал был закрыт, а его редакторы обвинены в антиправительственной агитации. В том же обвинили и Рида. В августе 1917 года он перепечатал в журнале статью врача о психических заболеваниях в армии — поперек нее крупным шрифтом было набрано: «Вяжите смирительную рубашку своему сыну-солдату». За шесть слов Рида собирались предать суду как изменника.

Рид сообщил в США, что готов вернуться и предстать перед судом, но до отъезда продолжал пополнять свои драгоценные заметки и наблюдать за развитием событий. На другой день после исторического штурма Зимнего дворца он сидел в большом зале в Смольном.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

«...Как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории»

8.40. Появление президиума. Ленин. Лысая голова, короткий мясистый нос, сильный подбородок.

Джон Рид. Запись в дневнике

...Съезд все не открывался, мы еще больше нервничали, нервировали друг друга и суетились. Гамберг ушел, сказав, что встретимся позже в Белом зале. Я обратил внимание, что пошел он в сторону штаба Военно-революционного комитета. Джон метался, как тигр в клетке. Упустив раз Ленина, он боялся упустить его вторично, поэтому стремился в первую очередь выяснить, где сейчас находится Ленин и что он делает. Брайант, Битти и я заняли посты в одном из невероятно длинных коридоров Смольного, надеясь встретить кого-нибудь из наших русских американцев.

«Товарищи! Мы сейчас должны заняться созданием социалистического государства».

Механически я повторил слова Ленина по-английски и, увидев, что сидевший рядом со мной Джон Рид записывает их и что я смогу потом воспользоваться его блокнотом, продолжал вглядываться в человека, произнесшего фразу, о которой я впоследствии часто писал, называя ее главной фразой революции.

Вы не найдете этих слов ни в одном газетном отчете о втором заседании Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в ночь на 26 октября (8 ноября).

...Джон Рид приводит ленинскую фразу в своей несравненной книге «Десять дней, которые потрясли мир»; в том же (1919) году я цитирую ее в книге «Ленин — человек и его дело». И только теперь, сравнивая то, что мы написали, я обнаружил некоторое различие в наших записях. Рид пишет: «Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал: «Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!» *

Признавая репортерскую основательность Рида, я все-таки придерживаюсь своего перевода. В любом варианте это великая фраза. И хотя она еще не включена в официальные собрания ленинских работ **, она уже вошла в историю.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая, коренастая фигура с большой лысой, крепко посаженной головой и выпуклым лбом. Маленькие глаза, широкий нос, крупный благородный рот, массивный подбородок, чисто выбритый, но с уже проступающей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, немного не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира

---

* Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир.

** Аналогичную фразу В. И. Ленин произнес на заседании Петроградского Совета 25 октября (7 ноября) 1917 года. По газетному отчету, включенному в том 35-й Полного собрания сочинений, стр. 3, эта фраза звучит так: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума...

Ленин говорил, широко открывая рот и словно улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания...

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»

От его слов веяло спокойствием и силой — в этих ридовских словах, как они возникли в ту памятную революционную пору, отразилось существо того, что видел американец в Ленине. В образе Ленина, в самом строе действий революционного вождя Рид пытался рассмотреть нечто такое, что было свойственно революции. Нет, это была не просто стихия крестьянского взрыва, как в Мексике, не бегущий огонь забастовок, вспыхивающий и медленно угасающий, как в Штатах. Здесь было все более осмысленным, зрелым, подчиненным стратегии борьбы, которая направлялась силой многомудрой, у нее, у этой силы, был интеллект и опыт.

И чем больше Рид думал о Ленине, тем чаще он обращался к своей встрече с Либкнехтом. Рид мог припомнить, что Либкнехт был близок интересам борьбы народов России за свою свободу. Еще на заре своей политической жизни Либкнехт выступил в немецком суде в защиту революционеров, обвиняемых в том, что они провозили нелегально русскую социал-демократическую литературу. На-

верное, своеобразным продолжением защитительной речи прозвучала статья Либкнехта, которую он напечатал в следующем 1905 году, встав на защиту первой русской революции. По словам Либкнехта, кровью, которая была пролита в те дни, захлебнется царизм. «Вместе с тем, свобода, заря которой восходит над Россией, есть также свобода и для Пруссии, для Саксонии, для Германии. У нас есть все основания встать под знамя русской революции».

Либкнехт интересен Риду сейчас в связи с событиями русской революции, в связи с Лениным. Да, к руководству революционным процессом приходили профессиональные революционеры, за плечами которых был опыт борьбы рабочего класса, знание теории.

Карл Либкнехт был младше Ленина всего лишь на год, но по опыту борьбы, по опыту, в котором нашла свое отражение многосложность трудного пути, преодоленного партией, много младше. Либкнехт и его товарищи были только на пороге создания партии рабочего класса, способной возглавить движение масс. У Ленина и его товарищей все это было позади. Существовала партия, обладающая огромным авторитетом, партия, которая обладала опытом революции пятого года, партия, чье влияние было сильно и на заводах, и в армии, и в деревне. Партия, чьи кадры были готовы взять руководство страной во всех сферах государственной деятельности. Партия, чья деятельность распространилась на всю территорию огромной страны, не обойдя и далеких ее окраин, где жили национальные меньшинства. Но в облике Ленина Рид видел еще одно качество, для него бесценное. Это был рабочий вождь и интеллигент, познавший диалектику борьбы, проникший в ее философию, как она была подсказана ему крупнейшими авторитетами революционной мысли. Поистине,— как сказал Рид,— это был «необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту».

За тем, что назвал Рид дерзновенной смелостью ума Ленина, были и опыт большой жизни.

Делегаты бурно аплодировали, они горели дерзанием, чувствуя себя борцами за все человечество. И с этих пор во всех действиях восставших масс появилась и осталась навсегда какая-то осознанная и твердая решимость...

Тотчас же после этого II Всероссийский съезд Советов был закрыт, чтобы его делегаты могли поскорее разъехаться по всем уголкам России и рассказать о происшедших великих событиях...

Было почти семь часов утра, когда мы разбудили спящих кондукторов и вагоновожатых в стоящих перед Смольным трамваях. Эти трамваи были присланы союзом трамвайных рабочих для доставки делегатов по домам. Атмосфера в переполненных вагонах, мне показалось, была уже не такой радостной и беззаботной, как в прошлую ночь. У многих был встревоженный вид. Может быть, в душе они говорили: «Ну вот мы и стали хозяевами... Как-то нам удастся провести свою волю?..»

Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»

После Октября

На следующий день 27 октября (9 ноября) мы с Ридом отправились в Смольный, стремясь поскорее получить пропуска для поездки на новый фронт.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

10 (23) января в Таврическом дворце открылся 3-й Всероссийский съезд Советов. В первый день заседания, в ходе приветствий съезду, перед делегатами выступил Джон Рид.

III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отчет о выступлении Джона Рида

Тов. Рид уверен, что жертвы, павшие под Пулковом, под Красным Селом, под Белгородом,— не погибли бесследно, ибо это первые искупительные жертвы Социалистической войны. Тов. Рид, возвращаясь в консервативную страну господствую-

щих империалистов, обещает рассказать американскому пролетариату обо всем, что делается в революционной России.

III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отчет о выступлении Джона Рида

Непрерывный отдаленный гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов... Так под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия.

Джон Рид. Запись, сделанная в блокноте на III Всероссийском съезде Советов

...В любой революции определенную роль играют случайности и непредвиденные обстоятельства. На Джона Рида и на меня особое впечатление произвел эпизод, который Дыбенко в своих воспоминаниях опустил. Этот эпизод чрезвычайно характерен для тех дней, когда человеческая воля должна была преодолевать неопытность, беспорядок и всякого рода нехватки.

Между Нарвской заставой и Пулковом мы остановились у линии обороны, которую держал на краю города большой, в несколько сот человек отряд петроградских рабочих. Они заканчивали рытье окопов, и кое-кто уже готовил чай на костре. Все были заняты делом, и если и нервничали, то со стороны это не было заметно. Антонов спросил командира, и на этот раз нам немедленно показали на молодого красногвардейца, который сказал, что настроение в отряде отличное, боевая позиция, которую они выбрали, наилучшим образом отвечает поставленной перед ними задаче — не пропустить казаков.

— Все готово к отпору. Пусть только сунутся! Есть, правда, одна загвоздка,— добавил он извиняющимся тоном.— Винтовок у нас хватает, а вот боеприпасов нет совсем.

Антонов поспешил заверить его, что в Смольном и в Петропавловской крепости боеприпасы в изобилии и, кроме того, с военных заводов непрерывно поступают новые партии.

— Я вам сейчас выпишу ордер,— сказал он и полез в один карман, потом обыскал все остальные карманы и наконец, улыбнувшись, обратился к нам: — Найдется ли у кого-нибудь клочок бумаги?

У Дыбенко не оказалось. Мы с Ридом вытащили наши потрепанные блокноты и начали тщательно их перелистывать в поисках чистой странички.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Мы с Ридом вытащили наши потрепанные блокноты,— сказал Вильямс, косвенно засвидетельствовав: корреспонденты продолжали накапливать материал, хроника революции по существу уже писалась. Кстати, корреспонденции из Петрограда были более строги в сравнении с мексиканской книгой Рида. Объясняется это тем, что это была иная пора в писательской работе Рида, пора, отмеченная поисками новых красок, пусть тусклых, но значительно более точных. Можно подумать, что многое было определено самой картиной революционного Петрограда, какой ее увидел Рид. Город взял трехлинейные ружья, он надел серые шинели, прочно перешел на паек военно-революционного времени. И очерки Рида отмечены красками революционной страды. В них тусклое петроградское солнце, неяркий блеск невской воды, серо-лиловый отсвет невысокого здешнего неба, сизоватый отблеск камней большого города. Да и сами очерки несут на себе отражение этих неярких красок, пейзаж в них скуп, диалог лаконичен. Авторские отступления коротки и броски. Если Рид обращается к факту, то он ложится в очерки так, как возник в книге,— автор не деформирует этот факт. Если Рид воссоздает документ, документу сопутствуют все его атрибуты от многоступенчатой печати в левом верхнем углу до подписи под документом. Но вот что интересно: с Ридом, явившимся в Петроград, произошло то, что неоднократно происходило с другими большими художниками, ставшими гражданами этого великого города. Образы людей стали строже, краски более точными, мысль мужественной и лаконичной. Конечно же, тут действовали на художника сами краски города, но не только в этом был секрет явления, происшедшего и с Ридом. Очевидно, Петроград открывал в жизни Рида — человека и художника — новую главу, для которой самым характерным были возмужание, зрелость.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов через газету «Колл» шлют американским социалистам-интернационалистам привет от первой пролетарской республики.

Джон Рид. Первая корреспонденция о победе революции

В Царском Селе иа станции все было спокойно, но там и сям виднелись кучки солдат, тихо перешептывавшихся между собой и беспокойно поглядывавших иа пустыиную дорогу, ведущую в Гатчину. Я спрашивал их, за кого они. «Что ж,— сказал мне один солдат,— ведь мы дела ие знаем... Конечно, Керенский провокатор, ио, думается нам, иехорошо русским людям стрелять в русских людей».

В помещеиии иачальника станции дежурил приветливый солдат, высокий и бородатый, с красиой повязкой полкового комитета иа рукаве. Наши удостоверения из Смольиого внушили ему большое уважение. Он был, безусловио, за Советы, но находился в некотором смущеиии.

Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»

Возвращаясь в Петроград сквозь холод и мрак, я видел через окио вагоиа кучки солдат, жестикулирующих вокруг костров. На перекрестках стояли группы броневиков. Их водители перекрикивались между собой, высовывая головы из башенок.

Всю эту тревожную ночь по холодным равнинам блуждали без командиров группы солдат и красногвардейцев. Они сталкивались и смешивались между собой, а комиссары Военно-революционного комитета торопились от одиой группы к другой, пытаясь организовать обороиу...

Мы пошли по улицам. Редкие фонари давали мало света, прохожих почти ие было. Над городом нависло угрожающее молчание, нечто вроде чистилища между раем и адом, политически ничейная земля. Только парикмахерские были ярко освещены и набиты посетителями, да у бани стояла очередь: дело было в субботу вечером, когда вся Россия моется и чистится...

Чем ближе мы подходили к дворцовому парку, тем пустыннее становились улицы. Перепуганный священник показал нам, где помещается Совет, и торопливо скрылся. Совет иаходился во флигеле одного из великокняжеских дворцов, напротив парка. Двери были заперты, в окнах темно. Солдат, бродивший поблизости, с мрачной подозрительностью оглядел нас и, ие вынимая рук из карманов брюк, заявил: «Совет уехал уже два дня назад».— «Куда?» Он пожал плечами: «Не знаю...»

Пройдя иемного дальше, мы наткиулись на большое и ярко освещеиое здание. Изнутри доносился стук молотка. Мы стояли в иерешительности, ио в это время к нам подошли, держась под руки, солдат и матрос. Я показал им свой мандат

из Смольного. «Вы за Советы?» — спросил я их. Они испуганно переглянулись и ничего не ответили. «Что это там делается?» — спросил матрос, показывая на здание. «Не знаю...»

Солдат боязливо протянул руку и приоткрыл дверь. За дверью оказался огромный зал, увешанный кумачом и еловыми ветками. Там стояли ряды стульев, а перед ними возводились подмостки.

Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»

Знаменитый цирк «Модерн»

Я отправился за реку, в цирк «Модерн», на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до самого потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряженным вниманием, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

Джон Рид. «Десять дней, которые потрясли мир»

В первый раз я увидела Рида... в знаменитом цирке «Модерн».

Было известно, что в этот вечер в «Модерне» будет выступать Володарский. Я и мои друзья пришли пораньше, чтобы захватить места.

Около меня сидел человек в серой куртке, из-под которой видна была рубаха с открытым воротом. Он озирался по сторонам, а иногда вставал, наверно, чтобы лучше все видеть.

Народ прибывал, становилось все теснее и теснее, нас плотно прижали друг к другу. Теперь мой сосед не пытался привстать, это было невозможно, и только, как птица, вертел головой на длинной, тонкой шее.

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

К моменту, когда в здании цирка «Модерн» состоялся крупнейший митинг, посвященный Дню международной солидарности трудящихся, суть всех споров свелась к вопросу: могут ли они ждать? Стоит ли рисковать революцией? Однако

споры еще не велись в открытую. Отнюдь нет. Ленин давал пока возможность советским представителям в Бресте использовать все струны и клавиши пропагандистского инструмента. Но делал он это лишь потому, что его точка зрения еще не завоевала большинства в Центральном Комитете. Интернационализм, который в июле, когда я только приехал, был едва заметным ручейком, теперь превратился в могучую реку, и, пожалуй, высшей точкой этого интернационализма был митинг в цирке «Модерн». С другой стороны, интернационализм был, не мог не быть, составной частью революции, и только люди, которые тем или иным образом пытались использовать его в демагогических целях, не поняли этого — в чем Ленина обвинить никак нельзя.

Что касается Рида и меня, то митинг в цирке «Модерн» произвел на нас глубочайшее впечатление и заставил осознать нашу собственную ответственность перед революцией.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Рид быстро поднялся на трибуну. На лацкане его темного пиджака алел красный бантик. Его бледное лицо выдавало волнение.

Зал встретил Рида бурной овацией.

Первые несколько слов своей речи он произнес по-русски. Он говорил медленно, растягивая гласные и, как правило, ставя ударение на первом слоге.

— Тоуварищи,— начал он.— Я пришел сьюда... дать кльятву... великой русски революшьон...

Слова его заглушил взрыв аплодисментов. Рид переждал. Он вытащил платок и вытер лицо и руки, потом заговорил по-английски.

Он говорил о глубоком удовлетворении и великих надеждах, которые рождает в нем сознание того, что победа пролетариата в одной из могущественнейших стран — в России — не сон, а действительность. Говорил о значении Советов как новой формы государства, о том, что Октябрьский переворот показал всю мощь, всю силу и непобедимость революции, которая не будет сломлена, к каким бы жестокостям и насилиям ни прибегали ее враги.

Когда Рид снова заговорил, он перешел на русскую речь. Он написал заранее то, что хотел сказать, и старательно выговаривал слова, отчего его речь звучала с особенной торжественностью.

Е. Драбкииа. «Повесть о ненаписанной книге»

Демонстрация, потом митинг в цирке «Модерн» и, наконец, официальный конгресс в Смольном были этапами на пути к созданию III Интернационала. Однако в 1918 году из-за брестского кризиса и начавшейся интервенции он так и не смог встать на ноги. Отчет о митинге в цирке «Модерн» был опубликован в «Правде» 24 января под заголовком «Борцы за III революционный Интернационал в цирке «Модерн». В отчете говорилось, что митинг, устроенный Петербургским комитетом большевиков, «прошел необычайно подъемно». Наплыв публики был так велик, что пришлось прекратить продажу билетов. «Более чем десятитысячная аудитория горячо, восторженно встречала гостей — товарищей, приехавших из Швеции, Норвегии, Америки и Румынии»... Далее следовала цветистая фраза о том, что с Россией «золотыми нитями братской солидарности связаны сердца пролетариев всего мира». Среди выступивших были «Либкнехт скандинавских стран» Карл Хеглунд, мэр Стокгольма Линдхаген, мэр норвежского города Ставангера Эгеде Ниссен, Раковский из Румынии, а также Джон Рид и я. «Правда» с уважением и сочувствием отметила, что Хеглунд и Ниссен за свою революционную деятельность сидели в тюрьме...

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Чтобы быть честным до конца, я должен признаться, что в тот день в цирке «Модерн», так же как и в других подобных ситуациях, я испытывал не только глубокое волнение, но и чувство стыда. Впервые я ощутил это двойственное чувство, стоя на капитанском мостике крейсера «Республика», когда орудийные башни звенели от голосов одиннадцати тысяч матросов, приветствовавших американских интернационалистов. Вера, которую они вкладывали в наш интернационализм, имела очень мало общего с реальностью. Я почувствовал, что они видят во мне представителя миллионов американских матросов, солдат, шахтеров, железнодорожников, сталелитейщиков, грузчиков, горящих теми же идеями, что и они. Поэтому всякий раз, когда нас с Ридом приветствовали в качестве представителей «великого революционного пролетариата мира», я остро сознавал несоизмеримость этих слов с действительностью, вспоминая мелкие группки интеллигентов, перед которыми я выступал в Нью-Джерси в местных ячейках социалистической партии во время предвыборной кампании в пользу Юджина Дебса.

— Что делается? — спросил я его. Он что-то пробурчал в ответ, и я уловил только слова «проклятая война» и «голод». Луиза Брайант обратилась к Риду с просьбой задать еще какой-нибудь вопрос, но тот сделал вид, что не слышит. Он предложил солдату папиросу и попросил огня. Достав из костра головешку, солдат прикурил от нее и дал прикурить Риду. Неожиданно солдат выпрямился, его бородатое исхудалое лицо оживилось, глаза при свете костра засверкали каким-то особым блеском. Подняв левую руку (в правой была винтовка с примкнутым штыком), он сжал кулак и громким голосом произнес:

— Людям нужен хлеб! Люди хотят счастья!

Когда мы повернулись, чтобы идти, он проводил нас осуждающим взглядом. Как только мы отошли подальше, Рид набросился на Луизу:

— Почему нужно было вести себя так, будто он экспонат в музее? Он ведь подумал, что мы смеемся над ним, или издеваемся над его революцией, или бог знает что еще! — Но злость Рида тут же пропала, и он мягко произнес: — Счастье... хлеб... Да, возможно, они еще получат и то и другое.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Счастье... хлеб... Конечно же, для революционера, когда он смотрит на вожделенное событие издалека, оно представляется ему возвышеннее, чем оно есть на самом деле. Но вот революция произошла, и человек точно опустил себя с небес на грешную землю. Нет, не все так торжественно и ярко, как ты думал. Когда ты смотрел на революцию издалека, тебе легко было ее полюбить, а вот попробуй полюби ее и сохрани ей верность нынче. Собственно, сила духа революционера определяется именно этим: видеть революцию во всей ее многотерпимой страде и не отступить от нее. Больше того, в жестокой борьбе с невзгодами революции найти удовлетворение, какое ищет истинный боец, совершающий революцию. В автобиографической заметке «Почти тридцать» Рид назвал себя романтиком. Наверное, думая о русской революции, он, как свойственно истинному романтику, чуть-чуть расцвечивал ее в собственном сознании. По крайней мере ее невзгоды отступали в сознании Рида на второй план. Но вот революция произошла. Известна логика событий: власть была завоевана так быстро,

что контрреволюция просто не успела собраться с силами. То, что упустила контрреволюция летом и осенью семнадцатого года, она пыталась восполнить теперь. Такого единодушия контрреволюция определенно не знала: «Все разногласия побоку, когда речь идет о борьбе с революционной Россией». «Сковать ее железным кольцом блокады и отсечь все ее контакты с внешним миром». «Никакой помощи России, помогать — значит дать возможность революции выжить». Последняя формула носила открыто людоедский характер — Россия уже голодала.

В Наркоминделе

Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в Бюро пропаганды. Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удается переправлять через линию фронта в Германскую армию.

А. Р. Вильямс. «О Ленине и Октябрьской революции»

После разгона Учредительного собрания, когда ожидалось вооруженное выступление эсеров и др. контрреволюционеров, т. Рид вместе с Бела Куном и др. с винтовкой в руках целые сутки охранял Наркоминдел.

Б. Рейнштейн. «Воспоминания о Джоне Риде»

Но мы с Ридом работали также над плакатами и листовками, которые по нашему настоянию были менее интеллектуальными, более наглядными, со множеством фотографий и очень простыми подписями к ним — такие издания легче находили путь к широким массам. Об их эффективности свидетельствовала реакция австро-венгерских военнопленных, которые заявляли, что в случае возобновления военных действий они повернут штыки против армии кайзера.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

Луиза спешила вернуться на родину, чтобы поскорей написать статьи о революционных событиях, и 20 января она выехала из России. Рид задержался еще на несколько недель, чтобы собрать как можно больше материала. Он попросил, чтобы его отправили как официального курьера — в этом случае его бумаги были бы свободны от таможенного досмотра. Наркоминдел предложил назначить его советским консулом в Соединенных Штатах Америки. Рид согласился, но это вызвало протест в американской печати, и правительство США заявило, что отказывается признать это назначение.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Российский Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет честь уведомить Американское посольство в Петрограде, что русский консул в Нью-Йорке, господин Устинов, отстраняется от исполняемой должности и что консулом Российской Республики в Нью-Йорке назначается гражданин Джон Рид.

Письмо Наркоминдела послу США в России от 16 января 1918 года за подписью Г. В. Чичерина

Консулом Российской Республики назначается гражданин Джон Рид — автор книги «Джон Рид — свидетель революции» Тамара Хови полагает, что Рид был назначен советским консулом из тактических соображений. В подтексте такого предположения то обстоятельство, что назначение это состоялось в тот самый момент, когда возникла необходимость в поездке Рида в Америку. Возможно, Тамара Хови и права, возможно. То обстоятельство, что Рид работал в так называемом «Бюро пропаганды» Наркоминдела, которое ведало подготовкой текстов, рассчитанных на войска Антанты, участвующие в интервенции, могло и не иметь отношения к этому назначению — работа эта скорее была придана Наркоминделу, чем возникала из существа функций, которыми занимался наркомат. Так или иначе, а главным в этом событии было следующее: очевидно, отношения Рида с революционным правительством России и Лениным через три месяца после Октябрьского восстания достигли такой степени доверия, что стал возможен шаг, который в данном случае предприняло Советское правительство.

Рид, как он писал об этом в очерке «Почти тридцать», надеялся, что «пролетариат поднимется и обретет свои права». Теперь, став очевидцем этого процесса, он вовсе не пытался скрыть своего восторга. Его открытое одобрение происходящих событий повергало в немалый ужас американское посольство в Петрограде, которое с тревогой приглядывало за небольшой американской колонией...

Они знали, что по возвращении в Америку он не станет хранить молчание. После того как он выступил на массовом митинге в цирке «Модерн» в защиту Александра Беркмана, анархиста, которого в то время посадили в Америке в тюрьму, посол Дэвид Фрэнсис приставил к Риду тайных агентов с поручением следить за всеми его передвижениями. Агенты выкрали его бумажник и обнаружили в нем письма, адресованные социалистическим деятелям, с которыми он встречался в Стокгольме по пути в Россию. Сыщики ходили за ним по пятам, но, поскольку он был аккредитованным корреспондентом, американские дипломатические власти пока что вынуждены были позволить ему передвигаться по собственному усмотрению.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Неизбежно, как приход весны

«В Берлине убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург».

Из газет

Я могу ясно представить себе, как это произошло. Хмурый день, над головой нависли серые тучи, а под ногами хлюпает подтаявший снег. Под Бранденбургскими воротами проезжает автомобиль. Охранники ухмыляются и кричат сидящим в машине солдатам. Либкнехт схвачен! Пусть свершится возмездие!

Либкнехт сидит на заднем сиденье. По обе стороны его — хмуро молчащие солдаты с винтовками, зажатыми между колен. До них доносится отдаленный рокот большого города, шум почти уже подавленного восстания, в рабочих кварталах слышатся одиночные выстрелы...

На откидных местах сидят два офицера. В руках у них пистолеты. Они нервничают, оглядываются по сторонам. Ведь Либкнехта могут попытаться отбить... На переднем сиденье

шофер-солдат и рядом с ним еще один офицер. Он откинулся на своем месте и тихим голосом что-то яростно доказывает сидящему позади него офицеру...

Теперь автомобиль несется вдоль длинного шоссе. С большинства деревьев в Тиргартене листья уже облетели, и они стоят голые. На снегу под ними еще видны следы толпившихся здесь несколько дней назад восставших. Сквозь голые деревья и кустарники парк хорошо просматривается в любом направлении.

Офицер, сидящий впереди, спрашивает: «Здесь?» Офицер на откидном сиденье показывает на медленно плетущуюся лошадь, впряженную в повозку. Автомобиль проносится дальше. Наконец лошадь и повозка остались где-то позади. Нигде не видно ни души. Огромный парк пуст.

«Стоп!»

Либкнехт слегка удивлен, но, уже предчувствуя конец, поднимается и выходит. Солдаты выходят вместе с ним.

«Что случилось? — спрашивает Либкнехт.— Почему мы здесь остановились?»

Солдаты безучастны. Один офицер ухмыляется, другой слегка побледнел.

«Сейчас мы разделаемся с тобой,— свирепо говорит третий.— Черт бы тебя взял!»

Офицеры отходят от него и останавливаются на небольшом расстоянии. Солдаты становятся на равное расстояние от Либкнехта, один сзади него, другой в стороне.

Либкнехт поворачивается так, чтобы видеть их обоих.

«Товарищи,— говорит он твердым голосом.— Вы...»

Один из офицеров, не колеблясь, поднимает револьвер и стреляет. Либкнехт быстро оборачивается и хватается за горло. Один из солдат хладнокровно поднимает ружье и стреляет. Голова Либкнехта поникла, он падает на землю.

Так, или почти так, умер Либкнехт.

Он был убит международным классом капиталистов. Чего еще можно было ожидать? Но помните! Кровью Либкнехта и немецких рабочих обагрены руки немецких социал-демократов большинства, кайзеровских социалистов — Эберта, Шейдемана и прочих; это они с помощью кайзеровских солдат подавили рабочее восстание и рассчитались за эту помощь жизнью Либкнехта и Розы Люксембург.

Что же касается кайзеровских социалистов, то их победа стала их поражением. Этот последний урок был нужен для того, чтобы показать, до какой глубины падения могут дойти и дойдут «умеренные» социалисты. Я уверен, что Либкнехт

понимал, какое значение будет иметь его смерть, и был готов заплатить такую небольшую цену за победу революции в Германии...

И с такой же неизбежностью, с какой приходит весна, сбудутся через несколько месяцев пророческие слова Карла Либкнехта:

«Будущее принадлежит народу!»

Джон Рид. «О чем говорил Карл Либкнехт»

С неизбежностью, с какой приходит весна,— сказал Рид, говоря о деле, которому отдал жизнь Либкнехт. Рид взялся за перо, побуждаемый личными воспоминаниями. Он знал Либкнехта. Но не только это и, пожалуй, не столько это руководило Ридом. За Ридом пошла слава изгоя, изгоя, который пренебрег средой, его породившей, традициями, для этой среды святыми. Всесильный парламентаризм был той основой, на которую опиралась политическая вера этой среды, парламентаризм, способный охранить всю систему привилегий людей этого круга, привилегий, завоеванных ими в течение веков. В конце концов строй доводов, к которым обращался Липпмэн, вступая в единоборство с Ридом, опирался на принципы парламентаризма. Недалеко от Липпмэна ушел и Эптон Синклер, атакующий русскую революцию с тех же позиций буржуазного парламентаризма. Нельзя сказать, что выразителями взглядов Липпмэна и Синклера в Европе были немецкие социал-демократы, ибо непримиримость и воинственность последних не очень-то соответствовала туманно прекраснодушным разглагольствованиям Липпмэна и Синклера. Но прекраснодушие подчас идет так далеко, что на свой первоначальный облик становится не очень похожим.

В эту осень восемнадцатого года, когда Республика Советов, теперь в одиночку, отбивала жестокий натиск Антанты, Рид с новой силой понял, что есть солидарность буржуазии. Смерть Либкнехта встревожила мысль, обнажив в этом явлении такое, что, быть может, было скрыто до сих пор и от глаз Рида. Собственно, Либкнехт пал, ведя войну против тех сил, знаменем которых была эта солидарность буржуазии, а следовательно, и милитаризм.

> Пафос революционной борьбы Либкнехта был обращен против прусского милитаризма. Именно в беспощадной борьбе с милитаризмом Либкнехт видел живительный источник революционного духа... «Долой войну, мы хотим мира»,— заявил он. Те, кто звали себя социалистами, оборвали его примитивными средствами: они казнили Либкнехта. Статья Рида на смерть Либкнехта была и ответом некоторым из его соотечественников. Этот последний урок был нужен для того, чтобы показать, до какой глубины падения могут дойти и дойдут умеренные социалисты. Он точно обратил эти слова ко всем тем, кто не терял надежды в Америке вернуть его на позиции парламентаризма. Среди них был и Эптон Синклер.

Вы просто теоретик, Эптон,— русские же — люди дела. Для России это вопрос жизни, строительство жизни по заветам Карла Маркса. Посмотрите на вашу сегодняшнюю Европу, а уж потом говорите мне опять, что русская советская революция оказалась «помехой». Настало время, чтобы социалистическое движение очистилось от шейдеманов,— более того, от каутских,— ото всех этих людей, которые сознательно или несознательно верят в то, что только парламентаризм надежен, что социалистические лидеры могут позволить себе быть респектабельными и даже великодушными. Большевизм не для интеллигентов, он для народа.

Джон Рид. Письмо Эптону Синклеру

Возвращение на родину

Рид покинул Америку либеральным журналистом. Он вернулся в нее революционером, требующим социальных перемен. В те долгие часы, когда корабль нес Рида по холмистым просторам океана, он думал о том, что предстоит сделать ему на родине. Его ждал труд огромный. С чего начать этот труд, как его продолжить. Он пытался воссоздать в своей памяти все перипетии борьбы в России, которым он был свидетель в минувшем году. Если у русского

опыта был некий секрет, то он гласил: революция не возникает ни стихийно, ни самостийно. Как самое большое дело, в котором участвуют массы, она должна быть подготовлена и тщательно организована. Только партия, верная идее, хорошо сплоченная и организованная, способна взять на себя этот титанический труд, именуемый революцией, и повести за собой массы. Совершенно очевидно, что такой партии в Америке не было. Труд ее создания требовал времени и усилий неимоверных. Способен ли Рид взяться за этот труд, представлял ли он себе его размеры. «Хватит ли меня тут,— спрашивал себя Рид,— меня и моей жизни».

Тем временем в Соединенных Штатах обстановка усложнилась. Власти повели наступление на все прогрессивное. Первые удары были нанесены ИРМ. В Чикаго начался процесс над вожаками организации, в том числе и над ее предводителем Биллом Хейвудом. Посылая свою первую корреспонденцию из России о победе пролетарской революции, Джон Рид еще не знал, что против него, равно как и шести других сотрудников «Мэссиз», возбуждается судебное дело. Он также еще и не знал тогда, что «Мэссиз» официально запрещен и редакции удалось с большим трудом добиться разрешения на выпуск нового издания под названием «Либерейтор». Всего этого он еще не мог знать, однако поспешил на родину.

Рид выехал из России в начале февраля, но в Христиании, где он должен был сесть на пароход, направлявшийся в Америку, американский консул уведомил его, что госдепартамент отказывается выдать ему въездную визу. Пароход ушел, а следующего надо было ждать два месяца, и Рид волей-неволей остался в Скандинавии до апреля. Госдепартамент, очевидно, рассчитывал, что в течение двух месяцев Советское правительство не продержится — контрреволюция восторжествует, а тогда пусть Рид говорит и пишет, что хочет: к тому времени, когда он доберется до Америки, все это утратит интерес.

Позиция госдепартамента отнюдь не была оригинальна. В других странах, как и в самой России, было немало людей, которые уповали на скорый провал нового социального эксперимента. В ноябре Рид в письме в журнал «Мэссиз» писал: «У пролетарской революции нет иных друзей, кроме пролета-

риата». Сам он теперь уже полностью причислял себя к пролетариату.

Рид снял в Христиании комнату и нашел себе работу стенографа, дополнительно подрабатывая статьями для скандинавских газет. А все свободное время он посвящал работе над историей первой в мире победившей социалистической революции. Он твердо знал, что не только через два месяца, но и даже в будущем эта революция останется важнейшим событием века.

Рид вернулся в Нью-Йорк утром 28 апреля 1918 года. Луиза встречала его на пристани, но ей пришлось ожидать более восьми часов, пока полицейские агенты кончили обыскивать багаж и одежду Рида.

Рид собрал интересные документы. У него были подборки столичных изданий: «Русские новости», «Вестник России», «Пресс-бюллетень», издававшийся ежедневно французским информационным центром в Петрограде. Он собрал прокламации и объявления, расклеивавшиеся в Петрограде с середины сентября 1917 г. по конец января 1918 г. У него имелись официальные публикации всех правительственных законов за тот же период и даже секретные договоры и документы, обнаруженные в министерстве иностранных дел, когда его захватили большевики. Ну и, конечно, множество собственных записок.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Первое мое личное знакомство с Джоном Ридом, с замечательным человеком, истинным революционером, было весной 1918 года в редакции «Нового мира» — ежедневной русской газеты Федерации большевиков при Американской социалистической партии.

Редакция и типография помещались в рабочем районе г. Нью-Йорка на Десятой авеню. Типография в полуподвале, а редакция на первом этаже. Редакция состояла из двух комнат. В первой большой комнате находился обслуживающий персонал и товарищи, приходившие добровольно оказывать помощь в подготовке выпуска газеты. Во второй комнате за стеклянной дверью работали наши редакторы, три-четыре человека.

Однажды открывается дверь и в комнату входит высокий, крепко сложенный мужчина, истый тип американца. Громко приветствуя нас от имени Советской России, он здоровается по русскому обычаю, пожимая каждому из нас руку. От его рукопожатия я даже присел.

Своим появлением Рид как бы заполнил всю комнату, стало как будто многолюдно. На шум выбежали недовольные редакторы, которым мы помешали работать. Однако, увидев Рида, их лица расплылись радостными улыбками, шум усилился, опять приветствия, рукопожатия, объятия. На шум явились наборщики типографии.

Эта встреча с Ридом, непосредственно прибывшим из Советской России, вылилась в настоящий праздник. Нам, работникам «Нового мира», было чрезвычайно трудно освещать истинное положение в России и бороться против лживой клеветы буржуазной американской прессы на молодую Советскую республику. Мы ведь редко получали газеты и литературу из России.

Г. Ашкенузе. «Воспоминания о Джоне Риде»

Риду надо было как-то зарабатывать на жизнь, а это оказалось делом непростым из-за политических репрессий, которым подвергались радикалы.

Журнал «Мэссиз» начал выходить вновь под названием «Либерейтор», и на его страницах часто появлялись статьи Рида, как и на страницах социалистической газеты «Колл», но журналы, платившие гонорары своим авторам, боялись его, как огня. В письме к Линкольну Стеффенсу, помощью которого он хотел заручиться, чтобы вытребовать наконец свои бумаги, Рид рассказал о том, как журналу «Нейшн» пригрозили закрытием, если он опубликует его статьи. Журнал «Кольерс» вернул ему уже набранный рассказ. А больше никто не отважился вообще иметь с ним дело.

Рид был общепризнанным лучшим журналистом страны. Никто не отрицал, что собранный им материал не имеет себе равного по важности, и тем не менее ему не давали возможности написать репортаж о величайшем событии эпохи.

У него оставалось только одно — публичные чтения. Правда, за них платили мало, но зато он мог рассказать своим соотечественникам о русской революции.

Рид выступал в Бостоне, Ньюарке и Бруклине. В Детройте он начал свое выступление, обратившись к аудитории по-русски: «Товарищи...», и присутствовавшие, среди которых было много американцев русского происхождения, устроили ему овацию. А в заключение полиция арестовала наугад 150 человек, которые были выпущены только утром.

В Чикаго он выступил перед членами фабианского клуба и там присутствовал на суде над 101 членом Союза Интернациональных рабочих мира, которые обвинялись в агитации

против вступления в армию (в действительности же расправа над ними была частью общей кампании против радикалов). Среди подсудимых был Билл Хейвуд, старый товарищ Рида по забастовке в Патерсоне, которого вместе с девятью другими приговорили к 20 годам тюремного заключения.

В Филадельфии власти закрыли зал, в котором Рид должен был выступать. Тогда он увел тех, кто пришел его слушать, в тихий переулок и начал свое выступление, но был тут же арестован за подстрекательство к мятежу и антиправительственные заявления. У него потребовали залог в 5000 долларов. Через несколько месяцев его вновь арестовали в Нью-Йорке, в Бронксе, по такому же обвинению, и вновь залог был назначен в 5000 долларов. К тому времени, когда начался суд, он арестовывался трижды.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Появление Рида, живого свидетеля и участника Октября, как бы непосредственно связало нас с событиями в России. После шумных и бурных приветствий, рукопожатий и объятий Рид со свойственным ему темпераментом и страстностью начал рассказывать нам о положении в России. В комнате воцарилась гробовая тишина. С особой теплотой он говорил о своих встречах с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. После этой встречи он неоднократно появлялся в «Новом мире». Его посещения всегда вносили живую революционную струю в нашу жизнь.

Г. Ашкенузе. «Воспоминания о Джоне Риде»

В небольшой квартирке на Гринвич Вилледж, в которой поселились Джон с Луизой, что-нибудь — не одно, так другое — постоянно отрывало его от дела, и он отыскал мансарду, где можно было спрятаться от всех и, перетащив туда материалы, на несколько месяцев стал затворником; обстановка там была настолько благотворной, что, казалось, слова сами ложились на бумагу.

Работая над книгой «Десять дней, которые потрясли мир», Рид просматривал сделанные им в России заметки, приводил в порядок привезенные документы, и все виденное оживало в его памяти. Он прекрасно понимал, что ему выпал необыкновенный жребий и книга должна быть написана правдиво и ярко, чтобы выдержать испытание временем. Он хотел, чтобы эта книга заставила других проникнуться его мыслями и чувствами, но понимал, что не следует навязывать их читателю, пусть он придет к ним сам.

Говорят, что «истинное назначение писателя состоит в том, чтобы создать шедевр...». И Рид создал такой шедевр. Однако вторая часть этой сентенции — «все остальное для него не имеет значения» — совершенно не подходила Риду, он никогда не согласился бы с подобной мыслью... Рид не считал для себя возможным оставаться в стороне от идейной борьбы и политических разногласий. Он не мог не встать на защиту Советской России; всем сердцем веря в идеи Ленина о перестройке жизни, об уничтожении голода и нищеты, Рид считал себя призванным бороться за свою веру.

Через всю книгу проходит, вырастая с каждой страницей и все более овладевая нашими умами, образ Николая Ленина *; по мере того, как мы читаем эту книгу, он затмевает всех известных нам великих деятелей истории своим необычайным, я бы сказал, сверхчеловеческим пониманием экономических факторов, движущих людской борьбой. Не силой красноречия, но силой своего знания становится он главным двигателем революционных событий...

Флойд Делл. «Ленин и его эпоха»

Живой свидетель Октября — в сущности, три эти слова сопутствовали Риду повсюду, когда он вернулся в Америку. Рид пробыл в России почти год. Весна семнадцатого — ранняя весна восемнадцатого. Год, какого не знала Россия, да только ли Россия? Венцом этого года был Октябрь. Рид сейчас обладал завидной возможностью: воссоздать Октябрь с точностью летописи, запротоколировать это событие, как его может обратить в своеобразный протокол художник. Детали должны быть нерушимы, картина должна быть доступна глазу и сердцу. У Рида была привычка, обретенная еще в мексиканскую пору: посылая свой очерк в редакцию, он заключал в конверт все, что ему удалось добыть в связи с этим очерком: афиши и прокламации, собранные с рекламных тумб, удостоверения и копии указов, обращения правительства к народу и извещения государственного банка. Отправка этих документов из России была сопряжена с риском, и чемодан с документами, записями, рукописями он взял с собой

Книга виделась Риду как рассказ о революции,

* Так называли тогда В. И. Ленина многие общественные деятели за границей.

быть может, первый рассказ, в котором следовало воссоздать картину Октября. Рид хотел, чтобы эта книга явилась своеобразной исповедью перед нынешним днем, перед самим собой, возможно, даже перед Америкой. Очень хотелось соотнести рассказ о русской революции с тем, что видел Рид в последние годы, что явилось предметом его раздумий, что волновало его и тревожило. Если ему даже не удастся вспомнить Патерсон и Колорадо, если в его рассказе не возникнет Мексика, все равно мысли, которые подсказали ему великие классовые битвы, свидетелем которых он был, должны жить в этой новой книге Рида. И не беда, если в рассказ об Октябре вторгнется прокламация — картину Октября без прокламации, пожалуй, не представишь.

Рид полагал: он доберется до американского берега и уединится. Рядом будет только Луиза. Их маленькая комнатка в нью-йоркском поднебесье, для которой высота была бы своеобразным барьером, ограждающим Рида и его подругу от шума большого города, казалась Риду идеальным местом для работы над книгой. Риду казалось, что ему необходимо месяца полтора, а может, два, чтобы написать книгу, если, разумеется, все, что он накопил и, слава богу, почти довез до американского берега, будет под рукой.

Но ему рано было благодарить бога. На берегу его встретили чины нью-йоркской полиции и, показав бляхи на отворотах своих форменных плащей, забрали чемодан с документами и рукописями. Рид оцепенел: произошло несчастье, равного которому его жизнь не знала. У него отняли книгу, книгу, без которой он не мог жить. Боль была столь остра, что хотелось выть волком. Рид стал требовать возвращения рукописей. Это было не просто, но настойчивость Рида, безоглядная, победила все. Вожделенный чемодан с документами и рукописями был ему возвращен. От большого города теперь его отгораживала не только высота, но и конспирация, непроницаемая. На какое-то время он поселился в своем нью-йоркском поднебесье. Потом он покинул Нью-Йорк и уехал в горы. Так или иначе, а книга была написана.

Издатель книги, Гораций Ливерайт, обладал ка-

чествами, которые должны быть свойственны издателю ридовской книги: мужеством и осторожностью. Получив рукопись «Десяти дней», Ливерайт первое, что сделал, отпечатал рукопись в таком количестве экземпляров, чтобы конфискация наборного текста была не страшна. Рукопись была передана для набора, но тут же явилась полиция и конфисковала ее. Издатель достал из своих тайников второй экземпляр и передал в типографию. Этот экземпляр постигла та же участь. Издатель извлек третий экземпляр. Полиция конфисковала и этот текст. Но книга все же вышла. Известна даже дата выхода книги: семнадцатое марта 1919 года. Первый экземпляр Рид подарил своему издателю. Текст дарственной надписи гласил: «Моему издателю Горацию Ливерайту, едва не разорившемуся при печатании этой книги».

В начале мая книгу Рида получили в Москве, единственный экземпляр книги, и передали в Кремль. Выход книги заметили в Париже, Лондоне, Берлине. Книга обрела популярность, когда для нее уже ничего не страшно, даже если будет конфискован текст, даже если будет рассыпан набор. Иначе говоря, книга прошла тот самый рубеж, когда ей и событию, которому она посвящена, открыта дорога в вечность.

Но мы обогнали события — вернемся в Америку лета 1918 года.

А между тем весь мир лихорадило. Не один монарх и не одна «либеральная» партия Запада, стоявшая в то время у власти, дрожали от страха: большевистская «зараза» легко могла перекинуться на их страны, на рабочие партии и союзы, настроенные до сих пор так патриотично. В Америке привлекли к суду редакторов журнала «Мэссиз» (в их числе Джона Рида), одновременно поднялась истерическая кампания против «Индустриальных рабочих мира» и против иностранцев вообще. Все это было лишь прелюдией к антикоммунистическому «крестовому походу» 1919—1920 гг.

А. Р. Вильямс. «Путешествие в революцию»

В ответ на тревожные запросы наших знакомых-капиталистов об опасности Большевистской Революции в Соединенных Штатах в ближайшие две недели мы хотели бы раз и навсегда внести в этот вопрос полную ясность.

Американский рабочий класс является в политическом и экономическом отношениях самым невежественным рабочим классом мира. Он верит тому, что читает в капиталистической прессе. Он верит, что наша система заработной платы предуказана самим Господом Богом. Он верит, что Чарли Шваб — великий человек, потому что он умеет делать деньги. Он верит, что Сэмюэль Гомперс и Американская федерация труда будут защищать его интересы настолько, насколько их вообще можно защищать. Он верит, что в условиях нашей системы правления возможно наступление Золотого века. Когда у власти Демократы, он верит обещаниям Республиканцев и наоборот. Он верит, что наши законы о труде означают именно то, что в них говорится. Он предубежден против социализма...

Джон Рид. «Чикаго»

В это же время Рид разъезжает по стране. Он как будто никогда не отдыхал. Выступает на митингах, собраниях, в прессе с правдой о молодой Советской республике. Митинги, на которых выступал Рид, всегда были многолюдны. Залы не вмещали желающих послушать правду о России. Под влиянием реакции нам часто отказывались сдавать помещения для митингов. Тогда Рид выступал под открытым небом. Его неоднократно арестовывали за нарушение общественного порядка.

Г. Ашкенузе. «Воспоминания о Джоне Риде»

9 июня, 1918

Мой дорогой Стефф!

Только что получил Ваше письмо. Много раз собирался писать Вам, но не знал куда... Изредка я слышал рассказы о Ваших приключениях. Как мне кажется, Вы немало страдали — быть может, больше, чем кто-либо другой. Хотелось бы как следует поговорить с Вами.

...Я выступал со многими речами о России, а завтра еду в Чикаго и Детройт, где буду выступать на митингах. Как и Луиза, я начал писать серию статей для газетного синдиката, однако газеты побоялись даже прикоснуться к ним: некоторые редакции возвращали мне статьи, уже сданные в набор. Потом «Кольерс» взял у меня одну статью, сдал ее в печать, но тоже послал обратно. Освальд Виллард заявил мне, что если он станет печатать Джона Рида, то его орган попросту закроют!

Есть у меня договор с Макмилланом на публикацию книги, но, по моем возвращении домой, государственный департа-

мент забрал все мои материалы и категорически отказывается вернуть хоть один из них...

Поэтому я не в состоянии написать ни единого слова на величайшую тему всей моей жизни и одну из величайших тем всего мира. Представляете ли Вы себе, как я должен действовать, чтобы получить мои материалы обратно? Если они не прибудут в кратчайший срок, то с книгой ничего не выйдет — Макмиллан не возьмет ее.

На днях меня арестовали в Филадельфии, когда я пытался выступить на улице, и в сентябре я предстану перед судом по обвинению в «подстрекательстве к беспорядкам, подстрекательстве к насилию и избиению, в подстрекательстве к мятежным речам»...

Я чувствую себя вялым и переутомленным. Моя почка не в порядке — думаю, что все из-за этого. Мать ежедневно пишет мне письма, грозит покончить с собой, если я не перестану порочить доброе имя нашей семьи. На следующей неделе мой брат уезжает во Францию...

Извините меня за хандру. Сам не понимаю, зачем я выбрал такую ущербную и мрачную минуту, чтобы написать Вам. Сегодня утром я чувствовал себя довольно хорошо, и, возможно, так же будет и завтра утром...

Джон Рид. Письмо Линкольну Стеффенсу

Рид по приезде в США сразу включился в работу Левого крыла Американской Социалистической партии.

В июне 1919 года я встретился с Ридом на конференции Левого крыла. Часть американцев, исключенных уже в то время из рядов Социалистической партии, стояли за непосредственный созыв съезда для организации Коммунистической партии. Рид же настаивал на посылке делегатов на съезд Социалистической партии для захвата этого съезда, чтобы таким образом объединить наибольшее количество революционных элементов для организации Коммунистической партии.

Съезд Социалистической партии был назначен на 30 августа, съезд Коммунистической партии на 1 сентября 1919 г.

Рид с группой делегатов Левого крыла рано утром 30 августа решил занять помещение, в котором должен был состояться съезд Социалистической партии... В дверях зала стоял Джулиус Гербер, секретарь Нью-Йоркской организации Социалистической партии, которому было поручено впускать делегатов в зал. Увидев Рида, он заслонил дверь. После небольшой перебранки, дошедшей до обмена кулаками, Рид поднял Гербера на руках так, что у последнего руки и ноги болта-

лись в воздухе, дверь была свободна, и делегаты Левого крыла заняли зал. Однако через несколько минут появился Адольф Гермер, национальный секретарь Социалистической партии, в сопровождении двух полисменов и предложил очистить зал... Рид со своими делегатами перешел в другой зал этого здания, где и состоялось организационное совещание Коммунистической Рабочей партии. Другие делегаты Левого крыла во главе с Рутенбергом организовали Коммунистическую партию. Сразу же после съезда Рид уехал нелегально из США в Советский Союз...

Г. Ашкеиузе. «Воспомииания о Джоие Риде»

В этот же самый период я стала сторонницей «единого фронта» и сотрудничала с американскими коммунистами. Это было результатом моей дружбы со многими из их руководителей, а также моих контактов с ними в то время, когда до политических съездов 1919 года они еще были Левым крылом Социалистической партии. Помню встречу с Джоном Ридом и Джимом Ларкином осенью 1919 года, сразу же после их возвращения с учредительного съезда в Чикаго, когда Джон заявил с энтузиазмом: «Герли, наконец-то у нас есть настоящая социалистическая партия американского рабочего класса!»

Э. Г. Флиии. «Своими словами»

Рид защищает, Рид обвиняет

Особая роль Рида проявилась в его смелом выступлении совместно с Вильямсом и Луизой Брайант на заседании сенатской комиссии под председательством сенатора Овермена, которая преследовала цели подготовки общественного мнения для оправдания интервенции в России. Комиссия решила заслушать таких людей, как бывшего посла в России Фрэнсиса, коммерческого атташе посольства США в Петрограде Вильяма Гантингтона, «бабушку» Брешковскую*, приехавшую в США просить помощи против большевиков и др. Но под влиянием общественного мнения сенатская комиссия вынуждена была также пригласить Джона Рида, Альберта Риса Вильямса и Луизу Брайант. Здесь Рид и его друзья... смело, как революционеры, выступили в защиту Октябрьской революции.

Г. Ашкеиузе. «Воспоминаиия о Джоие Риде»

* Брешко-Брешковская (1844—1934) — эсерка, враг Советской России. В демагогических целях эсеры звали ее «бабушкой русской революции».

Смело, как революционеры — именно так следовало назвать и оценить выступление перед комиссией сената тех, кто некогда составлял «кружок Рида». У этого события была своя история. Официальная Америка шаг за шагом как бы следовала за Ридом, регистрируя его поведение в России с точностью сейсмографа. В сенате, госдепартаменте, в соответствующем управлении, ведающем слежкой за инакомыслящими, заводятся досье на Рида. Все идет к тому, чтобы дождаться его возвращения и предъявить ему соответствующий иск. Это тем более актуально, что в стране начат «поход на ведьм», прообраз тех походов, которыми прославилась Америка в более поздние времена.

Междоусобица среди американских социалистов принимала достаточно острые формы. Власти внимательно следили за всеми поворотами борьбы. Пока шла эта борьба, официальная Америка молчала, очевидно надеясь, что левые изрядно поколотят друг друга, поколотят настолько, что во вмешательстве третьей силы не будет необходимости. Впрочем, официальная Америка не тратила времени напрасно. Сенат запросил все виды материалов на Рида и его товарищей, входивших в петроградский кружок Рида, а именно: Луизу Брайант, Бесси Битти, Раймонда Робинса и Альберта Риса Вильямса. Материалы были собраны, тщательно исследованы и обобщены. Обвинение гласило: находясь в России, Рид и его товарищи готовили заговор. Цель заговора — свержение существующего строя в США.

Итак, пока шла борьба между левыми, официальная Америка молчала, сохраняя в тайне содержимое пяти больших папок с обвинительными заключениями против Рида и его товарищей. Но как только борьба среди левых поутихла, газеты сообщили о начале дела: Рид и его друзья были вызваны в сенатскую комиссию Штатов. Своеобразный процесс над умом и совестью Америки, точная стенограмма которого до сих пор хранится в сенате, начался. Открывая этот процесс, официальная Америка хотела осудить революционную Россию, ее строй, ее общественные институты, идеалы, которые она исповедует, цели, к которым она стремится, а заодно американских друзей революционной России

и вместе с ними грядущую Америку, какой они видели ее в своем сознании, в своих потаенных мечтах. Знали ли те, кто начал это судилище против Рида и его друзей, что оно обернется против них самих? Знали ли они, что этот процесс обернется судом над официальной Америкой, судом, который давно перестанет быть историей и войдет в день нынешний — и сегодня наши современники судят американский сенат по делу Джона Рида.

Пять раз Рид представал перед судом, но ни разу против него не было вынесено обвинительного приговора. Почему? Отчасти потому, что материалы обвинения не подтверждались материалами дела. Отчасти благодаря умелой защите Рида, переходившего от обороны к нападению. Но было еще одно обстоятельство, сыгравшее в этом, быть может, решающую роль: дело в том, что власти Соединенных Штатов хотели изобразить коммунизм... чуждым продуктом, импортированным на девственно чистую американскую землю. Между тем Рид как со стороны отца, так и со стороны матери был «стопроцентнейшим» американцем. Его предки приехали в Америку в 1607 году. Один из них подписал Декларацию независимости, другой был генералом в армии Георга Вашингтона, третий — полковником в войсках северян. Осудить такого человека как коммуниста было слишком невыгодно. Но рано или поздно он был бы осужден...

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

М-р Рид. Я поехал в Европу сразу же после начала войны. Я находился на побережье в тот день, когда война началась, и тут же отправился в Европу. Я прибыл в Париж как раз во время битвы на Марне.

М-р Хьюмс. Долго ли вы тогда находились во Франции?

М-р Рид. Я находился там три или четыре месяца.

М-р Хьюмс. Куда вы направились из Германии?

М-р Рид. Из Германии я направился в Англию. Я приобрел билет на «Унтер ден Линден» и отплыл в Англию, а оттуда обратно во Францию.

М-р Хьюмс. Сколько времени вы находились во Франции?

М-р Рид. Несколько дней. После этого я вернулся в Англию, а оттуда на родину.

М-р Рид. Я вернулся в Соединенные Штаты примерно в феврале и через месяц или, возможно, несколько позже снова выехал в Европу.

М-р Хьюмс. Сколько вы пробыли в России?

М-р Рид. Около двух месяцев.

М-р Хьюмс. После этого вы вернулись в Соединенные Штаты?

М-р Рид. После этого я вернулся в США через Румынию, Сербию и Болгарию...

М-р Хьюмс. Когда вы снова поехали в Европу?

М-р Рид. Насколько мне помнится, семнадцатого августа семнадцатого года.

М-р Хьюмс. Семнадцатого августа тысяча девятьсот семнадцатого года? В этой поездке вас сопровождала жена?

М-р Рид. Да.

М-р Хьюмс. Вы, полагаю, получили для этой поездки паспорта?

М-р Рид. Да.

М-р Хьюмс. При получении паспортов вы давали какие-либо заверения государственному департаменту?

М-р Рид. Да. Не помню точно, в каких выражениях, но помню, мне было предложено заявить, что я не буду представлять Социалистическую партию на Стокгольмской конференции.

Сенатор Уолкотт. Не можете ли вы сообщить нам, почему вы возражаете против принесения присяги?

М-р Рид. Я возражаю против принесения присяги потому, что считаю недостойным связывать себя подобным образом. Я верю своему слову и полагаю, что и другие должны ему верить. Я не намерен лгать.

Сенатор Уолкотт. В таком случае вы не хотите присягать скорее из гордости, чем вследствие ваших убеждений?

М-р Рид. Я возражаю против присяги, потому что таковы мои убеждения. Я не понимаю, почему я должен присягать на особой книге. Все это связано с религиозной догмой, которую я отвергаю...

М-р Хьюмс. Участвовали ли вы в политической деятельности, когда были в России?

М-р Рид. Да, мою деятельность там можно назвать политической.

М-р Хьюмс. Вы ведь выступали в России с речами?

М-р Рид. Я произнес несколько речей, но не политического характера, причем я выступал не как политический деятель и не как представитель какой-либо политической организации.

М-р Хьюмс. Вы выступили на Третьем съезде...

М-р Рид. Советов.

М-р Хьюмс *(продолжая)* ...на Третьем съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, так ведь?

М-р Рид. Да.

М-р Хьюмс. Вы, мистер Вильямс и мистер Рейнштейн — вы все выступали там?

М-р Рид. Да.

М-р Хьюмс. Ваша политическая деятельность, очевидно, не ограничилась этим?

М-р Рид. Я был членом Бюро интернациональной революционной пропаганды при комиссаре по иностранным делам...

М-р Рид. Мы принимали участие в издании газет, а мне лично было поручено следить за правильностью перевода декретов и других документов советского правительства на английский язык. Перевод как таковой не входил в мои обязанности. Меня интересовала лишь правильность перевода. Я также участвовал в сборе и подготовке материалов и информации, предназначенных для немецких окопов.

М-р Хьюмс. Сколько газет вы тогда издавали, в скольких изданиях вы сотрудничали?

М-р Рид. Я был маленьким винтиком в этой машине. Я лишь получал материал и передавал его различным группам... Газеты редактировало пресс-бюро. Оно издавало одну газету на немецком языке... Мы распространяли ежедневно полмиллиона экземпляров этой газеты и, кроме того, полмиллиона экземпляров газеты на венгерском языке, четверть миллиона на чешском, четверть миллиона на румынском, четверть миллиона на турецком языке. Помимо этого мы переводили все декреты...

М-р Хьюмс. Вы наблюдали случаи голодной смерти?

М-р Рид. Я не был свидетелем случаев голодной смерти. Однако я видел очень голодных людей, и сам нередко бывал очень голоден...

Сенатор Уолкотт. Если учесть все изложенные вами факты, выходит, что советское правительство более умело и рационально организовало производство боеприпасов, чем прежнее правительство России?

М-р Рид. Да, безусловно! Я считаю, что капиталистическое правительство вообще не способно хорошо организовать производство.

М-р Хьюмс. Считаете ли вы, что любая газета или общественный деятель имеет право требовать изменения формы правления таким путем, который предусмотрен Декларацией Независимости или конституцией?

М-р Рид. Я думаю, что никакое изменение формы правления не должно быть допущено до тех пор, пока большинство народа не выскажется в пользу такого изменения, и что на пути к осуществлению воли большинства не должно быть никаких препятствий.

М-р Хьюмс. И вы полагаете, что, если большинство народа пожелает изменить форму правления, могут быть оправданы любые средства для достижения цели?

М-р Рид. Если этого можно достигнуть законным путем, не думаю, чтобы существовало оправдание или предлог для применения силы...

М-р Хьюмс. Не высказывались ли вы публично в пользу революции в Соединенных Штатах, подобно революции в России?

М-р Рид. Я всегда выступал за революцию в Соединенных Штатах.

М-р Хьюмс. Вы выступали за революцию в Соединенных Штатах?

М-р Рид. Революция не обязательно означает применение насилия. Под революцией я понимаю глубокие социальные изменения. Я не знаю, каким путем они могут быть осуществлены.

М-р Хьюмс. Не создается ли после ваших речей впечатление, что вы пропагандируете насильственное свержение власти?

М-р Рид. Возможно.

Сенатор Уолкотт. Вы намеренно создаете у аудитории такое впечатление?

М-р Рид. Я считаю, что воля народа должна в конечном итоге осуществляться, воля громадного большинства народа будет осуществлена.

Сенатор Уолкотт. Считаете ли вы необходимой национализацию промышленности и земли в нашей стране подобно тому, как это было сделано советским правительством в России?

М-р Рид. Я бы высказался в пользу национализации промышленности и земли, но остается вопрос о методе. У меня никогда не возникало мысли о том, что национализация не может быть осуществлена мирным путем. И я сейчас думаю, что, если большинство населения нашей страны будет за национализацию, народ своего добьется.

Сенатор Уолкотт. Приходилось ли вам в ваших поездках по Соединенным Штатам высказываться в пользу национализации промышленности и земли в Америке по образцу русских Советов?

М-р Рид. Нет, хотя я уже говорил, что считаю национализацию хорошим делом и хочу отметить успехи, достигнутые в этом отношении в России. Я не думаю, что национализация должна быть проведена во всех странах точно так же, как в России. Каждая страна в соответствии со своими условиями найдет свои особые пути, но думаю, что к этому придут все страны. Вот почему я считаю, что советское правительство в России совершает великое дело. Я не хочу этим сказать, что в Германии или в Соединенных Штатах национализация произойдет точно таким же образом. Каждый народ, вероятно, изберет свой путь. Я не хочу предрекать, каким он будет. У меня есть лишь одно желание — увидеть рабочий класс организованным. Мне хочется, чтобы люди хорошо разбирались в экономике, понимали свои классовые интересы и научились вместе бороться за них...

Сенатор Уолкотт. Если народ не добьется национализации, не сможет добиться своего конституционным путем, это лишь докажет, что народ этого не хочет.

М-р Рид. Я не знаю, окажется ли наше правительство достаточно гибким, чтобы осуществить такие мероприятия, когда они встанут в порядок дня.

Сенатор Уолкотт. Для этого нам пришлось бы изменить конституцию.

М-р Рид. Однако нам не пришлось менять нашу конституцию для того, чтобы без объявления войны послать войска в Россию.

Сенатор Уолкотт. Нет, мы имели законное право поступить таким образом.

М-р Рид. Нам не понадобилось менять конституцию в

той ее части, где говорится, что свобода слова не может быть ни ограничена, ни отменена, однако нередко она и ограничивается и отменяется...

Сенатор Уолкотт. Вам, очевидно, следовало разъяснить аудитории, что, произнося слово «революция», вы не имеете в виду насилия.

М-р Рид. Я считаю, что воля народа будет выполнена, и если народ не добьется своей цели мирным путем, он сделает это при помощи силы. Хотя мирный путь еще никогда не приводил к цели, я считаю, что он вполне возможен. Если и в самом деле говорил что-либо, выходящее за рамки закона, я готов нести за это ответственность. Да, я — революционный социалист...

М-р Рид. А я хочу включить в свой ответ слова о том, что законы создаются всегда людьми, стоящими у власти. У правительства Советской России есть свои законы... Дело в том, что закон, принятый при жизни одного поколения, может быть неприемлем для другого поколения. «Синие» законы штата Коннектикут, записанные в статуте этого штата, равно, как и закон, запрещающий мужу целовать свою жену по воскресеньям, сейчас фактически недействительны... Моя мысль заключается в том, что форма законов и форма государственной власти должны соответствовать времени, характеру народа, условиям его жизни, этим требованиям должны отвечать и правительства, по крайней мере демократические правительства.

Протоколы Юридического Комитета сената США. 21.11.1919.

«Десять дней, которые потрясли мир»

Прием, оказанный книге «Десять дней, которые потрясли мир», когда она вышла в издательстве «Бони энд Ливерайт» в марте 1919 г., был данью мастерству Рида как журналиста. Она появилась в тот момент, когда антикоммунизм в Америке достиг наибольшего накала. Агенты генерального прокурора А. Митчела Пальмера преследовали радикалов по всей стра-

не (так называемые «пальмеровские налеты»), и более десяти тысяч человек были посажены в тюрьму. Тем не менее книга Рида силой и мастерством репортажа победила политические предрассудки и вызвала огромный интерес не только у читателей, но и у критиков. Она получила положительные отклики в таких газетах и журналах, как «Нью-Йорк Америкен», «Филадельфия паблик леджер», «Лос Анжелос таймс», «Ревью оф ревьюс». Через три месяца было распродано три тиража и вышел четвертый. Причем эти четыре тиража вовсе не отражают реальное число читателей — «Десять дней, которые потрясли мир» читались нарасхват, и одна книга проходила через сотни рук — в лагерях лесорубов, на заводах и фабриках,— пока буквально не рассыпалась на отдельные страницы. В разных странах вышли переводы — в том числе и в России. Ленин нашел ее настолько правдивым отражением революционных событий, что написал к ней предисловие, которое печаталось во всех последующих изданиях.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Портрет Ленина делает «Десять дней» неоценимыми для каждого, кто хочет понять наше недавнее прошлое и ближайшее будущее; эпоху, которую, по справедливости, грядущие историки назовут по имени ее величайшего политического деятеля — эпохой Ленина.

Флойд Делл. «Ленин и его эпоха»

На первый взгляд кажется странным, как мог написать эту книгу иностранец, американец, не знающий языка народа, быта... Казалось, он должен был бы проглядеть многое существенное.

Н. К. Крупская. Предисловие к русскому изданию «Десять дней, которые потрясли мир»

Н. К. Крупская о книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»:
«Это почти чудо...»

Записано Луизой Брайант

Внимательно вглядывался он в жизнь, жизнь учила его ненавидеть буржуазный строй, понимать его классовую сущность, хитрую механику его устройства. Не случайно Рид стал целиком на сторону Октябрьской революции, на сторону Советской власти.

Пережив Октябрьскую революцию и вернувшись в Амери-

ку, Джон Рид смотрел на окружающую его американскую жизнь уже не глазами еще ищущего выхода критика, а сознательного борца...

Н. К. Крупская. Предисловие к книге рассказов Джона Рида «Дочь революции»

Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

В. И. Ленин. Предисловие к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»

Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров...— писал Ленин и как бы предрек ее необыкновенную судьбу. Итак, Рид вернулся в Россию уже автором книги «Десять дней, которые потрясли мир». Мы знаем, что Рид разговаривал с Лениным и не раз. У нас нет данных о содержании их бесед, но очевидно, речь шла и о книге Рида. В Америке готовилось новое издание «Десяти дней», и Ленин обещал Риду сопроводить это издание своим предисловием. Предисловие Ленина помечено двадцатым годом, но, возможно, мысль о предисловии возникла в их беседах раньше, тем более что их новая встреча совпала с выходом книги. Можно допустить, что предметом их беседы была и новая книга Рида «От Корнилова до Брест-Литовска» — о намерении написать ее Рид говорит в «Десяти днях». Так или иначе, а свое новое пребывание в России Рид использовал для сбора материала и к этой новой книге о России. Возможно, процесс сбора материала уже заканчивался, и именно поэтому Рид выехал из России. Как это было с

«Десятью днями», Рид намеревался написать новую книгу в Нью-Йорке, отгородившись от повседневных дел. Он говорил о своей новой книге с русскими друзьями, обсуждал ее план. Книга должна была раздвинуть пределы той картины, которую он нарисовал в «Десяти днях». Предполагалось, что новая книга будет самостоятельной, но в сочетании с «Десятью днями» воссоздаст единую картину революции, единую и масштабную. Рида звали на родину и события, происходящие в этот момент на Американском континенте.

В сентябре 1919 года в стране вспыхнула одна из самых крупных стачек за всю историю США. В ней приняло участие до полумиллиона сталелитейщиков из десяти штатов. Стачку возглавили руководители левого крыла Чикагской федерации труда, а организатором выступлений рабочих стал Уильям Фостер. Эта весть воодушевила Рида — такого размаха борьбы рабочая Америка, пожалуй, не знала. Но вслед за радостной вестью пришла печальная: обе компартии страны были запрещены. В стране начались массовые аресты. В списке тех, кто подлежал аресту, был и Рид. Он полагал, что должен быть на родине, и покинул Россию. Но поездка на родину чуть не закончилась для Рида трагедией. Иных путей поездки в Америку, кроме нелегальных, у Рида не было. Ему удалось проникнуть на финский пароход, идущий в Швецию. Но в финском порту Або полиция, осматривая трюм, арестовала Рида, конфисковав все его бумаги и деньги. Потом Рид долго размышлял над тем, было ли это предательством или случайностью.

Начало целому потоку книг положили вышедшие в свет в конце 1918 и начале 1919 года: «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида и «Шесть месяцев в красной России» его жены Луизы Брайант. Разоблачению продажности царского двора и влияния развратного монаха Распутина была посвящена книга «Последние дни Романовых», автором которой был корреспондент газеты «Пари тан» Риве. Корреспондент лондонской «Дейли геральд» Генри Брейлсфорд написал книгу «По ту сторону блокады». Альберт Рис Вильямс, в то время военный корреспондент американского журнала «Аутлук» в Европе, отправился в Россию в 1917 году. Он написал

«Сквозь русскую революцию», позднее — «Русская страна» и «Советы», а также «Ленин — человек и его дело» и «76 вопросов и ответов» о советском строе. Все его книги представляли собой восторженный рассказ о новой России. Он объехал все Соединенные Штаты, читая лекции о том, что он видел в России. Ричард Уошберн Чайлдс, бывший американским послом в Италии во времена президента Вильсона, написал книгу «Политическая Россия». Все эти книги выпускались известными издательствами.

Немного позднее военный корреспондент газеты «Манчестер гардиан» Артур Рэнсом опубликовал свои книги «Россия в 1919 году» и «Кризис в России» (1921 год). В 1921 году в Россию отправился Уильям Фостер. Там он написал серию статей для рабочей прессы Соединенных Штатов, объединенных впоследствии в книгу «Русская революция». Было опубликовано много бесед с Лениным, и в числе их беседы Г. Дж. Уэллса из Лондона, полковника Раймонда Робинса из американского Красного Креста, Бесси Битти из сан-францисской газеты «Кроникл» и Линкольна Стеффенса, заявившего: «Я видел будущее, и оно действует».

Э. Г. Флинн. «Своими словами»

В застенках финской тюрьмы

Рид обдумывал планы новых произведений. Он, конечно, не мог предположить, что «Десять дней, которые потрясли мир» окажется его последней книгой, которую он опубликует. Для него она была первой частью серии, лишь началом выполнения обязательства, взятого им на себя, когда он приехал в Петроград осенью 1917 г. Он рассчитывал написать по меньшей мере еще два тома — их примерное содержание уже вырисовывалось в его голове. Один он предполагал назвать «От Корнилова до Брест-Литовска» и описать в нем деятельность революционных организаций, а также структуру советского государства. В «Дыме восстания» он собирался изложить свои первые впечатления после приезда в Россию и все то, что принесет будущее.

Чтобы осуществить эти планы, Рид, конечно, должен был вернуться в Россию, к совершенно неожиданно ему представилась такая возможность. В сентябре месяце Коммунистическая рабочая партия решила послать его делегатом на съезд Коммунистического Интернационала в Москве.

Выехать из страны законным путем ему было трудно — он знал, что госдепартамент никогда не выдаст ему паспорта. Но ирландский революционер Джеймс Ларкин помог ему раздобыть документы на чужое имя, и он нанялся кочегаром на скандинавский пароход. В Бергене он тайно сошел с парохода, через Финляндию, враждебную большевистскому режиму, добрался до России, где все еще продолжалась гражданская война, и в декабре приехал в Москву.

Его радостно встретили старые друзья, с которыми он сблизился в первые дни революции, а также бесчисленное число новых, приобретенных благодаря книге «Десять дней, которые потрясли мир». Как почетному гостю ему предложили удобную квартиру с питанием, но он отказался. Рида поражало мужество народа, не устрашившегося ни голода, ни болезней, бороться с которыми мешала блокада, препятствовавшая доставке продовольствия и медикаментов. Он поселился в комнате в рабочем районе и сам готовил себе еду на железной печурке.

При первой же возможности он отправился в поездку по стране, чтобы увидеть, какие перемены произошли за последние два года. По ухабистым дорогам и замерзшим рекам он ездил из города в город, из деревни в деревню, присутствуя то на суде, то на спектакле рабочего театра, собирая статистические данные об урожае пшеницы и картофеля, о числе строящихся школ. Он беседовал с крестьянами, солдатами, рабочими на заводах. Это была та жизнь, которую он любил, и его записные книжки быстро заполнялись. Он вернулся в Москву переполненный впечатлениями, которые собирался изложить на бумаге, но очередная неожиданность помешала ему сделать это. Еще до его отъезда из Америки там были запрещены как коммунистическая, так и рабочая коммунистическая партии. Теперь Рид узнал, что против 123 членов этих организаций выдвинуты новые обвинения. В списке стояло и его имя, а потому, как и раньше, он решил вернуться и предстать перед судом, хотя ему почти наверняка грозила тюрьма. Он попытался выехать — сначала через Латвию, но перейти линию фронта оказалось невозможным. Тогда он спрятался в бункере финского парохода, идущего в Швецию...

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Я примостился на стремянке внутри железного ствола, где-то глубоко в самом «кишечнике» корабля. Меня окружала кромешная, удушливая тьма. Прямо над моей головой была латунная крышка люка, ведущего на палубу. От поднимав-

шегося снизу горячего воздуха и лютого мороза снаружи металл «потел»: крупные капли вонючей воды падали мне на голову, стекали по спине.

По латунной плите топали чьи-то ноги, до меня доносились мужские голоса и хриплый кашель. А подо мною, поперек зияющего зева ствола мелькали лучи карманных фонариков — финские полицейские и таможенники обшаривали все углы и закоулки судна.

Мы причалили в четыре часа. В восемь внизу послышался легкий свист. Я спустился вниз и, следуя за язычком спичечного пламени, нашел в углу свою одежду. Голос из-за узкой железной двери нервно торопил меня: «Быстрее! Ради Христа — быстрее!» И вдруг — шаги сверху вниз... Я распластался в углу. Кто-то неизвестный прошел мимо...

Потом чья-то рука схватила мою руку, и мы двинулись сквозь корабельную ночь, поднялись по стремянке, затем по внутреннему трапу и выбрались на палубу, залитую слепящим светом дуговых прожекторов. Меня обдал резкий холод — словно кто-то ударил меня. Здесь была настоящая зима — снег на крышах, снег и лед на земле. Судно стояло у причала. Два гигантских крана уже погружали свои тросы с крюками в передний трюм. Грузчики оттягивали стропами огромные ящики, извлекаемые из корабля, и что-то дружно кричали. Что было в этих ящиках? Как мне сказали, это были танки в разобранном виде. Не предполагалось ли двинуть их на Петроград вместе с частями финской армии? Ведь то была Белая Финляндия, страна, где революция оказалась сломленной, страна буржуазного террора.

На палубе были люди в военной форме, в шапках, украшенных золотой тесьмой, и с полдюжины полицейских в серой форменной одежде, с револьверами, подвешенными к ремням. А еще здесь околачивалось несколько бездельников — с виду рабочие. Я знал, что меня должны встретить два человека; как только сойду на берег, они покажутся, начнут удаляться, а я пойду за ними.

Мой гид потащил меня вперед к трапу. Но у его верхнего конца стояли два корабельных офицера, а у нижнего — полицейский. Мы попятились назад, юркнули в какую-то дверь и спустились на полубак. Не переводя дыхания, продолжая быстро двигаться, мы вскоре очутились на грузовой палубе, где рабочие возились с такелажем подъемных лебедок. Здесь царила шумная суета. Мы увидели грузовой трап, у его подножия переминались с ноги на ногу несколько чиновников таможни.

«Вот так! А теперь шагай!» — шепнул мне стоявший около меня человек и сильно подтолкнул меня в спину. Спотыкаясь, я двинулся вперед, сбежал по трапу, локтями пробил себе путь сквозь группу таможенников, всем своим видом показывая, что я здесь занят важным делом. Не глядя по сторонам, я засеменил вдоль причала. Стоявший прямо передо мной полицейский недоверчиво, даже подозрительно посмотрел на меня, но прежде чем он мог собраться с мыслями, я успел пройти мимо него. От стены пакгауза отделились две фигуры и направились вверх по темной улице. Я последовал за ними...

А в небе над головой мерцали звезды, и снег на улицах и крышах искрился в обжигающем морозном воздухе. Вдали, на пригорке, сияло огнями большое строение — тюрьма, переполненная политическими заключенными. Улицы в районе порта тонули во мраке, но по мере нашего приближения к центру этого маленького городка, появились фонарные столбы, какое-то кафе и фабрика, где работала ночная смена. У пересечения улицы с железной дорогой взад и вперед шагали часовые со штыками, примкнутыми к винтовкам. Рядом я увидел казарму. За освещенными окнами мелькали солдаты в полном боевом снаряжении — в касках и с противогазами. Везде сновали пешие и конные полицейские. Мне запомнились их крупные револьверы...

Джон Рид. «В финской тюрьме»

Говорят, что американское правительство потребовало моей выдачи, не знаю, на каком основании. Сомневаюсь, чтобы финнам удалось сделать это без суда и без обвинительного приговора. Впрочем, никогда нельзя сказать заранее, как поступит буржуазное правительство...

Что касается здешних американских представителей, они, разумеется, ни разу не явились и даже не дали мне знать о себе. Что ж, спасибо. Не желаю от них никакой помощи.

Джон Рид. Письмо Луизе Брайант

Его арестовали и посадили в одиночную камеру. Ему было запрещено писать или получать письма. Он искал способ сделать свой арест достоянием гласности, и, наконец, через либерально настроенную финку Айно Мальмберг ему удалось послать сообщение о том, что его казнили. Десятого апреля нью-йоркские газеты объявили о его «казни». Хитрость Рида удалась: государственный департамент вынужден был дать опровержение — Рид жив и находится в Финляндии. Теперь

он получил возможность написать Луизе. «Финны поставили меня в известность,— сообщил он,— что держат меня в тюрьме по просьбе правительства Соединенных Штатов».

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Финны просят американского посла Маркгрудера дать мне паспорт. Если он сделает это, что практически невозможно, то я немедленно отправлюсь в Стокгольм и, изучив ситуацию, буду действовать соответственно положению. Если он не даст паспорта, то финское правительство предложит мне покинуть страну в 24 или 48 часов... Я попросил, если мне велят оставить страну, поехать в Эстонию: прошу пропуска у эстонского правительства.

Джон Рид. Письмо Луизе Брайант

ЛУИЗЕ БРАЙАНТ

Ливнем ворвавшийся гомон птиц,
Яблони цвет, словно белый дым,
Звон колокольчиков, капель звон,
Ветром разбуженный гладкий пруд,
Ивы плакучей зеленые пряди,
Новой травы молодые ростки,
Синяя птица на дубе черном —
Все вплетено в мою песнь о тебе.
Стройнее березки любовь моя
Белеет средь тени лесной.
Бесстрашна в невинности и чистоте
Ее глаз хрустальная гладь.
Будь я слеп и глух к красотам Весны,
Сердца счастливая дрожь
Все равно сказала бы мне — «Пой!
Вот любовь твоя, рядом с тобой».
Все, что умею, все, что могу,
Я к ногам твоим положу...
Пусть тоска по тебе через море летит,
Пусть летит в этот дальний путь,
Чтобы бабочкой легкой к тебе прильнуть,
На твою опуститься грудь.
Красным пламенем скоро займется заря,
И свободу я обрету —
Я приду к желанной...

Джон Рид

Все еще ни полслова. Это ужасно — ожидать вот так, день за днем, да еще спустя три месяца. Мне нечего читать, нечего делать. Спать я могу только около пяти часов, а двенадцать

часов бодрствую, пригвожденный к маленькой клетке. Это моя тринадцатая неделя...

8 часов вечера. Только что, сию минуту пришла весточка. Я поеду в Ревель субботним пароходом из Гельсингфорса.

Джон Рид. Письмо Луизе Брайант

Сделайте, что возможно, чтобы мне помочь,— писал Рид из финской тюрьмы советскому дипломату Гуковскому. Рида вырвали из финской тюрьмы — он вернулся в Россию. Возвратившись в Москву, Рид поселился в рабочей семье где-то на Красной Пресне. Все, с кем общался Рид в ту пору, отмечают: его разговорный русский заметно прогрессировал. Но совершенствование разговорного русского было, очевидно, не единственной причиной, вызвавшей его переселение на Красную Пресню. С настойчивостью, свойственной его цельной и целеустремленной натуре, Рид продолжал изучать жизнь новой России. Все, кто знал Рида в это время, отмечают: он не расставался со своей записной книжкой. Все чаще Рид оставлял столицу, выезжая в Подмосковье. Он говорил о новой книге, замысел которой медленно, но верно вызревал в его сознании. Все указывало на то, что план книги «От Корнилова до Брест-Литовска» претерпел в сознании Рида изменения. Книга, о которой он думал сейчас, по всему, должна была быть иной книгой. Какой? Существует мнение, что Рид оставил поэзию и ушел в политику, стремясь исследовать жизнь. Наверное, была доля правды в том, что у него было намерение обратиться к прозе, большой прозе — его друзьям было известно желание Рида написать художественную хронику нового мира, нечто напоминающее новую человеческую комедию. В его сознании происходила борьба: посвятить себя литературе или уйти в большую политику. Но эти два намерения не были антагонистами. В конце концов, он мог обратиться к исследованию жизни и в этой связи уйти в большую политику. Именно, не порывая с тем, что условно можно назвать большой политикой, создать нечто значительное в литературе. В том, что уже написал Рид, прочерчивалось нечто единое. В его европейской, мексиканской и русской книгах был единый замысел. В сущности, это была одна

книга о революционной буре, как она вызрела в нашем веке и потрясла мир. Конечно же, это были разные книги, в частности, и по своей манере, но содержание было именно таким: революционная буря. Возможно, работа Рида «От Корнилова до Брест-Литовска» должна была явиться своеобразным завершением «Десяти дней», но даже без нее три книги, написанные Ридом, объединены одним замыслом и в какой-то мере являются произведением законченным. Важно установить хотя бы контуры того большого, к чему обращался Рид в своих творческих мечтах. Но слишком не щедры данные, которые нам остались, чтобы мы имели возможность детализировать этот замысел Рида. Если же опереться на то немногое, чем мы располагаем, то есть возможность сказать следующее. Эта книга должна явиться в какой-то мере продолжением того, что написал Рид и что он сотворил, как человек и революционер. Поэтому это должна быть книга о революционном веке, о поступательном движении революции. В ней, в этой книге, будет два полюса. Действие будет происходить на этих полюсах: Россия и Америка. Книга обнимет социальные категории, доступные Риду. Конечно же, тут были белые пятна, и Рид думает о том, как их заполнить. Белые пятна, касающиеся существа материала, который накапливал Рид, и литературного опыта автора. Именно, литературного опыта автора. Человек, находящийся в положении Рида, не мог не осознать: судьба привела его на отчую землю Толстого и Достоевского. Как ни насущны политические дела, которыми живет Рид, эта мысль постоянно вторгается в его сознание: на отчую землю великих русских художников. Может быть, поэтому мысль о Толстом, Достоевском, Гоголе, Тургеневе соседствует в его сознании с делами остронасущными. В этой связи, наверное, не случайно в том же издательстве, в каком вышли «Десять дней», была напечатана повесть Тургенева «Дым». Автором предисловия был Рид. В предисловии есть такие строки:

«Тургенев был из плеяды великих русских романистов, выступивших вслед за Гоголем, он явился предшественником и вместе с тем современником

таких писателей, как Толстой и Достоевский. Особенности русского реалистического романа, существенно отличающегося по своему творческому методу от западноевропейского, могут быть объяснены во многом политическими условиями русской нации».

А сейчас Рид ехал в Эстонию, чтобы кратчайшим путем попасть в Москву.

Анкета для получения эстонской визы

1. Имя — Джон Сайлес
2. Фамилия — Рид
3. Дата и место рождения — 22 октября 1887 г. Портленд, штат Орегон, США.
4. Профессия — журналист.
5. Постоянное местожительство — в Нью-Йорке с 1911 года.
6. Национальность и вероисповедание — Американец.
7. Подданство — Американское.
8. Состав семьи — Жена, урожденная Анна Луиза Могэн.
9. Имя и местожительство родителей — Чарльз и Маргарет Рид. Портленд, штат Орегон, США.
10. Паспорт или другой документ (кем и когда выдан, номер) —
11. Куда направляется? — Петроград.
12. Цель путешествия — В качестве журналиста.
13. На какой срок?
14. Жили ли в Эстонии, где и когда?
15. Кто рекомендует Вас в Эстонии? — Гуковский.
16. Особые приметы (цвет волос, глаз и пр.) — Глаза серые, волосы каштановые. Подпись: Джон Рид.

Мистеру Гуковскому. Русское представительство в Ревеле (надпись на конверте).

Або, Финляндия, 20 мая, 1920.

Товарищу Гуковскому. Русское представительство в Ревеле, Эстония.

Дорогой товарищ Гуковский, меня скоро освободят здесь из тюрьмы, и я хотел бы вернуться в Советскую Россию через Эстонию. Я уже обратился за разрешением к эстонским властям.

Пожалуйста, сделайте, что возможно, чтобы мне помочь.

С братским приветом Джон Рид.

Джон Рид. Письмо И. Э. Гуковскому

Рида поразили перемены, которые произошли в Москве за три месяца его отсутствия. Была весна, и сады стояли в цвету. Ремонтировали разрушенные дома, заново красились общественные здания. В переполненном театре Шаляпин пел в «Фаусте». Россия была преисполнена оптимизма, несмотря на страшные опустошения и тяжелые условия жизни — победа осталась за советской властью, и гражданская война приближалась к концу.

Однако его русским друзьям не понравились перемены, которые произошли с ним самим. За долгие недели, проведенные в сырой камере, где его кормили сырой рыбой, он исхудал и ослаб. Все, кто его знал, не сомневались, что он болен. Однако Рид вновь погрузился в лихорадочную деятельность: посещал заседания Второго конгресса Коммунистического Интернационала, писал доклады.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

1920-й

По часам Сухаревки, видневшимся из окна, мы вдруг втроем бросались на бумагу, состязались в быстроте наброска, вызывая удивление Джона Рида, Голичера и других заезжих, осматривающих нас иностранных товарищей и путешественников.

В. В. Маяковский. «Прошу слова»

Как-то Керженцев привел человека: «Вот американец интересуется». Маяковского не было. Черемных и Малютин *, работая, переговариваются во весь голос: «Ходят тут, околачиваются, работать не дают. До чего я этих американцев не терплю, ни уха, ни рыла в искусстве не понимают, а туда же, интересуются». «Эй, ты, американец, ну вот смотри: это Ллойд Джордж». Кивает — дескать, да, понимаю. «А это вот Клемансо...» И еще сколько-то ласковых слов. Кивает. Черемных пошел к Керженцеву... «Мы с ним сговориться не можем».— «Отчего? Он прекрасно говорит по-русски. Это Джон Рид».

Л. Ю. Брик. «Из воспоминаний о стихах Маяковского»

* Речь идет о художниках М. Черемных и С. Малютине.

В январе я поехал в Серпухов, крупный центр текстильной промышленности... Положение двадцати пяти — тридцати тысяч текстильных рабочих в самом Серпухове и вокруг него было чудовищно, свирепствовал тиф... Поскольку я был первым журналистом-иностранцем, посетившим Серпухов, местный партийный комитет созвал собрание представителей фабрично-заводских комитетов всего района и попросил меня выступить.

Собрание проходило в большом зале бывшего Дворянского собрания, а теперь Городского Совета. На трибуне горела единственная керосиновая лампа, которая слабо освещала лица и потрепанную одежду собравшихся. Многие из них пришли с фабрик, расположенных в двадцати верстах от города, пришли пешком по глубокому снегу, с кусочком хлеба в кармане. Их ноги были обмотаны тряпками... Лишь некоторые из них были членами Коммунистической партии.

Они приветствовали меня, исполнив стоя «Интернационал»: пение этого гимна не превратилось в России в пустую церемонию. И когда я приветствовал их от имени американских революционеров, изможденный юноша быстро поднялся и страстно воскликнул:

«Передай от рабочих Серпухова нашим братьям в Америке, что вот уже три года, как русские рабочие проливают кровь и умирают за революцию, не только за свою собственную, но и за мировую революцию...»

Джон Рид. «Советская Россия сегодня»

Еще одним посетителем, иногда заглядывавшим к нам, был мой друг, член ИРМ, моряк Джимми. Он рассказывал мне, что, когда он был в России, Джон Рид повел его к Ленину, который спросил его, скоро ли будет революция в США. Джимми ответил: «Не очень скоро», и Ленин с интересом расспрашивал его, почему он так считает. Он сказал Джону: «Я очень рад встретиться с настоящим американским рабочим». Джимми говорил о Ленине: «Он умный человек. Он хочет знать правду — ему не нужен всякий вздор».

Э. Г. Флинн. «Своими словами»

17 августа 1920

Записка Л. А. Фотиевой В. И. Ленину

Рид
просит его принять сегодня.
На пять минут.
Очень важное дело.

Записка В. И. Ленина Л. А. Фотиевой

Хорошо.
(когда
кончится
Совет Народных Комиссаров)

Рукой Л. А. Фотиевой «в 9 часов?»

Записка М. И. Гляссер В. И. Ленину

Владимир Ильич уже наверное не примет Джона Рида — уже поздно, затянется вопрос?

Рид сидит в своей комнате и ждет звонка. (Он, между прочим, прекрасно научился по-русски!)

Записка В. И. Ленина М. И. Гляссер.

Если очень просит и на пять минут, пусть придет сейчас.

Ленин, с которым Рид теперь регулярно виделся, сказал ему, что он поступил правильно, поселившись среди рабочих: это наилучший способ выучить русский язык и по-настоящему узнать Россию. Однако советский вождь журил Рида за то, что он постоянно переутомляется. Человек, у которого удалена одна почка,— предостерегал Ленин,— должен бережнее относиться к своему здоровью. Ему понравилось беседовать с Ридом, и они провели немало долгих вечеров в квартире Ленина в Кремле. Сдвинув стулья так близко, что их колени соприкасались, они часто до рассвета толковали о положении в американских профсоюзах, о гражданской войне в России, проблемах философии...

Это Ленин посоветовал Риду начать писать статьи для официального печатного органа Коминтерна о политическом положении в Соединенных Штатах.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

«Этим человеком был Ленин»

Наверно, в высшей степени характерно, что американцы, входящие в символический «кружок Рида», оставили свои свидетельства об Октябре и Ленине. Мы имеем в виду Рида, Вильямса, Брайант, Битти, Робинса. Кстати, у них было право свидетельство-

вать. Они были очевидцами октябрьских событий. Они были знакомы с Лениным. Они разговаривали с ним. И не только те, кто был в исторические дни Октября рядом с Ридом, но и те из американцев, кто пришел к Октябрю и Ленину независимо от Рида и его друзей: Стеффенс, Майнор, Дэвис. И не только американцы, но и англичане, например Рэнсом.

Наверно, есть смысл проникнуть в существо того, почему американцы с такой силой устремились в революционную Россию. Говорят, что многое объясняется общностью, которая есть в самом облике наших стран, в характере их народов, в какой-то мере в их исторической судьбе. Быть может, все это имеет известное значение, но полностью не объясняет происшедшего. Значительно важнее иное. Как мы могли убедиться на жизни Рида, начало века ознаменовалось для Америки великими классовыми боями. Ситуация, создавшаяся на Американском континенте, могла быть даже названа революционной — и об этом свидетельствует жизнь Рида. Участие Америки в войне не погасило пожара на североамериканской земле, а прибавило ему силы. Весть об Октябре, быть может, ошеломила Америку, но она ее и необыкновенно воодушевила. В самом факте Октября они увидели перст указующий. Он, этот перст, многие из американцев поняли так: конечно, Октябрь явление русское, но, быть может, не только русское.

Однако, что это за событие — русский Октябрь? Каково его существо, социальный смысл, историческая перспектива? Кто движет им, чьим интересам он служит, на какие силы опирается? В какой мере Октябрь отвечает устремлениям народа России, как он помогает ему решить проблемы насущные: совладать с войной, справиться с нуждой, завоевать права, достойные человека?

Ничто не объясняло Октября и его устремлений так конкретно и так полно, как сама личность Ленина.

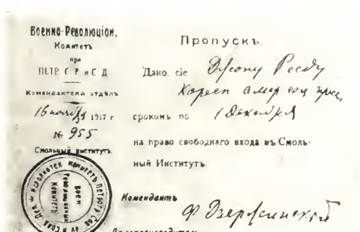
Американцы хотели видеть Ленина.

Встреча с этим человеком потрясла и воодушевила их.

Красногвардейцы у Смольного, 1917 г.

Пропуск Джона Рида в Смольный, подписанный Ф. Дзержинским. Петроград, 1917 г.

Военно-Революціон.
Комитетъ
при
ПЕТР. С. Р. и С. Д.

Комендантскій отдѣлъ

16 ноября 1917 г.

№ 955

Смольный институтъ.

Пропускъ.

Дано сіе Джону Реду
корресп. амер. соц. прес.

срокомъ по 1 Декабря

на право свободнаго входа въ Смольный Институтъ.

Комендантъ Ф. Дзержинскій

Дѣлопроизводитель

№ 209.
Суббота.
28 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

Центральнаго Исполнительнаго Комитета
и Петроградскаго Совѣта
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ЦѢНА:
въ Петроградѣ 15 коп.
на ст. жел. д. 18 коп.

Адресъ конторы: Лиговка, Сѣнной пер., д. № 6. Телефонъ № 218-43.
Адресъ редакціи: Смольный Институтъ, 2-й этажъ комната № 144. Телефонъ № 38-89.

Въ виду созыва въ теченіи ближайшихъ дней Второго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ, **крестьянъ-делегатовъ** пріѣхавшихъ на Второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ **просятъ остаться** для участія въ работахъ этого съѣзда.

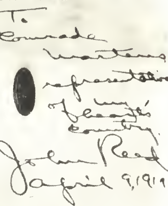
ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

Титульный лист
первого американского издания
книги «Десять дней,
которые потрясли мир».
Дарственная надпись Рида:
«Товарищу Мартенсу,
представителю страны
моего сердца».
Джон Рид, 9 апреля 1919 г.

TEN DAYS THAT
SHOOK THE WORLD

By JOHN REED

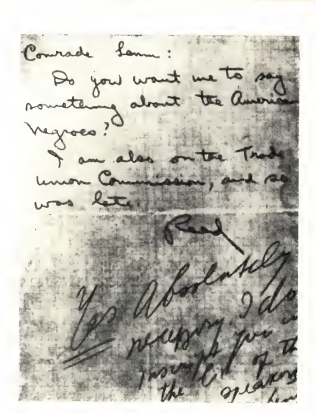
BONI AND LIVERIGHT
NEW YORK 1919

Джон Рид в России.
Июль 1920 г.

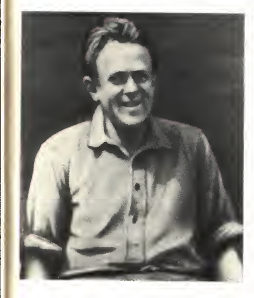

Записка Джона Рида
и здесь же ответ
В. И. Ленина.

Comrade Lenin:
Do you want me to say something about the American Negroes?
I am also on the Trade Union Commission, and so was late.
Reed

Yes Absolutely, I do

Джон Рид в России.
1917 г.

Джон Рид.
1918 г.

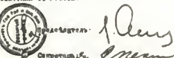

Исполнительный Комитет
Петроградского Совета
Рабочихъ и Солдатскихъ
Депутатовъ
Военный Отдѣлъ

28 Октября 1917 г.
26198

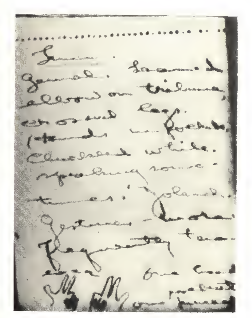
УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Настоящее удостовѣреніе дано представите Американской Соціалъ — демократіи Интернаціона-листу товарищу ДЖОНУ РИДЪ въ томъ, Военно — Революціонный Комитетъ Петербургскаг Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ пред — ставляетъ имъ права свободнаго проѣзда по всѣй Сѣверному фронту въ цѣляхъ освѣдомленія цѣлыхъ американскихъ товарищей интернаціоналистовъ съ событіями въ Россіи.

Удостоверение Джона Рида на право свободного проезда по всему Северному фронту.

Джон Рид. 1920 г.

Страничка из русского блокнота.
Осень 1917 г.

Гостиница «Метрополь»,
где жил Джон Рид в июле 1915 г.

Джон Рид, узник № 42 крепости Або. Финляндия. Весна 1920 г.

Джон Рид среди делегатов II конгресса Коминтерна. Москва. Июль 1920 г.

Джон Рид за работой.

Прокламации-обращения
к американским рабочим
в защиту Советской России.

Джон Рид с делегатами и участниками
II конгресса Коминтерна
возлагает венок на могилы павших борцов
на Марсовом поле.
Петроград. Июль 1920 г.

Джон Рид среди делегатов
съезда народов Востока
в Баку. Сентябрь 1920 г.

Могила Джона Рида у Кремлевской стены. Москва, 1920 г.

Издания книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» на разных языках.

Что бы ни думали о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине его враги, но даже и они не отрицают, что он один из величайших людей своего времени...

Артур Рэнсом. «Великий вождь»

Впервые я увидел Ленина в 1917 году в Петрограде. Он произнес на площади у Финляндского вокзала необыкновенную речь, в которой призвал покончить с мировой войной и разделить всю землю между крестьянами...

В дни Октябрьской революции я снова слышал Ленина. Он говорил с большой искренностью и огромной верой в то, что рабоче-крестьянское правительство организует народные массы и построит новое, социалистическое общество и что оно будет обществом мира и свободы. Это великое предвидение Ленина оказалось правильным.

Позже я имел небольшую беседу с Лениным, во время которой он дал мне свою фотографию с надписью: «Лучшие приветы американским интернационалистам. Ленин. 2/VIII-1918». Тогда же он обратил мое внимание на необходимость бороться за мир и справедливость.

Каждый раз, когда мне удавалось видеть Ленина, я не мог заметить в нем даже малейшего стремления обладать властью. Он казался мне человеком, полностью отдающим себя на воплощение в жизнь самым лучшим образом всего задуманного им для рабочих и крестьян.

...Взирая на пройденный Лениным путь, вдумываясь в его произведения, я все более и более убеждаюсь в том, что Ленин был величайшим вождем, какого когда-либо имела Россия. История его времени еще будет написана. Ленин останется в сознании людей как самый искренний и наиболее прозорливый вождь, оказавший самое могучее влияние на русский народ.

Мне приходилось встречаться с такими американскими капиталистами, которые с явной враждебностью относятся к созданной Лениным власти, но и они говорили мне, что Ленин был великим революционным вождем.

Джером Дэвис. «Подарок Ленина»

В то время как ликующие толпы солдат и рабочих, упоенных победой пролетарской революции, наполняли огромный зал в Смольном, а пушки «Авроры» возвещали о гибели старого строя и рождении нового, Ленин спокойно поднимался на трибуну. Председатель объявил:

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Мы напрягли все наше внимание. Сейчас перед нашим взором предстанет человек, которого мы так давно жаждали видеть и слышать. Но с наших мест, отведенных для корреспондентов, вначале его не было видно.

Под громкие приветствия, выкрики, топот ног и аплодисменты он прошел через сцену и поднялся на трибуну, всего метрах в десяти от нас. Шум, крики и приветствия достигли кульминационного пункта.

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста, производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек небольшого роста, коренастый, с лысиной и взъерошенной бородкой...

Ленин говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей...

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся сила и мощь, что он, если хотите, сверхбольшевик. Но перед нами стоял усталый, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек, говорящий спокойно и просто, но с глубокой убежденностью и силой.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

Больше, чем когда-либо раньше, Ленин произвел на меня впечатление счастливого человека.

Возвращаясь из Кремля, я думал: видел ли я когда-нибудь человека его калибра, который обладал бы таким же жизнерадостным темпераментом? Мне никто не приходил на ум. Этот невысокий, лысоватый, с морщинками на лице человек, который, покачиваясь на стуле, смеется то по одному, то по другому поводу, в то же время всегда готов каждому дать обстоятельный совет; при этом совет настолько хорошо аргументирован, что делается для его сторонников убедительнее любого приказания. Его морщины — морщины смеха, а не горя. Я думаю, что это именно так, ибо он первый великий

вождь, который полностью отрицает значение своей собственной личности. Ему совершенно несвойственно честолюбие. Более того, как марксист, он верит в народное движение, которое с ним или без него все равно будет поступательным. Его взгляды вообще основаны на вере в воодушевляющие народ стихийные силы, а его представление о своей роли сводится к тому, что он считает себя в состоянии правильно определить направление этих сил. Он не верит, что один человек может совершить или остановить революцию, которую он считает неизбежной. По его мнению, если русская революция и потерпит неудачу, то только временно и только благодаря силам, которые не подчинятся воле какого-либо одного человека. Поэтому он свободен, как не был свободен ни один выдающийся человек до него. Доверие к нему рождает не столько то, что он говорит, сколько эта ощущаемая в нем внутренняя свобода и это его бросающееся в глаза самоотречение. Исходя из своей философской концепции, он ни на минуту не допускает, чтобы ошибка одного человека могла испортить все дело. Сам он, по его мнению, только участник, а не причина событий, которые навеки будут связаны с его именем.

Артур Рэнсом. «Великий вождь»

...Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден...

В массах, в самих русских массах заключается судьба русской революции — в их дисциплинированности и преданности общему делу. И нужно сказать, что им улыбнулось счастье. Мудрым кормчим и выразителем их дум был человек с исполинским умом и железной волей, человек с обширными познаниями и решительный в действиях, человек с высочайшими идеалами и самым трезвым, самым практическим рассудком. Этим человеком был Ленин.

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания прохо-

дило бурно. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми разражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек,— все это наэлектризовало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрачивает свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

Для Ленина революция была радостью. Он работал для нее так долго и так много, что было нечто детское в том, как он приветствовал невозможное. Когда оно наступило, он ухватился за него обеими руками.

Линкольн Стеффенс. «О Ленине и революции»

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты — его конек. Ольгин говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с поразительной остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые посылки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страстность».

Временами он оживляет свою мысль шутливым отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал по-

говорку: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят».

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, наоборот,— он не опасен, он даже охраняет ее.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика...

Один из секретов ленинской силы заключается в его потрясающей искренности. Он искренен со своими друзьями. Он, конечно, радуется всякий раз, когда на сторону революции становится новый боец, но не станет рисовать розовыми красками условия работы и будущие перспективы, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Скорее, он склонен изображать вещи в более мрачных тонах, чем они есть в действительности. Многие из ленинских выступлений содержали в себе примерно такие мысли: цель, за которую борются большевики, не так близка, как многим из вас представляется; мы вели Россию по тернистому пути, но курс, который мы взяли, может прибавить нам новых врагов, новые страдания; каким бы трудным ни было наше прошлое, будущее сулит нам еще немалые трудности — большие, чем вы себе представляете.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

...Рис Вильямс весело рассказывал про собрание в Петрограде сразу после переворота: он свою речь начал с обычной американской шутки, и никто не засмеялся, кроме Ленина и нескольких человек в аудитории. Ответственные комиссары, на чьих плечах все еще покоился груз революции, не засмеялись: они хмурились и качали головой. Неподходящее время для шуток. Я лично склонен согласиться с этими целеустремленными натурами. Но я должен сообщить, что в те мрачные дни Ленин смеялся; он откинулся на спинку стула и громко засмеялся над шуткой американца.

Линкольн Стеффенс. «О Ленине и революции»

И Ленин был действительно таким. Временами даже казалось, что он слишком любезен, подчеркнуто вежлив. Возможно, тут имело значение то, что, говоря по-английски, Ленин употреблял изысканно вежливые выражения, почерпнутые им

главным образом из книг. Но более вероятно, что это было его манерой обращаться с людьми, в чем Ленин, как и во многом, достиг высокой степени умения.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

Ленину совершенно несвойственна мстительность. Он способен в споре беспощадно критиковать своего противника, но в то же время он необыкновенно человечен и добр: ему хочется, чтобы все вокруг были счастливы...

Ленин всегда относится с уважением к человеческим привязанностям и чувствам. Когда умер Кропоткин, вдова и дочь умершего послали телеграмму Ленину и попросили, чтобы деятели партии анархистов, в то время сидевшие в тюрьме, присутствовали на похоронах. И Ленин под честное слово разрешил отпустить их на три дня без охраны.

Луиза Брайант. «Зеркала Москвы»

Меня всегда поражало то обстоятельство, что, когда бы мне ни понадобилось видеть товарища Ленина (а я был у него десять-двенадцать, а то и более раз), это всегда оказывалось возможным (за одним исключением, о котором я упоминал: Ленин был на заседании Политбюро). Ленин особенно интересовался связью с людьми, приехавшими из-за границы, даже если они не играли сколько-нибудь важной роли. Товарищ Ленин организовал свое время так, чтобы наилучшим образом его использовать.

Роберт Майнор. «У Ленина»

...Почти все за рубежом, писавшие в то время о Ленине, никогда с ним не говорили, не слышали его выступлений, не видели его, не приближались к нему ближе чем на тысячу миль. Большую часть своих сообщений они основывали на слухах, догадках и голом вымысле.

Что касается меня, то я встречался с Лениным как социалист из Америки. Я ехал с ним в одном поезде, выступал с одной и той же трибуны и два месяца жил рядом с ним в гостинице «Националь» в Москве.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

Не помню, в какой аудитории я впервые встретил Владимира Ильича. Возможно, это было в зале гостиницы «Метрополь», где происходили заседания ВЦИК. Во всяком случае,

там был тов. Свердлов, председатель ВЦИК, один из первых вождей русских большевиков, с которым я познакомился.

Роберт Майнор. «У Ленина»

Мы представляли себе всю трудность задачи, решение которой взяли на себя большевики. Справятся ли они с ней? Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного человека.

Таково было первое впечатление. И все же, начав со столь ошибочной оценки, через шесть месяцев я был уже в лагере Воскова, Нейбута, Петерса, Володарского и Янышева, для которых первым человеком и политическим деятелем был Ленин.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

Один из русских товарищей, побывавший в Америке, по моей просьбе показал мне Ленина. Ленин — небольшого роста, очень скромный по виду — стоял в углу; одет он был необычайно просто: на голове у него было обыкновенное рабочее кепи, и он даже не был обут в высокие блестящие сапоги, которые тогда носили многие. Словом, Ленин никак не отвечал моему представлению о великом человеке. Я внимательно всматривался в него: уж не ошибся ли я...

Роберт Майнор. «У Ленина»

Советский премьер, без сомнения, скромный человек. Он очень редко дает автографы, а дневник, вести который его просили американские издатели, так никогда и не будет написан. Он говорит, что слишком устает от всей той массы работы, которую нужно сделать днем. Но не менее важной причиной является отсутствие какого бы то ни было тщеславия.

Он ненавидит лесть и изо всех сил отказывается позировать художникам. Он был крайне расстроен, будучи вынужден пообещать позировать Клэр Шеридан, работавшей над его скульптурным бюстом.

Луиза Брайант. «Зеркала Москвы»

Ленин питается... как все другие, раз в день — суп, рыба, хлеб и чай... Народ, крестьяне шлют ему продовольственные посылки, но он их отдает в общий котел. Тут руководителям правительства нет нужды составлять себе представления о лишениях, которые терпит народ: они их терпят вместе с ним.

Линкольн Стеффенс. «О Ленине и революции»

Когда во время дебатов противники подвергали Ленина критике, он обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив речь на IV съезде Советов, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин иронически усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

Положение в России значительно лучше, чем я ожидал. Русские голодают, питаются один раз в день, но они все равны в своей бедности, и народ это знает. Ленин получает столько же, сколько любой другой ценный работник.

Линкольн Стеффенс. «О Ленине и революции»

На мой взгляд, наиболее изумительной чертой Ленина была его привычка отодвигать себя в разговоре на задний план.

После III конгресса Коминтерна я пошел к Ленину. Был я сильно простужен. Ленин и сам был нездоров, но сочувственно расспрашивал меня о моем состоянии.

Вскоре после этого он серьезно заболел, и я несколько недель не видел его. О его состоянии я узнавал от товарищей и из газет. Когда он вернулся к работе, я посетил его. Когда я пришел к нему, он спросил:

— Оправились вы уже от простуды?

Уходя, я с огорчением вспомнил, что мы не говорили о его здоровье, а только о моем...

При этой нашей первой встрече Ленин заговорил со мной по-русски. Я смог ему только ответить, что по-русски не говорю, но знаю французский язык. Ленин сначала сказал, что он недостаточно хорошо знает английский, и мы некоторое время говорили по-французски, затем Ленин перешел на немецкий, а потом, к моему изумлению, продолжал на безукоризненном английском языке, не делая ни одной ошибки и лишь время от времени останавливаясь в поисках слова (все наши последующие беседы велись по-английски, и я не припоминаю у Ленина ни одной грамматической ошибки).

Роберт Майнор. «У Ленина»

...Он поднялся мне навстречу — спокойный человек в поношенном костюме — и, выйдя из-за стола, пожал мне руку. Я увидел перед собой открытое, пытливое лицо, прищуренный глаз, чуть ироничный, добродушно-насмешливый.

Линкольн Стеффенс. «О Ленине и революции»

Своей личной жизнью Ленин показывал пример той железной дисциплины, которую вводил в общественную жизнь. Щи и борщ, черный хлеб, чай и каша составляли меню тех, кто был тогда со мной в Смольном. Так же питался Ленин с женой и сестрой. Революционеры работали по двенадцать-пятнадцать часов в сутки. Рабочий день Ленина, как правило, длился не менее восемнадцати-двадцати часов. Он собственноручно писал сотни писем. Погрузившись в работу, Ленин забывал даже о еде. Пользуясь случаем, когда он разговаривал с кем-либо, его жена подходила, бывало, к нему со стаканом чая и говорила: «Вот, товарищ, не забудьте выпить». Часто чай был без сахара, так как Ленин получал такой же паек, как и все. Солдаты и посыльные спали на железных койках в больших, с голыми стенами, похожих на казармы комнатах. Ленин и его жена спали на таких же койках. Когда уже не оставалось сил работать, они ложились отдохнуть на свои жесткие койки, часто даже не раздеваясь, чтобы можно было вскочить в любую минуту. Ленин переносил эти лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства.

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда. Большое количество блюд, составлявших обед, было сведено к двум. Можно было получить суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все получают хлеб». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он.

Когда после покушения на него Ленин был в тяжелом состоянии, врачи прописали ему питаться продуктами, которых нельзя было получить по карточкам, но можно было приобрести на рынке только у спекулянтов. Невзирая на все уговоры друзей, он отказывался притрагиваться ко всему, что не входило в законный паек.

Позже, когда Ленин начал выздоравливать, его жена и сестра нашли способ, как улучшить его питание. Зная, что он держит свой хлеб в ящике стола, они в его отсутствие приходили к нему в комнату и время от времени добавляли кусок хлеба к его запасам. Поглощенный работой, Ленин опускал руку в стол, доставал хлеб и съедал его, не подозревая, что это сверх обычного пайка.

В письме к рабочим Европы и Америки Ленин писал о тех бедствиях, тех муках голода, на которые обрекло рабочие массы военное вмешательство Антанты. Все это Ленин переносил вместе с массами.

А. Р. Вильямс. «Ленин — человек и его дело»

«Помню восторги Рида перед Василием Блаженным»

Помню, что это было в воскресенье. Заседание началось утром и с двумя или тремя небольшими перерывами продолжалось до самого вечера. В комиссию входили представители коммунистических партий и организаций как угнетающих, так и угнетенных наций. Краснолицый англичанин Квелч сидел рядом со смуглым индийцем Роем, курчавая голова марокканца чернела рядом с головой делегата Франции, о трагической судьбе индонезийского народа докладывал голландец Маринг. Джон Рид, который не упускал случая пошутить, вытягивался во весь свой длинный рост, поджимал губы, напускал на себя выражение надменности и высокомерия и, делая рукой загребающие движения, представлялся: «Дядя Сэм... Империализм Соединенных Штатов Америки».

Ленин занял место не в узкой торцовой, а в средней части стола. Видимо, так ему удобнее было следить за выступлениями. Во время заседания Рид передал мне записочку: «Обрати внимание на то, как взволнован Большой Эл» (так он называл Ленина). Ленин действительно был взволнован. Он слушал выступавших, не пользуясь своей председательской властью для того, чтобы ограничить их во времени.

Рид выступал и на комиссии и на пленарном заседании конгресса. В обоих своих выступлениях он говорил о судьбе негров в Соединенных Штатах Америки, о системе «Джим Кроу», которая ставит негров в положение низшей расы.

«Это,— сказал Рид, показывая мне пачку исписанных блокнотов. Он накапливал эти записи для книги и, сразу почувствовав во мне «материал», закидал вопросами: «Как художники относятся к революции? С кем они? Кто дезертировал из России? Какие открылись музеи, выставки?»

Вечером, после работы, мы вышли подышать, помню нашу прогулку по саду вдоль кремлевских стен и восторги Рида перед Василием Блаженным...

...Мой портрет Рида, мне кажется, передает его образ. На его умном лице лежала печать непомерной усталости.

И. И. Бродский. Воспоминания о Джоне Риде

Во время банкета мы с Ридом сидели за соседними столиками. Рид был очень оживлен, с энтузиазмом подхватывал «Дубинушку», которую запевал Шаляпин, под конец концерта вместе с итальянцами и французами отплясывал «Карманьолу».

Мысль о книге не оставляла Рида. Он не расставался со своей записной книжкой и, как всегда, успевал бесконечно много увидеть, услышать, подметить. Бывало, сидим мы на каком-нибудь заседании, потом выйдем, встретим кого-нибудь, тот спросит: «Ну, что там было?» — я отвечу: «Обсуждали такой-то вопрос, Икс сказал то-то, Игрек ответил тем-то»... Но стоило заговорить Риду, как это заседание в его рассказе волшебно преображалось. Каким бы скучным оно ни было, оно становилось интересным — хотя бы по причине своей особенной скуки. Мои плоские, обезличенные Иксы и Игреки преобретали чуть ли не двадцать три измерения! Тут и посадка головы, и голос, и улыбка, и манера говорить, и характерные жесты. А иногда просто одна выразительная деталь, которую уже хочется, как собственное имя, писать с большой буквы: Черный галстук, Вислый зад, Рpppp, Таквотявамчтоскажу...

Его художническому видению было присуще умение подмечать контрасты, проводить сопоставления. Он формулировал их в лаконичных записях: «1920, VI. На фабриках и заводах сборы в пользу бастующих шведских рабочих. Хлебный паек: 1918 — пятьдесят — сто грамм, 1919 — то же, 1920 — сто пятьдесят — двести». Или: «Царский дворец. Стены и потолки в пышной позолоте. Узорный паркет. Представители угнетенных всех стран. За ними охотится полиция. Они перевернут мир».

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

Ленин — такой простой, такой человечный и в то же время видящий дальше всех и непоколебимый.

Ленин — локомотив истории.

Джон Рид. Запись в книге отзывов делегатов II конгресса Коминтерна о В. И. Ленине

Глубокой зимой, в самое трудное время года, в самую тяжелую зиму, какую только знала Советская Россия, я выехал в провинцию, чтобы своими глазами увидеть провинциальные городки и деревни.

Там, сравнительно далеко от столицы, я обнаружил, что Советская власть глубоко проникла в жизнь народа, что новое общество является уже основательно укрепившимся и привычным.

Возьмем, например, городок Клин, уездный центр, в котором находится уездный совет...

На этом статья Рида «Советская Россия сегодня» обрывается — последняя его статья.

Советская власть глубоко проникла в жизнь народа — независимо от того, что было главной темой статьи Рида, он неизменно возвращался к проблеме, определенной самим существом «Десяти дней, которые потрясли мир»: к судьбе власти Советской, а следовательно, судьбе революции. Да, в его сознании сплелись воедино: судьба революции русской и американской, а по этой причине дела Коминтерна. Значительным начинанием, к которому обратился Коминтерн в двадцатом году, был съезд народов Востока, созываемый в Баку. Само имя этого города было знаменем борьбы против колониального угнетения на Востоке — город рабочих, город революции. Собственно, Рид, представляя Коминтерн, был одним из организаторов съезда в Баку. Для него поездка в Баку имела личное значение. Это было время необыкновенного роста революционного движения на Востоке, и Рид хотел быть очевидцем и свидетелем этого явления. Но эта поездка могла иметь важное значение для Рида в творческом плане. Картина революционного подъема, какой она возникла в нашем веке, была бы не полной, если бы в ней не было Востока. Рид хотел видеть этот Восток в лицо. Для него это бы-

ло тем более значительным, что съезд происходил в Баку, где два года тому назад английские интервенты придали мученической смерти двадцать шесть бакинских комиссаров. Съезд мог быть осмыслен Ридом и под знаком этого события, трагического и истинно революционного. Оно, это событие, проливало новый свет на отношения так называемых великих держав и колониального Востока.

Рид едет в Баку

Летом 1920 года группа работников Коминтерна — в том числе представитель Коммунистической партии США Джон Рид — ехала из Москвы в Баку, где должен был состояться Первый съезд народов Востока. Я входила в группу молодых, которым поручено было организовать на съезде юношескую секцию.

Было это в конце августа.

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

Американцы обещали филиппинцам независимость. Вскоре будет объявлена независимая филиппинская республика. Но это не значит, что американские капиталисты уйдут оттуда, или что филиппинцы не будут продолжать работать, создавая для них прибыль. Ибо американские капиталисты дали филиппинским вождям часть прибыли — они дали им государственные посты...

Мексика — другая богатая страна, которая близка к Соединенным Штатам Америки. В Мексике — народ отсталый, который в течение столетий был порабощен, вначале испанцами, а затем иностранными капиталистами. Там, после многих лет гражданской войны, народ создал свое правительство, не пролетарское правительство, а демократическое правительство, которое желало сохранить богатство Мексики для мексиканцев, обложить налогом иностранных капиталистов. Американские капиталисты не заботились о том, чтоб послать хлеб голодающим мексиканцам. Нет, они создали контрреволюцию в Мексике, в которой Мадеро, первый революционный президент, был убит. А затем, после трехлетней борьбы, революционный режим был восстановлен с Карран-

сой как президентом. Американские капиталисты пошли на контрреволюционный акт и убили Каррансу, создав опять правительство, дружественное американским капиталистам...

Американские капиталисты... эксплуатируют народы Кубы и Филиппинских островов, они зверски убивают и сжигают заживо американских негров; а в самой Америке американские рабочие вынуждены работать при ужасных условиях, получая низкую заработную плату при длинном рабочем дне; когда они истощены, тогда их выбрасывают на улицу, где они умирают с голоду...

Американские капиталисты желают заручиться доверием армян с целью наложить свою лапу на Армению и поработить армянскую нацию...

Джон Рид. Выступление на Первом съезде народов Востока.

Эта речь вошла в стенографический отчет съезда народов Востока, давно уже ставший библиографической редкостью. Правда, запись эта дает слабое представление о самой речи. Рид был замечательным оратором, глубоко убежденным и темпераментным. К тому же Рид, как я помню, говорил по-английски, а стенографировался русский устный перевод.

Е. Драбкина. «Последняя речь Джона Рида»

...Что собой представляет Баку? Баку — это нефть, а американский капитализм стремится установить мировую монополию на нефть. Из-за нефти проливается кровь. Из-за нефти происходит борьба, и американские банкиры, и американские капиталисты стараются всюду захватить те места, поработить те народы, где есть нефть. Но в Баку нет больше капиталистов и эта нефть больше не принадлежит капиталистам...

Американские капиталисты обещают хлеб Армении. Это старое жульничество. Они обещают хлеб, но никогда не дадут его. Получили ли балтийские страны хлеб? Нет. В то время, когда голодающие эстонцы не имели ничего, кроме картофеля, американские капиталисты послали им пароходы с гнилым картофелем, который не мог быть продан с прибылью в Америке. Нет, товарищи, дядя Сэм никогда не дает чего бы то ни было даром. Он является с мешком, набитым соломой, в одной руке и с кнутом в другой. Кто принимает обещания дяди Сэма за чистую монету, тот вынужден будет платить за них по́том и кровью...

Есть только один путь к свободе. Объединяйтесь с русскими рабочими и крестьянами, которые свергли своих капиталистов и чья Красная Армия победила иностранных империалистов! Следуйте за Красной звездой Коммунистического Интернационала!

Джон Рид. Выступление на Первом съезде народов Востока.

Есть только один путь к свободе,— сказал Рид, имея в виду пример революционной России, союз с ней пролетариев земного шара. В свете событий, которые ожидали Рида, эта формула звучала как завещание. Рид спешил вернуться в Москву. По его расчетам, со дня на день туда должна была прибыть его Луиза. Так было всегда: в дни, предшествующие встрече, он не мог думать ни о чем ином, как о ней. Это лучше всего видно по его рукописям. Как бы ни важна была тема, которой посвящена рукопись, на ее полях нет-нет, да возникнут стихи, обращенные к Луизе: «У ее слагаю ног, все, чем я в себе горжусь» — это из стихов, которые он набросал на полях дневника. Рида связывало с Луизой пять лет жизни, пять жестоко страдных лет. Если изобразить пути Рида на карте мира, то линия, которая пересечет карту, будет выглядеть зигзагом, многократ изломанным. Но вот что характерно: как ни труден был путь, не часто Луиза покидала Рида на этом пути. На долгом пути Рида не было поворота более крутого, чем Россия. Крутого и трудного; Луиза была с Ридом и здесь.

Эта небольшая женщина — она была Риду повыше плеча — с ярким во всю щеку румянцем и крупными, под стать румянцу, яркими губами, одетая с показной небрежностью, могла быть принята за актрису, быть может, художницу. На самом деле, артистизм, который действительно был в Брайант, сочетался в ней с качествами ума точного, аналитического. Ей были свойственны раздумье, анализ, исследование, быть может, даже строгое обобщение. Конечно, она любила Рида, и, как это бывает нередко у женщин, его интересы стали и ее интересами, но живое понимание политики было в ней самой, оно было для нее органичным. В ее записной книжке медленно, но верно складывались записи, в которых возникал образ революционной России. Книга

Луизы Брайант «Шесть красных месяцев в России» должна была возникнуть из этих дневниковых заметок. Книга писалась в пору для Брайант необыкновенную, счастливую пору любви к Риду. Поэтому книга эта так вдохновенна, так поэтична. Истинно, в жизни этой женщины, прожившей трудную и во многом трагическую жизнь, не было поры более прекрасной, чем месяцы, которые она провела в России вместе с Ридом. Наверное, символично, что Луиза была с Ридом в революционном Петрограде повсюду, куда определяла его беспокойная должность корреспондента. Ее видели в Смольном, в штабе восставших петроградских пролетариев, в поездках Рида по предместьям восставшего города, которые были в эти дни в сущности огневыми позициями. Вместе с Ридом она была в момент штурма в Зимнем. Эта женщина, которую вызвал к жизни безмятежный дух провинциального Портленда и, казалось, слепил по своему образу и подобию, вдруг силой любви к Риду обрела новую природу, выросла и прозрела, обнаружив в себе такие качества, какие, казалось, в ней и не предполагались от рождения. Тем беззаветнее была к ней любовь Рида, который, разумеется, понимал, насколько непроста должна быть жизнь женщины, решившейся на союз с ним, а, поняв это, должен был уверовать в единственность Луизы Брайант.

В Славянске мы услышали, что впереди на дороге «пошаливают». Толком, правда, никто ничего не знал; все говорили, что таскаются, мол, шайки, как голодные волки, а что там у них делается — не поймешь.

Всем не терпелось скорей попасть в Москву, поэтому решили ехать. Держа между колен заряженную винтовку, я всматривалась в степь, уже подернутую красками осени. Все дышало миром — и дымчатое небо, и ярко-голубые озерки, и тянувшиеся вдоль дороги кусты, то по-летнему зеленые, то красновато-коричневые. Все дышало миром и в то же время таило в себе какую-то неведомую опасность.

К вечеру мы благополучно миновали участок, на котором согласно молве особенно «пошаливали». Комендант поезда, назначив дежурных, приказал остальным не зажигать огня и ложиться спать.

Меня разбудила пулеметная очередь. Схватив винтовку, я

заняла заранее указанное мне место у окна. Уже светало, на востоке алела полоска зари. Поезд наш стоял в открытом поле, нападающие вели по нему пулеметный огонь из длинного окопа, отрытого параллельно железнодорожному полотну, пули щелкали по крыше и стенкам вагона. Несколько мгновений спустя заработали наши пулеметы, потом наши мужчины, таща за собой два «максима», спрыгнули на насыпь и, перейдя в контратаку, стали гнать нападающих. Стрельба уходила все дальше и наконец замерла. А часа через полтора наши вернулись, сообщили, что противник разбит наголову и путь впереди свободен.

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

Как специальный делегат съезда народов Востока в Баку он проехал в бронепоезде через южную Украину, еще охваченную гражданской войной, и добрался до берегов Каспийского моря. На обратном пути в Москву на поезд напала банда. Рид упросил красноармейцев, бросившихся в погоню за бандитами, взять его с собой и поехал с ними в разбитой крестьянской повозке, на которой они установили пулеметы.

В Москве его ждала Луиза, только что приехавшая из Соединенных Штатов. Она привезла ему письмо от матери, написанное в ответ на его письмо из тюрьмы в Або. Маргарет Рид давно смирилась с мыслью, что ее сын таков, какой он есть. Она писала:

«Мне стало грустно, милый, когда я прочла твои слова о том, что ты чувствуешь себя эгоистом. Не надо так думать. Ты поступаешь так, как считаешь правильным,— большего никто из нас не может требовать от себя, и, если мы делаем иначе, то поступаем неверно. Я боюсь только за твою жизнь, а все остальное для меня хорошо, если ты сам так считаешь».

Тамара Хоеи. «Джон Рид — свидетель революции»

В Москву я приехала не то восьмого, не то десятого октября. К этому времени работа железных дорог настолько наладилась, что был заранее известен день и даже час прихода поезда, и я смогла дать маме телеграмму, чтобы она меня встретила.

Пока мы тряслись на извозчике по московским булыжным мостовым, мама рассказала мне, что жена Рида Луиза Брайант приехала в Москву и несколько дней до возвращения Рида жила у мамы. Рид знал, что Луиза должна приехать, и попросил маму ее приютить. Последнюю часть своего путеше-

ствия из Америки Луиза проделала, переодевшись матросом. У нее не было с собой женской одежды, и первые дни в Москве она ходила в маминых платьях.

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

«Он шел до конца»

Они с Луизой много бродили по Москве, где она была впервые, провели день в Третьяковской галерее, виделись с Вацлавом Вацлавовичем Воровским, который возглавлял тогда Государственное издательство. Познакомились с Клэр Шеридан, английской скульпторшей, приехавшей в Москву, чтобы вылепить бюст Владимира Ильича Ленина.

Е. Драбкина. «Повесть о ненаписанной книге»

Это хорошо сложенный, красивый молодой человек, американский коммунист. Он отказался от всего, что было у него на родине, чтобы отдать свое сердце и свою жизнь работе здесь, в Советской России, и постигнуть ее дух... Я разговаривала с русскими о его книге «Десять дней, которые потрясли мир»; они говорят, что это лучшая книга о революции...

Клэр Шеридан. «Дневник о поездке в Россию»

Луизу напугала худоба и бледность Рида. Но он отмахнулся от ее тревожных расспросов и потащил с собой по городу. Они побывали у Ленина, слушали в Большом «Князя Игоря», обошли все картинные галереи. При этом Рид продолжал посещать заседания и писать доклады.

Недели через две он слег, заболев гриппом, как считали вначале. Он продолжал работать, но через неделю врачи установили, что это не грипп, а брюшной тиф, и его увезли в Мариинскую больницу под надзор лучших московских врачей. В больнице Рид попросил, чтобы ему доставили стенографическую запись его выступления на Конгрессе — он хотел внести исправления. Но у него уже не было сил держать карандаш... Тиф делал свое дело, а лекарства, которые могли бы спасти ему жизнь, лежали где-то на складах других стран — блокада советских портов продолжалась.

Тамара Ховн. «Джон Рид — свидетель революции»

Он продолжал работать, но через неделю врачи установили, что это не грипп... Рида поместили в больницу. Очевидно, он вернулся в Москву уже больным и неделю, которую оставался на ногах, лишь внешне казался здоровым. Болезнь развивалась. Его перевезли в больницу, когда были обнаружены первые, но уже грозные симптомы болезни — брюшной тиф. Его лихорадило, болела голова. Однако больше, чем симптомы болезни, его встревожило беспокойство, которое объяло русских друзей. Нет, речь шла не только о том, что они усмотрели в первых признаках тяжкий недуг, но и в том, что заболел Рид. В бумагах Ленина были обнаружены донесения медицинских властей, которые они направляли в Кремль едва ли не ежедневно, сообщая о всех поворотах развития болезни Джона Рида...

Было естественно, что в эти дни, когда сознание еще владело Ридом, в его жарком и временами смятенном шепоте Америка точно побраталась с Россией. Наверно, Рид не обманывался насчет того, как тяжек его нынешний час — тем значительнее была его страдная мысль о братании — Риду не надо было ничего выдумывать, все объяла его жизнь, все лежало у него на памяти...

...Америка...
Там, за морем, моя страна, моя Америка
Сверкает мощью, сталью опоясавшись,
Высокие слова провозглашая:
«Во имя Демократии... Свободы...»
И что-то душу будоражит мне,
Мальчишьи годы на приволье Запада!
Могучая река, плоты и сети...

...Россия...

Проснитесь, люди Севера, воспряньте. Взывает к Вам Чайковский с высоты. Он, точно бог, взмахнет смычком из света, и небо струнами в ответ заговорит...

...Америка...
По желтизне полей, волнуемых Чинуком,
По снежным пикам, апельсинным рощам,
По грубым, дерзким, юным городам,
Восставшим, хвастая из ничего,
Я узнаю тебя, Америка...

...Россия...

Обидно покидать Россию, не увидев матушки Москвы, сердца России...

...Америка...

Пусть новый Тимофей поднимет лиру выше
И воспоет Нью-Йорк, все шпили, все крыши
Огнем бессмертного пожара пышут...

...Россия...

Было ровно восемь часов сорок минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила о появлении Ленина...

Скорбный и глубоко волнующий смысл происходящего был слишком очевиден: в далекой России, переживающей не самую легкую годину в истории, умирал американский поэт и революционер, для которого счастье наших народов было его счастьем...

Деловой двор

Дорогой товарищ Ленин!

Моя жена, Луиза Брайант, нелегально приехала сюда из Соединенных Штатов в качестве представительницы влиятельных газет, которые последовательно выступают за признание Советской России. Товарищ Мартенс хотел, чтобы она получила это назначение. Ей поручено ежедневно посылать радиотелеграммы, и несколько сообщений она уже передала. Я помогаю ей в получении материала, и мне думается, что для нас важно максимально использовать это средство распространения информации. Луиза Брайант, разумеется, постоянно сотрудничает с американскими коммунистами, и ей можно полностью доверять. Возможно, Вы читали ее книгу об Октябрьской революции.

Я считаю, что было бы очень важно предоставить ей возможность встретиться с Вами и взять у Вас интервью, чтобы передать его в Америку именно сейчас, когда там неистовствует антисоветская пропаганда, и вся капиталистическая печать изобилует нападками на Советскую Россию. За последние полгода Вы не давали интервью ни одному американскому журналисту.

Прошу Вас поручить кому-нибудь позвонить по телефону (Деловой двор, номер семь) и дать мне знать, можно ли устроить эту встречу.

С братским приветом

Джон Рид.

Мы были невероятно счастливы, что наконец нашли друг друга. Мне показалось, что он стал старше, печальнее, добрее и восприимчивее к прекрасному. Его одежда превратилась в лохмотья. На него произвели такое впечатление страдания, которые он видел вокруг, что он ничего не хотел для себя.

Я была потрясена и чувствовала, что едва ли смогу подняться до той вершины страстного самоотречения, которой он достиг. У него еще были свежи воспоминания об ужасных испытаниях, перенесенных в финской тюрьме. Он мне рассказал о своей камере, темной, сырой и холодной. Почти три месяца он провел в одиночке, кормили его только сырой рыбой. Иногда он впадал почти в бредовое состояние и видел меня мертвой. Иногда ему казалось, что сам умирает, и тогда он писал на полях книг и где попало маленькое стихотворение:

Думая и мечтая,
Днем и ночью, и опять днем,
Не могу выкинуть из головы горькую
мысль,
Что мы потеряли друг друга.
Ты и я...

Но когда мы гуляли в парке под белыми березами или разговаривали в те короткие и счастливые ночи, смерть и разлука казались нам очень далекими.

Мы вместе побывали у Ленина... Мы ходили на балет и на «Князя Игоря», побывали в старых и новых картинных галереях.

Его снедало желание поскорее вернуться домой. Я видела, что он устал и болен, что у него наступает полный упадок сил, и пыталась уговорить его отдохнуть. Русские мне говорили, что иногда он работает по 20 часов в сутки. В самом начале болезни я попросила его обещать мне, что перед отъездом он отдохнет, так как возвращение домой означало снова тюрьму, а я чувствовала, что этого он уже не перенесет. Я помню, он как-то странно посмотрел на меня и сказал: «Моя дорогая, маленькая, любимая, я сделаю все, что только смогу, для тебя, но не проси меня стать трусом». Я совсем не то имела в виду, и мне стало очень обидно, я разрыдалась и сказала, что он может ехать куда угодно, хотя бы следующим поездом, и я поеду с ним и на смерть, и на любое мучение. Тогда он со счастливой улыбкой сказал мне: «Вот теперь мы действительно нашли друг друга». Все последующие дни он крепко держал меня за руку. Я не могла отойти от него, он сразу же начинал звать меня. Теперь у меня такое чувство, что я не имею права жить.

О его болезни я едва ли смогу что-нибудь написать. Это было сплошное страдание. Я только хочу, чтобы вы все знали, как он боролся со смертью. Если бы не эта борьба, он умер

бы на много дней раньше. Старухи санитарки из крестьянок пробирались в церковь, молились за него и ставили свечу за спасение его жизни. Даже они были тронуты, а ведь им ежечасно приходится видеть агонию умирающих людей.

Когда он бредил, это не было похоже на обычный страшный бред тифозных больных. Он всегда узнавал меня, в его сознании жили стихи, рассказы и прекрасные, причудливые мысли. Например, он говорил: «Знаешь, как бывает, когда попадаешь в Венецию? Ты спрашиваешь прохожего: «Это Венеция?» — только ради удовольствия услышать подтверждение!» А иногда он говорил, что вода, которую он пьет, полна песенок. И, как ребенок, он выдумывал замечательные приключения, в которых мы оба проявляли большую храбрость.

За пять дней до смерти у него отнялась правая сторона. Он уже не мог говорить, и поэтому мы бодрствовали дни и ночи, все еще надеясь, хотя уже не было никакой надежды. Даже когда он умер, я не поверила в это. Видимо, после этого я несколько часов просидела рядом с ним, разговаривала и держала его за руку. И вот пришел день, когда он, уже обряженный, лежал в гробу в Доме Союзов и ему оказывали военные почести. У гроба неподвижно стояли четырнадцать солдат, их штыки сверкали, а на их военных фуражках были красные звезды коммунизма.

Луиза Брайант. Из писем

Я слишком много взвалил на себя и, быть может, поэтому пока еще не успел ничего. Я хотел написать новую «Человеческую комедию». Вместо этого мне пришлось пережить ее. И теперь я пришел к заключению, что только это мне и было дано — жить, и притом полной жизнью.

Джон Рид. Записки

...Он заболел тифом... Луиза застала его перед самой смертью. Его последние слова, обращенные к ней, были: «Слушай... Я пою тебе маленькую песенку... Весь мир встал между нами...»

Дорис Александер. «Становление Юджина О'Нила»

Джон Рид. Скончался на революционном посту.

«Либерейтор», 1920 год. Подпись под портретом Джона Рида

В ночь с 16 на 17 октября от брюшного тифа скончался член Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, представитель Объединенной Коммунистической партии Америки, товарищ Джон Рид.

«Правда» от 19 декабря 1920 г.

К 12-ти часам дня зал Дома Союзов, в котором находился гроб с останками покойного, был переполнен представителями московского пролетариата, членами Коминтерна, ЦК и МК РКП, Московского Совета и представителями районов. Гроб, помещенный на высоком траурном катафалке, был покрыт венками...

«Правда» от 26 октября 1920 г.

Прощание с Ридом было печальным. Из Колонного зала, где был установлен гроб с его телом, траурная процессия медленно двинулась к Красной площади. По обе стороны катафалка шли красноармейцы, военный оркестр играл похоронный марш. Несмотря на холод и моросящий дождь, Рида провожали тысячи людей. У Кремлевской стены процессия остановилась, начался траурный митинг. С речами выступали многие ораторы, говорившие о том, что революция славит павших во имя ее.

Карл Хови. «Львенок»

В лице умершего в ночь на воскресенье 17 октября в Москве от тифа члена Исполнительного Комитета III Коммунистического Интернационала товарища Джона Рида,— как Интернационал, так и, в частности, американское коммунистическое движение потеряли одного из своих самых одаренных и смелых передовых борцов. С ним сошел со сцены также один из виднейших представителей молодого поколения американских журналистов и литераторов.

Б. И. Рейнштейн. Статья о Джоне Риде

Когда после смерти Джона Рида американцы-радикалы начали создавать клубы его имени, Маргарет Рид написала Стеффенсу, указывая, что ее сын мог бы не одобрить подобного использования его имени. Стеффенс, который, пожалуй, понимал Рида как никто другой, ответил, что во время их последней встречи Рид упрекал его за то, что он не поддержал открыто революцию. Стеффенс добавил, что Рид скорее воз-

разил бы против того, что клубы Джона Рида не идут достаточно далеко. «Он мог сказать им то, что однажды сказал мне на улице в Нью-Йорке: «Идти вперед — до конца». На протяжении тридцати трех лет своей жизни молодой человек из Орегона верно следовал совету, который дал Стеффенсу. Он шел до конца.

Тамара Хови. «Джон Рид — свидетель революции»

Умер Джон Рид, американский поэт, коммунист, умер в Москве, столице государства будущего, от болезни революционного времени: от тифа; его укусила больная вошь, обреченный паразит.

В те дни, когда Джек еще пел и смеялся, он мог бы сложить об этом песню... В те дни душа его была переполнена радостью; я старался сохранить его в этом состоянии. Об этом меня просил отец Джека.

Я не знаю, что же, наконец, захватило его и выхватило у поэта радость, превратив его самого в поэму. А он любил ИРМ, любил преданно, и левых социалистов, так же как его отец, он ненавидел ненависть — и все ей подобное. Я думаю, это было у него в крови. Однако у него появились убеждения, и, наконец, революционный дух захватил его. Он стал борцом, борцом за правое дело, революционером здесь, дома, и коммунистом в России.

Вы понимаете, в Москве, в Советской России, где вши, голод, смерть, где теперь ад; они, конечно, видят... ради чего можно жить и умереть. Они способны видеть, что жизнь не всегда будет такой, какая она сейчас. Надвигается будущее; оно уже в поле зрения; оно идет, это неоспоримо, и оно придет скоро. Это хорошо. И они могут видеть его, это будущее, видеть, широко открыв глаза, простые люди могут видеть. Например, я его видел. Для поэта, каким был коммунист Джек Рид, смерть в Москве должна была явиться видением воскрешения...

Линкольн Стеффенс. «Памяти Джона Рида»

Джон Рид, его место в сегодняшнем и завтрашнем мире

Точка зрения современников

Джон Рид был писателем, когда он впервые отправился в Европу. Его друзья и американская публика с надеждой ожидали от него ярких описаний его поездки. Но их надежды не оправдались. Европа не взволновала Джона Рида, и его статьи были бледны и холодны.

Вскоре по поручению одного журнала он отправился в Мексику изучать революцию Вильи. Не успел он переехать границу, как тотчас же начал присылать своему журналу очерки, полные юмора и жизненной трагедии — красочные, яркие, поэтические описания мексиканского быта, сражений и революционных эпизодов...

Одно приключение у него сменяется другим. И как часто он находится, как говорится, на волосок от смерти! Пьет воду из канавы, отравленной неприятелем; бежит от преследующих его неприятельских кавалеристов и спасается только тем, что, случайно зацепившись на ходу за корень, теряется в кустах; его не один раз принимают за агента ненавистной Америки и собираются расстрелять.

Читая его книгу, невольно спрашиваешь себя, неужели бывают люди с такой пристрастностью к таким ужасным приключениям? Может ли человек так долго играть своей жизнью, каждый раз едва избегая смерти?

В связи с этим мне припоминается моя поездка с Джоном Ридом и Борисом Рейнштейном на рижский фронт в сентябре 1917 года. Наш автомобиль двигался к югу, к Вендену, но в это время немецкая артиллерия открыла огонь по небольшой деревушке на востоке. Сразу эта деревушка стала для Джона Рида самым интересным местом в мире. Он настоял, чтобы мы повернули машину по направлению к этой деревне. Мы медленно продвигались вперед, как вдруг с ужасным треском позади нас разорвался огромный снаряд; дорога, по которой мы только что проехали, ураганом пыли и дыма взлетела в воздух. Инстинктивно мы ухватились друг за друга, но уже через минуту лицо его осветилось радостью и долго оставалось таким. Казалось, какая-то внутренняя потребность его натуры получила удовлетворение. И так с ним было всегда. На западном фронте он попал в немецкие окопы и не удовлет-

ворился до тех пор, пока не добрался до передовой, а добравшись туда, он успокоился лишь тогда, когда разрядил несколько патронов по французским окопам. Это, между прочим, повело к большому скандалу в Америке, ибо даже еще до вступления ее в мировую войну в Америке считалось правильным и достойным убивать только немцев.

1926

А. Р. Вильямс

Джона Рида вызвал к жизни не тот класс, за который он отдал свою жизнь. Он вырос в комфортабельном, среднебуржуазном доме в Портленде, штат Орегон, учился в Гарвардском университете, писал стихи и фельетоны для студенческих журналов, был председателем университетского музыкального клуба, капитаном команды ватерполо и до двадцати шести лет у него не было еще никакого опыта классовой борьбы. Но любовь к народу и ненависть к несправедливости привели его на поле битвы, сделали союзником рабочих. Его талант развернулся в этой борьбе и, наконец, достиг своей вершины в «Десяти днях, которые потрясли мир».

Рид вступил на путь борьбы за социальную справедливость, будучи молодым интеллигентом, подающим надежды. Да, это был тот самый момент, когда он был популярным членом редколлегии американского журнала в Нью-Йорк Сити.

Его рассказы и стихи хвалили хорошо известные писатели, его доход был вполне удовлетворительным. Он еще не был марксистом, но ему внушали отвращение присущие капитализму эгоизм и жестокость. Ему хотелось большей свободы, чем ему разрешали редакторы. Он стал печататься в журнале «Мэссиз», в этом великолепном журнале, пропагандирующем революционное мировоззрение. Он начал читать марксистскую литературу. Благодаря Элизабет Герли Флинн он встретился с Уильямом Д. Хейвудом, опытным вожаком революционных рабочих, способным увлечь массы и возглавившим стачку 25 000 низкооплачиваемых пролетариев шелкоткацкого предприятия в Патерсоне, Нью-Джерси. Хейвуд рассказал Риду, что забастовщик Валентин Модестино был убит детективом, нанятым компанией, а сотни рабочих были арестованы. Хейвуд попросил Рида помочь им. Джон Рид поехал в Патерсон для проведения расследования и сам весной 1913 года был брошен в тюрьму.

...Когда я перечитывал репортаж Джона Рида о стачке шах-

теров в Колорадо, я хотел, чтобы его бесстрашное перо было во Вьетнаме, где продолжается сжигание женщин и детей. Репортаж из Колорадо был написан в холодном гневе. Джон Рид был поэтом, глаз которого воспринимал самые легкие полутона, а слух — тончайшие нюансы речи. Но стиль его репортажа отличался от стиля «Восставшей Мексики». Суровые факты войны шахтеров он воспроизвел просто и резко. Он не мог воспевать победу.

Героическая борьба закончилась временным поражением, стачка была проиграна, когда президент Вильсон послал федеральные войска в Колорадо. Но Джон Рид знал, что шахтеры поднимутся опять. Теперь его жизнь тесно сплелась с борьбой рабочего класса. Опыт, полученный в Колорадо, подкрепил уроки, усвоенные Джоном Ридом из марксистских книг. Жестокость капиталистического государства стала абсолютно очевидной. Рид знал тех, кто были врагами рабочих и это помогло ему распознать контрреволюционеров, которых он позднее встретит в России.

...Мне показали стул в небольшом кабинете в Кремле, на котором сидел Джон Рид во время долгих бесед с Лениным.

Это были жестокие осень и зима. Хозяйство было разрушено белогвардейцами и интервентами. Враг все еще свирепствовал. Люди недоедали. У Джона Рида был скудный паек рабочего, состоявший из хлеба и рыбы. Но статьи Рида для журнала «Либерейтор» были полны энтузиазма и веры в несгибаемых советских людей.

Сорок четыре года спустя моя жена и я посетили промышленный город Серпухов, где когда-то выступал Джон Рид. Я выступал в том же зале Благородного собрания, где в 1920 году говорил с трибуны Джон Рид, обращаясь к рабочим. Мы разговаривали со старыми рабочими, которые проделали пешком много километров, чтобы услышать Джона Рида. Мы чувствовали безмерную гордость за нашего соотечественника, когда мы увидели улицу, носящую его имя, и присутствовали на торжественном собрании, посвященном его памяти.

Джон Рид работал над второй книгой «От Корнилова до Брест-Литовска», когда стало известно, что во многих городах Америки происходят массовые аресты коммунистов. Дело борьбы звало его домой. Он стремился преодолеть «санитарный кордон» и прорваться на родину через Финляндию. Но полиция барона Маннергейма бросила его в одиночку. Только через три месяца под угрозой голодовки ему удалось добиться освобождения. О поездке в Штаты нечего было думать, и он

вернулся в Москву. Здоровье его было подорвано, но дух не сломлен.

Жизнь Джона Рида учит борьбе за справедливое будущее Америки.

1969

Арт Шилдс

Перечитывая и вновь изучая книгу «Десять дней, которые потрясли мир», я нахожу книгу еще значительнее, чем тогда, когда я с волнением открывал ее для себя. Я чувствую ее новизну, современность и своевременность. Как исторический документ и как произведение искусства, эта книга обретает в шестидесятые годы еще более грандиозные размеры, чем в двадцатые годы.

В книге имеются два аспекта: это непосредственный, документальный отчет о большевистской революции, достоверность и точность политических фактов которого делают его первоначальным источником исторических знаний. Это — завет писателя, что придает произведению необыкновенную убедительную и эмоциональную силу.

Мне пришлось принять немало ударов и разного рода неожиданностей, преподносимых историей, чтобы остерегаться удобных обобщений, вульгаризирующих марксистскую теорию. Но большевистская революция открыла новую эру, и нельзя понять глобальную роль социализма, не возвращаясь к его истокам. И я хочу рассмотреть книгу Рида в ее современном измерении, связать ее с проблемами Америки и мировыми проблемами нашего времени, обратив особое внимание на ее культурное значение, на ее вклад в историю интеллектуального развития.

Объяснить решение Рида ехать в Россию можно тем, что он решил искусство принести в жертву политике, значит грубейшим образом упростить мотивы, побудившие Рида. Его вера в те революционные изменения, которые надвигались на Россию, всколыхнули его ум и сердце. Когда Луиза решилась ехать вместе с ним в августе 1917 года, то она поняла и приняла его цель, и это спасло счастье их жизни. Решение ехать в Россию у Рида имело глубокие корни, которые уходили в самую почву его американского воспитания. Это сделало его величайшим летописцем революции и основателем современной школы творческой журналистики.

...Каждый год по Москве идут колонны людей, повторяя собой то первое празднование, описанное Ридом. Река красных знамен, масса народу, несущая «слова надежды и братства и

изумительного пророчества». Слова надежды и братства воплотились в дело, которое грандиозно. Народы Африки, Азии и Латинской Америки сбросили иго империализма. Книга Рида является трактатом нашего времени, эпохи, которая началась в 1917 году. Проблемы, порожденные революционной борьбой русского народа, все еще являются основой всех массовых движений.

Поступь марширующих колонн доносится и до могилы Рида... Изменения в мире и «изумительные пророчества» захватывают умы человечества сегодня и определяют его действия в будущем.

1970

Джон Говард Лоусон

СОДЕРЖАНИЕ

Дангулов А. С., Дангулов С. А.

Д17 Легендарный Джон Рид. М., «Сов. Россия», 1978.

224 с.

Книга от иачала и до конца документальна. Жизнь Джона Рнда представлена в книге, как отразили ее документы, если отнести к ним и все автобиографнческое, что написано самим Ридом. Документальное существо книги позволяет воссоздать жизнь американского журналиста с возможной достоверностью и точиостью.

ЗКИ1(092)

Д $\frac{11301-100}{М-105(03)78}$ 66—78

Алексаидр Саввич Даигулов
Савва Артемович Дангулов

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ДЖОН РИД

Редактор **Н. А. Арзумаиова**
Художествеиный редактор **Э. А. Розеи**
Техиический редактор **И. И. Капитоиова**
Корректор **Н. Д. Бучарова**

ИБ № 900
Сдано в иабор 15/XI-77 г. Подп. к печ. 20/IV-78 г. Формат бум. $60\times84^1/_{16}$. Физ. печ. л. 14,0 + 16 вкл. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 14,29. Изд. инд. ХД-151. А08145. Тираж 50 000 экз. Цеиа 85 коп. Бум. № 1 типогр. Заказ № **370.**

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжиой торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.
Отпечатано с матриц ордена Ленина типографии «Красный пролетарий» на книжиой фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской обл., ул. им. Тевосяна, 25.

Ten Days
that Shok
the World
by JOHN REED

ДЖОН РИД
Десять дней
которые потрясли
мир

